

Михаил

ВЕЛЛЕР

ПОНИМАТЕЛЬ

Михаил Веллер

Пониматель

«АСТ»

2004

Веллер М. И.

Пониматель / М. И. Веллер — «АСТ», 2004

ISBN 978-5-17-033987-7

Человек – это часть Вселенной и существует по ее законам. Поэтому первый и необходимый шаг к осознанию своего места в ней – Понимание себя и окружающего мира. Познай себя – и ты познаешь весь мир!

ISBN 978-5-17-033987-7

© Веллер М. И., 2004

© АСТ, 2004

Содержание

Предисловие	5
Я сказал	7
Еще короче о главном	15
До того, как	16
Мир познаваем или нет?	16
Принцип биполярности,	17
Подлинное и мнимое	20
Понял-нет?	22
Пониматель	22
Мозг и режим форсажа	23
Ум и интеллект	25
О правде	28
Камо грядеши	30
Прогресс	30
Пицца	33
Государство и ландшафт	35
Письменность и информатика	37
Государство и эволюция	38
Империя	41
Падение цивилизаций	48
Цивилизация и рождаемость	50
Метисы	59
Закон	61
Коммунизм	64
Табу и его разрушение	67
Интеллигенция и ее уход	74
Отсюда и в вечность	79
Продолжительность жизни	79
Детство	82
Молодость	84
Романтика	88
Зрелость	90
Отцы и дети	92
Изменение характера с возрастом	95
Рак	98
Смерть	101
Вера и религия	106
На прощание	114
О тех, кто понимал	114
Шопенгауэр.	114
Вернадский.	114
Фрейд.	115
Резюме	117

Михаил Веллер

Пониматель

«Лицо матроса исказилось от мучительного умственного усилия».
Джон Рид. «10 дней, которые потрясли мир».

«Я даю ответы».
Пророк Михей, 3, 2.

Предисловие

Все это уложилось у меня в голове около тридцати трех лет. Надо заметить, что тогда я не был знаком с теориями Вернадского и Гумилева, не читал Шопенгауэра и Тойнби, и не слышал фамилии Чижевского. Стоял 1981 год, и страна была закрыта снаружи и внутри. Приходилось думать самому, благо больше делать было нечего: это вообще было время думанья.

Когда позже я упомянутое, как и многое другое, получив возможность, прочитал, оказалось, что в принципе я сказанное ими уже понял сам и пошел дальше. Жизненный опыт, Стендаль с Толстым, учебник физики и очерки истории, плюс кое-что из классической беллетристики – вот и вся исходная база. Плюс привычка и возможность размышлять на интересующую тему без ограничения времени и сил. Обидно, конечно, когда что-то важное не ты, оказывается, понял и сказал первый, но, с другой стороны, встретить подтверждение своим мыслям у признанных корифеев – лишний раз убеждает в правильности движения и, кроме того, самостоятельное понимание легче позволяет избежать их колеи и не ограничиться их учением, а видеть шире и двигаться дальше. Начав вдаваться в частные детали (а их океан), всей картины не охватишь.

В первый раз я кратко изложил свою теорию на 25 страницах летом 1981 года, дав рукописи заголовок «Линия отсчета». Редактор категорически отверг ее включение в мою первую книгу прозы, «Хочу быть дворником», готовившуюся тогда к изданию. Равным образом она была отвергнута всеми мне тогда известными редакциями – от «Нового мира» до «Химии и жизни», всего десятка два отказов.

Во второй раз я изложил ее в повести «Испытатели счастья», сочиненной исключительно ради этого изложения осенью 84 года. Беллетристическое обрамление нужно было только для просовывания вещи в печать. Из всех журналов ее взяла только ленинградская «Аврора» и напечатала в 87 году (такие тогда были сроки). Ни звука о сути теории ни от критиков, ни от читателей не воспоследовало, хотя повесть была отмечена.

В третий раз теория, в объеме уже 70 страниц, была изложена в форме диалогов в условно-беллетристической повести «Печник» в 1985 году, и издателя для нее найти не удалось.

В четвертый раз, в весьма сокращенном виде, я изложил ее в, опять же, специально для того только и написанном рассказе «Шаман» весной 86 года. Рассказ был взят «Юностью» и поставлен в обычную очередь на публикацию, и в конце концов ее опередила публикация в книге, а «Юность» тем временем разделилась и лопнула: кипела перестройка. «Шаман» вошел в сборник «Разбиватель сердец», вышедший в конце 88 года.

В пятый раз изложение теории составило суть заключительной главы «Вечные вопросы» в романе «Приключения майора Звягина», который с 91 по 97 год вышел десятком изданий в шести издательствах общим тиражом около полумиллиона. Излишне упоминать, что это «хви-

лософствование» читателям книги, ставшей бестселлером, показалось сложноватым и излишним – при всей предельной простоте формы.

В шестой раз теория заняла половину, двести страниц из четырехсот, романа «Самовар», который вышел в 97 году в Москве (журнал «Дружба народов»), Иерусалиме (еженедельник «Пятница» с января по март и издательство «Миры») и Петербурге («Издательский Дом „Нева“») и издательство «Объединенный капитал») общим тиражом сто три тысячи.

Для «некоммерческого» сочинения на русском языке в 97 году – это тираж нетипично большой, исключительный.

Пятнадцать лет я долдонил мою теорию всем встречным и поперечным, опубликовал ее здоровенными тиражами, и только теперь пришло некоторое ее признание и понимание. Специалистов, коих мало, отталкивала излишняя, по их мнению, простота формы и наглость мысли, а не специалистов, коих большинство, отталкивала излишняя, по их мнению, сложность содержания, которое они по наивности принимали за компиляцию чужих трудов. Хотя эта книга понятна любому, кто сподобился успешно окончить среднюю школу, и интересна каждому, кто хоть раз задумывался над тем, хрен ли он несчастен и почему так устроено, что мы трудно и глупо живем.

Надо заметить, что в Израиле это поняли лучше, чем в России. «Пятница» попросила к опубликованию не первую часть «Самовара», беллетристическую, а именно вторую, теоретическую, сочтя гораздо более оригинальной и привлекающей читателей, и шлепала ее из недели в неделю двадцатитысячным тиражом. Рецензии говорили также более о теории.

Литературным критикам и в общем читателям в России до теории дела не было вовсе никакого, или же очень мало. Что и понятно. Критик – не ученый, не естественник, не философ, он живет внутри беллетристики, ею, на ней, над ней, так что это выходит за пределы его профессиональных занятий, знаний и интересов. Кроме того, очень трудно допустить мысль, что Мишка Веллер, хорошо знакомый и читанный, филолог по образованию и прозаик по профессии, а вообще – свой (или не свой) мужик, мог удумать всерьез чего-то такое, чего до него никто не знал. Дело обычное. А читателю в основном сейчас некогда, жизнь такая быстрая, трудная и интересная, что не успеваешь синяки лечить.

А вот сколько-то светил из профессуры биологии, истории, медицины выразили свое понимание и приятие со всякими комплиментарными выражениями. Равно как и самые разные читатели из числа тех, кто склонен задумываться о своей жизни и жизни вообще, и искать ответов на вечные вопросы о несовершенстве мира и несправедливости жизни.

Это – седьмая публикация.

Я сказал или краткое содержание предшествующих серий,

или,

что то же самое, сокращенное и упрощенное повторение сути первой части, предназначенное для пуццей ясности и легкости понимания, и рассчитанное на то, что – ни в коем случае не Вы лично, Вы умный человек, Вам просто было некогда слишком глубоко вникать в первую часть, – что большинство людей, и даже читателей этой книги – не способные к самостоятельному мышлению и даже к пониманию сколько-то новых и самостоятельных мыслей идиоты, среди которых Вы вынуждены жить.

Это новая и самостоятельная концепция Мира и Человека в Мире.

Она объясняет мир и человека впервые наконец целостно и полно без условно взятых величин типа Бога или Мировой Идеи.

Она основывается на том, что мир объективен и познается разумом.

Она исходит из человеческого сознания, из тех элементарных понятий, которые знакомы и понятны каждому, из тех вечных вопросов, которые ставились тысячи лет, и до сих пор не были разрешены.

Для ее понимания достаточно минимального жизненного опыта, элементарного здравого смысла, логики и самых основ научных знаний.

Она сводится к тому, что человек есть часть Вселенной и существует по общим законам Вселенной.

Только и всего.

1). Человек знает, как ему надо жить хорошо и правильно. И все-таки живет иначе. Он знает, что необходимо беречь здоровье – и все-таки мало его бережет, а часто просто гробит себя, и понимает это. Почему, зачем?

Он мечтает о взаимной любви, и все-таки редко любит взаимно и счастливо, редко женится по любви. Часто любовь отдельно – семья отдельно, и находится масса причин, чтоб не быть вместе. Зачем вообще любовь, ведь легче жить и размножаться просто посредством секса при дружбе и понимании, без всяких страданий и страстей?

Добывание необязательных для существования денег и материальных благ доставляет только суету, переживания, стрессы, усталость, подрывает здоровье и сокращает жизнь. Почему же не довольствоваться минимумом и жить в покое, занимаясь чем хочешь?

Мудрецы тысячи лет учили, что счастье – в нашем внутреннем состоянии, надо обходиться лишь необходимым и не гнаться за излишним, эти вечные желания изводят, нет им предела, они заставляют страдать, делать не то, что мы хотим, – люди это знают, так почему не следуют этому?..

Все хотят любимой работы, любимого дела – так зачем в погоне за вещами и положением чаще всего занимаются тем, что не любят, к чему не испытывают душевной склонности: живут так, как за бесплатно не стали бы. На кой черт?

Люди мечтают о свободе, о возможности делать что хочется – и тянут ежедневную лямку, вздыхая. Почему они сами придумывают себе тюрьму?.. Посмотрите на бродяг: у них есть кусок хлеба и одежда на теле, подвал или чердак для ночлега, они вольны жить где и как хотят, а на еду всегда сегодня можно заработать. При этом и мыться можно, и на теплом море обсохнуть, и книги читать, и на водку денег насобирать, и в картишки перекинуться. Так если вправду хочешь свободы – живи так; почему нет?..

Вот бизнесмен умирает от инфаркта – а денег у него куры не клюют; почему не остановиться, не жить спокойно? Он ведь все понимает...

Вот у человека слава есть – а детей нет. Что ему преходящее внимание толп чужих людей, которые завтра оплюют его, а послезавтра забудут? Кто улыбнется ему из колыбельки, кому он купит игрушки, за кого порадуется, кому оставит нажитое?

И знание всего этого – не меняет его жизни.

Люди поносят государство, мечтают о справедливом устройстве общества. Так почему не устроить?

И вот одно государство устроено более милосердно и заботливо, чем другие. Даже если ты не работаешь – каждый имеет приличное жилье, и деньги на еду и одежду, и хорошую бесплатную медицину, и возможность свободно передвигаться по миру и самому выбирать себе дело. Такова, скажем, Швеция. Так почему в Швеции самый высокий в мире уровень самоубийств?.. Счастливы там люди? Да не похоже, на скуку жалуются и пиво жрут ящиками.

И продолжают гробить планету, необходимую им для жизни. И общества защиты экологии создают, законы принимают, все ведь понимают, – и все равно продолжают гробить в увеличивающейся прогрессии, и на все у них находятся причины. Да ведь не вымрут они без автомобилей и электричества, а без воздуха и воды вымрут на фиг! Нет, крутят свою шарманку.

Так почему они поступают вопреки собственным интересам? Вопреки собственной жизни, собственному счастью? И в чем же тогда их истинные интересы? Кто, что, как, почему заставляет людей жить так, как они живут от века – от века жалуясь на страдание?

2). Обратимся за ответом к собственному сознанию – глубже нам не к чему обратиться, познаем-то все через себя, свой разум и чувства, все желания-то наши и обломы внутри нас самих. Для человека весь его мир хранится в памяти его сознания и подсознания.

Спроси себя, свою память – что для тебя в жизни главное?

И обнаружится странная вещь – совсем не все, что ты считаешь главным, ты хорошо помнишь. Знаменательные даты, основные события – часто стираются и исчезают в деталях, размываются в памяти: этапы карьеры, черты лиц, главные решения жизни – не всегда толком и помнишь.

А мелочи иногда застревают. Обиды, моменты горя, пики радости и детства, и зрелого возраста. Но более того: вечерний пейзаж, разговор со случайным попутчиком... запах свеже-скошенного сена, вкус груши, краски заката.

Почему память юности крепче памяти старости?..

...Человек помнит то, что острее почувствовал, что более возбудило и взволновало его чувства, – а сознание иногда может полагать это мелочью, проходной деталью.

3). Ощущения – вот с чего начинается разгадка. Отсюда идет верный путь к пониманию всего.

Ибо нам реальность дана, как справедливо замечено, только в наших ощущениях и через них.

Если человека лишить ощущений – в черной безмолвной невесомости – он очень быстро сойдет с ума и быстро умрет в разладе всех функций организма – буквально в считанные часы, в несколько суток. Если его еще анестезировать – чтоб он не мог ощущать напряжение своих мышц, изменение одной части тела относительно другой, не мог ощутить сжатия челюстей, ощупать языком зубы, – то дело пойдет еще быстрее.

Только по ощущениям, по нервным сигналам с периферии, от органов чувств и вообще от тела, мозг и делает вывод, что жизнь идет, и принимает решения, что делать.

Разбита нога – мозг ее бережет, рефлекторно не велит опираться, болью вопит: принимай меры! Вгони новокаин и морфий – и поскакал: мозг обманут, полагает, что все в порядке, велит мышцам действовать в нормальном порядке.

Внуши под гипнозом, что прикладываешь человеку к руке раскаленное железо – и коснись линейкой: ожог! физиологическая реакция на раскаленное железо! ощущения продиктовали.

Туземные штучки: внушит колдун туземцу, что он умрет – и тихо умрет «ни от чего» здоровый как бы человек.

Мозгу как бы все равно, получает он ощущения от реальных вещей, или «искусственно», обманывают его: он иногда не может различить. А ощущения как таковые ему потребны, он к ним стремится, без них не может, для того создан.

И ясно, что прежде всего он стремится к хорошим, приятным, комфортным ощущениям: тем самым он «полагает», что хорошо всему «вверенному ему» организму.

И вот крыса со вживленным в мозг электродом нажимает лапкой педаль, беспрерывно раздражая центр наслаждения, пока не умрет от истощения. Мозг «полагает», что – верх чего надо, высший кайф!

А кошка хаваает валерьянку. А собачка полюбит пиво.

А человек вообще спец-сибарит. Вино, наркотики, гурманство. Понимает, что вредно! – но хочется!! приятно!

Ест ведь не потому, чтобы сознательным актом жизнь поддерживать, а – хочется, приятно, удовлетворить чувство голода – которое внушением или химическими препаратами можно уменьшить, а можно увеличить.

Субъективно, для мозга, жизнь – это комплекс ощущений. Ими руководствуются, по ним все оценивают и анализируют, к ним стремятся.

4). К чему бы человек ни стремился – он стремится к счастью. (Можно пока так сказать.) В самом деле: он же не просто хочет обладать домом, красавицей, золотом, – он хочет этого потому, что тогда ему будет хорошо. Приятно, комфортно, отлично!

Обычно счастье полагают получить через обладание благами и/или совершение интересных и геройских поступков. И тогда, значит, будут очень хорошие ощущения.

Тогда здоровые, богатые, красивые люди должны быть счастливы. Им прочие завидуют. Ан они тоже плачут, и страдают, и даже кончают самоубийством. Что за черт?

Бродяга хохочет, а герой вешается. Вот так штука!..

Счастье внутри тебя, учат мудрецы. Избавься от всего, что может причинить страдание. Чем меньше имущества – тем меньше забот. Чем дальше от людей – тем меньше разочарований и предательства. Чем меньше надежд – тем меньше крушений и горя от несбывшегося. Будь счастлив тем, что имеешь – здоровьем тела, воздухом, пейзажем, улыбками, размышлениями: вот лишишься этого, тогда поймешь, какое это счастье.

Люди это понимают. Страдать не хотят. А все равно лезут чего-то добиваться, вот страшно страдают, мучатся, если у них нет чего-то, чего им хочется.

Вот выходит парадокс. Хотят, чтоб им было хорошо. Знают, как надо, чтоб было хорошо. Но лично к себе, здесь и сейчас, это знание применять не хотят! считают это знание в данном конкретном случае неправильным, неприменимым, абстрактным, а вот себе хотят счастья конкретного, через обладание и достижение. И в результате страдают.

А и достигнут – так счастливы-то на минуточку, пока не привыкнут, или вообще на счастье сил уже душевных нет, или разочарован, что в натуре все не так выглядит, как в мечтах, и опять ведь мало, не удовлетворится. И понимает: был беден, молод, здоров, – балда, вот когда счастлив был, хрен ли этот особняк и дурацкий орден.

Счастье – это состояние, комплекс ощущений, настрой души, образ мировосприятия. Так и надо по идее стремиться к этому, а не наворачивать горы суетного хлама и страдать из-за его отсутствия или не того качества.

5). А зачем человеку вообще способность к страданию? Как это он так создан? Зачем, почему?

Чтобы различать хорошее и плохое, желательное и нежелательное? Счастье – бери, страдание – беги?

Это бы просто. Тогда страдание можно считать просто нагрузкой к счастью, обратной стороной медали, без которой не бывает. Подвиги – через трудности, к звездам – через тернии, к славе – через муки и так далее. Или: э, счастье сейчас, а страдание потом, потом когда еще наступит, ладно, а пока понаслаждаюсь.

Но почему в старости, в покое, когда все пройдет, человек так отрадно вспоминает трудности, лишения, испытания – во время которых их отнюдь не хотел, а хотел только, чтоб их не было, чтоб скорей кончились? Походы, войны, жару, голод? Да уж запомнились, сильные были ощущения, не забудешь... Потому что сейчас, из безопасности, приятно чувствовать по контрасту, сейчас-то все отлично?.. Это бы тоже просто...

Почему существует мазохизм? Патология, говорите?

А почему, черт возьми, сильное наслаждение часто граничит с болью? Это знают все приличные любовники: «Сделай мне больно...»

А почему, кряхтя от наслаждения, хлещутся раскаленными вениками в парилке? Это ж разновидность самобичевания.

А почему граничит с мукой сильный оргазм, верх наслаждения?

А почему авантюристы, люди повышенной энергии, наслаждаются риском, игрой с опасностью, близостью смерти?

А почему манит страшное, ужасное: шагнуть с высоты в бездну; вонзить нож в человека; выматериться в открытом эфире по телевизору, помочиться в театре с балкона? И ежишься от ужаса и стыда, представляя это, – и тянет же что-то переживать эти чувства.

Тошнит детей, подсматривающих в щелочку скотобойни, – а тянет смотреть.

Киношные страшилки, катастрофы и кровавые сцены основаны на эксплуатации этого чувства.

Вернемся чуть выше. Жизнь – это комплекс ощущений. А инстинкт жизни повелевает жить. Чувствовать то есть.

И чувствовать не только хорошее, приятное, желательное, – но и «нехорошее», неприятное, нежелательное как бы.

Прожить – значит реализовать заложенные в организме возможности. Это уже мало зависит от сознательной установки. Это уже природа, устройство, имманентное свойство, так сказать.

И чем больше человек за жизнь испытал всего – т. е. перечувствовал разного, сильного, всякого, – тем полнее была, субъективно, его жизнь. **Вот к этому он и стремится.**

Способность к страданию – уже достаточная для него причина. Все, что может произойти с человеком – должно произойти! Это и есть его жизнь. «Излишних», «запасных» способностей в природе не закладывается, в человеке в том числе. Все, что может функционировать – призвано функционировать.

«Кого возлюбят боги – тому они даруют много счастья и много страдания». «Для счастья потребно столько же счастья, сколько и горя».

Кто прожил более полную, богатую жизнь – тот, кто прожил только половину сферы чувств, счастье, или тот, кто прожил обе половины – счастье и горе? Примерно так.

И еще одно... Страдание, как известно, побуждает к размышлению, к пониманию. А думать и понимать – это сила, функция, призвание, назначение, это лежит в основе всей человеческой деятельности, исходный пункт ее как именно человеческой. В этом уже некоторая, так сказать, прикладная полезность страдания.

Так что когда человек стремится к счастью – тут сознание маненечко его обманывает. Пилюлю подсахаривает, чтоб бежал шибче за положительным стимулом. Человек стремится и к счастью, и к страданию.

Это и есть – субъективно – самореализация.

б). А самореализация уже напрямую связана с **самоутверждением**. А самоутверждение происходит через поступки, действия. Почему?

Мозгу, конечно, можно искусственно поставлять ощущения – проще всего через наркотики и их отсутствие – вот тебе и верх блаженства, и эйфория, наслаждение – и депрессия, несчастье, страдание. Вроде, выходит то же самое. Ан нет.

Мозг наделен способностью к абстрактному мышлению, рефлексии, анализу, воображению. И эмоции, ощущения могут возникать не только напрямую, но и через разум, оценку, память, понимание: радость от исполнения планов и горе от их крушения, радость или горе от известий издали, от похвалы или порицания, награды или наказания, от обретения или потери благ; удача или неудача в чем-либо, совершение или несовершение какого-то поступка – все это причина и источник ощущений, слабых и сильных, положительных и отрицательных.

Радость познания, свершения, успеха, и горе от наоборот – она также присутствует. Человек – не крыса с педалькой и электродом, он думает и понимает больше. И кроме «прямых», «обманных» или «чисто физиологических» (еда, секс) ощущений способен испытывать ощущения через рассудок вследствие своих действий. И если эту способность, возможность, отбросить – комплекс ощущений будет обеднен, какие-то способности и возможности центральной нервной системы будут не реализованы, не использованы. А они хотят быть использованы, они зовут к жизни, к реализации себя!

А кроме того, познание и новизна впечатлений – это тоже радость, тоже сильные ощущения.

А кроме того, есть чисто мышечная радость – ощущение силы и жизни своего тела. И муки телесного перенапряжения.

А кроме того, ведомый инстинктом жизни, руководствуясь инстинктивной потребностью реализовать и приложить заключенную в себе энергию жизни, человек рассудком оценивает, насколько полно, богато, мощно он живет. А оценить он себя может только относительно окружающих, других людей. И это сравнение доставляет ему сильнейшие ощущения, ему отраднее быть значительным среди себе подобных, и несносно, горестно – быть слабым и незначительным.

И он из кожи вон лезет, ощущая радость и горе от того, какое место среди людей занимает. (Тот же естественный отбор, то же процветание сильных и приспособленных, просто критерии могут быть условны: металлические кружочки или цветные бумажки, местоположение жилища или акустические колебания перед толпой.)

Для «прямых», «обманных» ощущений разума не нужно. Наркоте, алкоголю, электроду не нужно образование, интеллект, какие бы то ни было способности – нужен только чувственно-воспринимающий аппарат.

Наличие разума есть дополнительная зона, «дополнительный орган» для ощущений. Возможности его огромны. Любой объект, любое событие может быть использовано, трансформировано разумом как повод для ощущений, субъективно – как причина и источник ощущений. Фиг ли крысе мода, орден, победа футбольной команды!

И вот жажда ощущений, получаемых через «рацио», абстрактный и аналитический разум, толкает человека к действиям. Эти действия могут быть для выживания индивида и рода бесполезны, не нужны, с точки зрения биологического существования индивидуума – даже вредны, даже смертельно вредны. Самоожожение ученых и художников, самокалечение спортсменов и самоубийство авантюристов и воителей. Но – сколько кайфа, напряжений, мук и радостей! Сколько гордости и удовлетворения – и уважения, восхищения, поклонения окружающих!

Сильные напряжения – сильные ощущения. А сильные напряжения идут от значительных действий – физических, политических, научных, эстетических.

И стремясь инстинктом жизни к получению за жизнь максимальной суммы ощущений, оптимальная сила которых для каждого своя, определяется врожденной мощностью центральной нервной системы, – человек инстинктивно и неотвратимо, безусловно, стремится за жизнь сделать максимум того, на что он способен.

С точки зрения моральной или интеллектуальной оценки, его действия могут быть плохие и хорошие, умные и глупые, ошибочные и верные, вредные и полезные – но по «абсолютной величине» они для индивида предельно велики, значительны.

«Великие люди» отнюдь не часто благодетели человечества. Разрушители культур, убийцы миллионов, создатели изобретений, поставивших Землю на грань гибели, – но они совершили крупные действия, наворотили дел, линиями их судеб отмечен маршрут Истории, и их помнят.

Открыть, изобрести, создать, потрясти человечество и удостоиться высшего признания – или хотя бы быть богатым и знаменитым – или хотя бы получить медаль – или хотя бы иметь модную и престижную вещь – человек стремится к этому.

Стремясь к максимальным ощущениям – он стремится к максимальным действиям.

7). До сих пор речь шла о вещах, по отдельности известных, но раньше их не свинчивали в единую цепь: мозаика была не собрана.

Мы исходили из минимального числа безусловных и ясных истин. (Кто знает – может вспомнить «бритву Оккама».) Цепь такова:

Инстинкт жизни – «вечные вопросы» – память – ощущения – стремление к счастью – бессознательная потребность в страдании – самореализация энергии жизни в человеке через получение ощущений мозгом – безусловное, проистекающее из сущности инстинкта жизни в человеке, стремление к максимальным действиям.

Оригинальность и открытие заключаются в том логическом и аналитическом построении и выводе, что разум есть надстройка для получения дополнительных ощущений, а инстинктивно диктуемая потребность в ощущениях толкает человека к совершению максимальных действий в жизни, на которые он способен.

Субъективно и сознательно человек стремится к счастью (как его представляет), субъективно и бессознательно человек стремится к страданию, – и, субъективно реализуя таким образом инстинктивную потребность в жизни через получение ощущений, – объективно совершает действия, максимально возможные для индивидуума, предел которых определяется лишь уровнем развития знаний, техники, социальным устройством и моралью общества.

И вот от вечных вопросов о счастье и несчастье человеческом и «загадочной и вечной неправильности» человеческой жизни мы естественно втекаем в вопрос о месте и роли человека в мире.

Что такое любое действие? Это изменение хоть чего-то в мире. Человек затратил хоть какую-то энергию и совершил хоть какую-то работу. И что-то стало не так, не там, иначе, чем раньше, – хоть плод сорвал, хоть на землю плюнул, хоть друга травмировал ударом в глаз.

Так. Животные тоже действуют: перемещаются в пространстве, съедают траву или кроликов, испражняются, роют норы, рожают себе подобных. Чем человек отличается от животных – принципиально отличается – с точки зрения действий, если глядеть со стороны? На каком этапе, как, чем человека можно выделить? (Разума пока со стороны, наблюдателю из космоса, скажем, не видно: есть стаи весьма похожих обезьян разной степени волосатости, и все они живут родами, едят яблоки и т. д.)

Орудия труда? Но и обезьяна кидает палку во врага или плод, дятел выковыривает гусеницу колючкой из щели, орел сообразит поднять и разбить черепашку о камни, а ворона – размочить сухарь в луже. Палка и камень человека здесь не отличие.

Речь? У дельфинов, волков и многих других есть десятки звуковых сигналов на все случаи жизни: убегай, нападай, давай покушаем, хочу любить и т. д. Звуковые сигналы первичного человека от этого не очень отличались и функцию выполняли ту же.

Организация общества? Волки, обезьяны, моржи и масса еще кого отлично и целесообразно организованы: охотники, загонщики, часовые, охрана и кормление беременных и кормящих самок и детей, бескровное определение лидера, взаимопомощь, иерархия по силе и ценности для сообщества и т. д.

Огонь! Именно и только огонь! Только человек сумел и смог использовать, кроме собственной биологической энергии, энергию внешней природы – небиологическим способом, не ограниченный возможностями организма. В брюхо лишнего не впишешь, не переваришь – а сжечь можно хоть весь лес. «Законсервированная» в топливе энергия резко увеличила его энергию: отгонять хищников, греться в холод, лучше усваивать жареную пищу.

А причина? Разум? Да, додумался. Умный – означает: может и будет много делать, означает: сильный, энергопотентный.

А что такое разум? Откуда взялся? Дан от природы?

Сотни известных науке «маугли», воспитанных с младенчества животными и в возрасте после пяти лет возвращенные в человеческое общество, уже никогда не становились разумными людьми: не овладевали речью и простыми навыками, не обладали мышлением в человеческом понимании. Куда делся их разум?

Зато могли спать в холод на земле, питаться корешками или сырым мясом, быстро скакать на четвереньках – за пределами возможностей даже хорошего спортсмена.

То есть человеку в «чистом виде», от рождения, дан не разум, а только способность к разуму. Дан излишек энергии центральной нервной системы. Он может принимать форму разума, а может пойти на адаптацию практически к любому образу жизни: жить в норах или на деревьях, выть или лаять, рыть землю ногтями или рвать глотки зубами.

Ни одно животное не может выйти за пределы возможностей своего вида, как его с рождения ни воспитывай и ни дрессируй. И всегда может вернуться в среду «своих». – Кроме человека.

И вынести человек может то, чего не может ни одно животное – это знают чемпионы по выживанию, попадавшие в крутые передраги.

Человек – энергичнее всех прочих.

Его повышенная энергичность – всего лишь способность к дополнительным возбуждениям центральной нервной системы, потребность мозга в больших возбуждениях, чем у других животных. Только и всего.

А в результате разум – как бы энергия второго рода. Посредством его человек горы переворачивает, города строит и в космос летает – с тем же мозгом, что и кроманьонец сорок тысяч лет назад.

Человек по своей природе:

– живой – осязатель – думатель – делатель.

А вся-то история жизни на Земле – это история того, как живые существа, от амёб до обезьян, потребляли, преобразовывали и выделяли энергию, содержащуюся в солнечном свете и всем веществе Земли. И процесс этот шел все быстрее, все активнее! И количество биомассы, биоэнергии на Земле все увеличивалось, умножалось!

Пока биоэнергия человека (тьфу, обезьяны со специальной особенностью в мозгу, мелочь!) не достигла такого уровня, что может преобразовать чуть ли не вообще всю энергию земной коры со всей биосферой, грохнув ее разом, превратив в свет и тепло, расщепив атомы и так далее.

Вот таков ход энергетической эволюции на Земле, и человек со своим разумом – ее высшее и завершающее (на данном этапе) звено.

Почему, зачем, на кой черт, да?

8). А что вообще делается во Вселенной и каково место человека в ней?

В основном по науке так: вначале был Большой Взрыв. Идет стадия расширения. Энтропия нарастает: расширяющееся пространство все более равномерно заполняется материей и энергией. По варианту пульсирующей Вселенной наступит стадия центростремительного сужения. По другому варианту наступит тепловая смерть: равномерное заполнение пространства материей и энергией, полное отсутствие «разности потенциалов».

Сейчас по мере нарастания энтропии часть энергии «консервируется» во все более сложных структурах – от звезд до планеты с жизнью. На Земле изрядная часть «законсервированной» энергии уже может быть выделена посредством человека – вариант термоядерной бомбы.

Вариант идеального преобразования и «задействования» запасенной энергии – типа аннигиляции, превращение всей материи в свет, предельно сильный взрыв.

Человек со своим принципиально присущим стремлением ко все более крупным действиям отлично встраивается в эту цепь. От выделения энергии вещества через горение он уже перешел к выделению энергии вещества через ядерное расщепление. И никто не может сказать, что это предел.

Человек с его разумом и функцией преобразования мира – узловая, поворотная «анти-энтропийная точка». Достаточно создать человека – и он выделит энергию из всего вещества, до которого только дотянется.

А пройдет время – и кто знает, как он еще может мутировать, что откроет и наизобретает. И дотянется до чего угодно по всей Вселенной. (А не сам – так не знакомые пока родственники.)

Возникновение Человека в энергетической эволюции Вселенной логично и закономерно. Посредством Человека уничтожается Старая Вселенная и возникает Новая.

Вот вам и Пульсация, и Большой Взрыв, и причина.

И вот вам стремление к Максимальным действиям.

И вот вам назначение Человека во Вселенной.

И вот объяснение всему человеческому поведению.

Разум – это Запал всеобщего Уничтожения и всеобщего Созидания.

.....

И вот вам вся цепь, рассмотренная от предела до предела и замыкающаяся сама на себя – от горя и счастья человека и его желания постичь себя и свою жизнь – до устройства Мира, его гибели и рождения.

Хау. Я все сказал.

Еще короче о главном

Я сказал, что во всех своих действиях человек руководствуется инстинктом жизни; инстинкт жизни являет себя через потребность в ощущениях, как положительных, так и отрицательных;

субъективно жизнь есть сумма ощущений во всей их гамме, стремление к силе и полноте гаммы инстинктивно;

разум есть надстройка центральной нервной системы, позволяющая трансформировать через мысли в ощущения любую информацию о любых событиях и действиях;

и таким образом стремясь к ощущениям, человек стремится к действиям, сумма которых в общем максимальна для индивида в течение жизни;

от природы, от рождения человек наделен не разумом, но лишь способностью к разуму, который в основе есть способность и потребность в повышенной возбудимости центральной нервной системы – разум есть оформление повышенной энергетики центральной нервной системы сравнительно со всеми прочими существами;

посредством разума человек выделился среди прочих существ с овладением огнем, то есть включив в свои действия энергию, содержащуюся в веществе планеты, в неограниченных размерах, гораздо больших, чем физиологические потребности собственно организма;

человек всегда находится в принципиальном неравновесии с окружающей средой: разум стоит к чувствам в том же отношении, как ускорение – к скорости, увеличивающаяся сумма знаний требует совершения все больших действий для получения той же силы и качества ощущений, и действия как изменение окружающей среды имеют нарастающий характер все большего и скорейшего преобразования и выделения энергии;

все действия и особенности человека и человечества объясняются и обусловлены выше-сказанным и лежат в его рамках;

эволюция неорганической и органической материи Земли носит антиэнтропийный характер консервации энергии во все более сложных материально-энергетических структурах;

посредством человека делается возможным преобразование и выделение все большей части этой энергии, которая без него могла бы сколь угодно долго оставаться «невостробованной», «косной», «мертвой», (а энергопреобразование есть сущность Бытия);

человек разумный есть верхняя точка антиэнтропийной эволюции планеты, в принципе – самый совершенный энергетический запал всей окружающей материи;

предел лавинообразно нарастающему энергопреобразованию окружающей среды человеком принципиально не видим; в идеальном удалении тенденция имеет конечной точкой преобразование Вселенной, т. е. уничтожение нашего Мира и создание Нового – это и есть то Максимальное Действие, к которому направлен вектор человеческой деятельности;

таким образом человек есть этап, звено, средство, орудие, самопреобразования Вселенной в целом;

и объективно равнодействующая всех его чувств, помыслов и поступков направлена на это;

– что вполне объясняет и увязывает жизнь и сущность человека, народа, истории с их местом и ролью в мироздании.

До того, как

Мир познаваем или нет?

На этот вопрос из разряда вечных есть два с половиной ответа: да, нет, частично.

Агностики полагают, что мир непознаваем в принципе. Вот есть человеческие ощущения, весьма субъективные, а как все устроено на самом деле – черт его знает: копнешь чуть глубже, а там потемки и непостижимая тайна.

И когда они не могут дать ответ, как и почему устроено что-то в мире, они говорят, что это невозможно понять ограниченным человеческим разумом, а есть нечто высшее и безусловное: Божественная искра, или Тайна мироздания, или Категорический императив, или Высший закон морали. А кто этого не понимает – тот просто примитивный человек, мыслит вульгарно, чего-то ему от природы духовно недодано.

Гностики, в противоположность им, полагают, что мир постигаем разумом.

Необходимо оговорить, что гностиками назовем здесь для простоты не древних христианских философов, как обычно принято, а тех, кто придерживается гносеологии – теории, в общем, познаваемости мира.

В обыденной жизни все люди – гностики. Они учат астрономию, химию, психологию, сопромат, не говоря о правилах дорожного движения, и способны объяснить или предсказать разные явления, исходя из научных данных, из объективного знания. Метеопрогноз, конструирование корабля, приличное поведение в обществе, чтоб не выгнали вон, – на таком уровне человек понимает, как что устроено.

А если он чего-то не понимает в науке или технике, он просто говорит, что тут наука еще не в курсе дела. Надо бы разобраться. И начинает разбираться. Потому что наука имеет дело с объективными критериями и базируется на рациональном знании.

А вот если он чего-то не понимает в областях духовных, гуманитарных, он впадает в пессимизм относительно своих умственных способностей. А поскольку сам себя дураком никто признавать не любит, то индивидууму тут свойственно проповедовать ограниченность ума человечества вообще. И вместо поисков ответа закрывать дыру в неведомое ширмой неких высших и незбылемых иррациональных ценностей типа Морали.

И то сказать, какие объективные критерии в том, что воспринимается на уровне: приятно – неприятно, нравится – не нравится, хочется – не хочется. Поэтому когда речь заходит о любви, красоте, искусстве – все люди на самом обыденном уровне делаются агностиками: непостижимы, понимаешь, умом движения сердца человеческого.

Пробовали, конечно, эти духовные ценности объяснить простыми материальными причинами – для размножения, для дружного выживания рода в суровых условиях, для побуждения к дальнейшему росту и развитию. Не получается. Зачем любовь гомосексуалистов, зачем поп-музыка, зачем быть честным среди лгунов и воров?..

Мы исходим только из следующего. Если мир непознаваем, то не фиг и дергаться. Выпьем и закусим.

Если мир познаваем, так мы его и познаем.

Если мир познаваем частично, то предел этой части неизвестно где, а в том, что познание бесконечно, ничего оригинального нет.

Принцип биполярности, или, по-простому, разница как источник всего

Для того чтобы что-то происходило, должна быть разница между чем-то и чем-то. Чтоб вода текла, должна быть разница давлений или уровней, для нагрева – разница температур между нагревателем и нагреваемым и т. д. Где все однородно – там ничего не может происходить – типа тепловой смерти Вселенной.

Мифы многих народов мира подают теорию мироздания так: вначале был Хаос, все перемешано, бесконечная серая мгла, и ничего более. Затем Демиург отделил свет от тьмы, эфир от материи, воды от тверди, верх от низа, и образовался собственно Мир, Бытие двинулось по своей истории.

Инь и Янь как символ сущего. Добро и Зло, мужчина и женщина, работа и отдых, созидание и разрушение. И т. д.

На уровне механики, на уровне природы вокруг – это нам довольно понятно. Энергия водопада – она потому есть, что есть два уровня, и вода с верхнего может рушиться на нижний. Олень потому быстроног и рогат, что надо от зубастого хищного волка убегать и обороняться: энергия мчащегося оленьего стада и догоняющей его волчьей стаи возможна и существует потому, что есть эта разница между травоядными и хищниками: погоня как действие обусловлена этой разницей.

На уровне всех человеческих действий это гораздо менее понятно. Всё норовят свести к «Закону единства и борьбы противоположностей»: олень необходим волку для пищи, а волк оленю – для здоровья и естественного отбора. Да? А вот попали кролики в Австралию, где их никто не жрал, никакой борьбы с противоположностью – и началась там у кроликов райская жизнь, расплодился донельзя и на здоровье не жаловались. С кем же борется папуас, блаженно лежа под бананом, кто ему противоположен?

Гораздо более просто, удобно и внятно определить причину и основание для любого действия, для всего сущего, как биполярность.

Есть кролики, которые могут есть траву, и есть трава, которая может быть съедена кроликами. Поехали! Процесс пошел, как говаривал незабвенный Михаил Сергеевич Горбачев.

Кролик может бегать – а луг «может», чтоб по нему бегал кролик: раз-два-три – побежали. Система «кролик-луг» энергетически заряжена уже тем положением, что есть кому бегать и где бегать: кролик может менять свое положение в пространстве. Без кролика действий на лугу совершалось бы меньше, энергия пространства луга со всем его хозяйством была бы меньше.

Есть папуас и есть банан. Из этого следует масса возможных действий: банан можно съесть, а можно (ну, дурак он, или сыт) бросить в лес, а можно бросить в море, а можно растоптать, можно испечь, можно намазать им себе лицо, а можно воткнуть в задницу. Само наличие двух предметов – человека и банана – содержит в этой системе «человек – банан» изрядную потенциальную энергию.

А если мы как бы изыдем кубик из пространства, как ломоть из торта, и будут в том кубе только папуас и банан, и тщательно перемешаем их в ровную однородную массу. Что они могут? Ничего они не могут.

Давайте начнем теперь менять в нашем кубике предметы. Попарно. Вода – водоросль. Водоросль может расплодиться и заполнить всю водную массу. Дерево – воздух. Дерево может сгореть и превратиться в золу, а из воздуха оно выжжет весь кислород. Водород и кислород. Могут грохнуть со страшной силой.

Биполярность обуславливает энергозаряженность системы уже самим наличием системы. Система в простейшем виде – это два предмета. (Даже в самом простейшем – одна элемен-

тарная частица и вакуум: частица в нашем кубе может двигаться, совершая работу по своему перемещению в пространстве.)

А теперь от кроликов и элементарных частиц – к людям.

Вот в нашем кубике два человека. Делать им нечего – болтать да чесаться. И чем они более разные – тем труднее им найти взаимопонимание по любому вопросу, даже попросить другого не пукать, потому что это соседу неприятно. Разный язык, разные манеры, привычки. Они вынуждены совершать работу уже потому, что надо же как-то сосуществовать.

Если оба хорошие, каждый готов встать на точку зрения другого – договорятся быстро. А два эгоиста думают каждый о своем, и ругани с выделением психической энергии будет много: храп во сне и вообще кто лучше и главнее. Добрый идет к другому, а эгоист тянет на себя – вечные столкновения, разница потенциалов выше. Белый и черный – всегда найдут, чем уколоть друг друга: чем дальше партнер от твоего изображения в зеркале, тем больше во взаимоотношениях с ним всяких закавык и труда по их преодолению.

А если это мужчина и женщина, тут просто дети пойдут, активный процесс жизни затеется.

Ну и что? А то, что человек есть часть и порождение Вселенной, Земли, земной жизни, и весь он, как в субъективных ощущениях, так и объективных действиях, существует и функционирует по тому же принципу – биполярность как причина, источник, объяснение.

Непонятно? То есть:

§ 1. Цивилизации возникали в разнородном, биполярном ландшафте: средиземноморское побережье, нильская дельта, Двуречье. Энергетически более заряженный ландшафт давал возможность и человеку действовать с большей энергетичностью: реку перегораживать дамбами, воду пускать на поля, на берегу рубить лес, строить корабли, пересекать на них море, торговать с заморскими странами со взаимной выгодой. Разница таких вещей, как суша-море, суша-река, гора – равнина, лес – море, лес – поле позволяла человеку плюсовать свою энергетику к потенциально готовой энергетике ландшафта и именно здесь двигать прогресс. А прогресс – это растущее энергопреобразование. Это именно тот вопрос, над которым ломал голову великий историк Тойнби, но поскольку он был чистый гуманитар, ну очень чистый, то разобраться толком не сумел и определил действие ландшафта на цивилизацию метафорическим выражением «Вызов-и-Ответ». Якобы природа посылает человеку вызов тем, что жить ему некомфортно, и он вынужден преодолевать препятствия. При этом оставалось неясным, чего это «вызов» посылался в самых что ни на есть удобных для житья местах.

§2. Основатель Руси Рюрик был не славянин, а пришлый норман, скандинав, германец. Величайший властитель Франции Наполеон был корсиканец, что этнически скорее итальянец, но никак не француз. Максимальный рывок к величию и процветанию российская империя сделала под руководством императрицы абсолютно немецкой крови Екатерины II. Зато фюрер Германии Гитлер был австрияк. В противовес ему властитель русско-советского СССР Сталин был грузином. А брать в наследники трона не только заграничных принцев, но и свистать заезжих бродячих орлов, было в древности в обычаях многих стран. Чужая кровь дает могучую смесь со своею! А крепкий чужак дает высокоэнергетическую систему в совмещении с другим народом.

§ 3. А то кто-нибудь не слышал, что дети от смешанных браков в среднем очень хороши, крепки и талантливы.

§ 4. Мы еще много будем говорить в своем месте о сути вечного двуединства-противоречия разума и морали. Или иначе – материального прагматизма и морали. Здесь лишь заметим, что это – источник и причина сильнейших переживаний для человека. Сильнейшее внутреннее противоречие – оно только и позволяет говорить о «подвигах духа», дает огромные как положительные, так и отрицательные ощущения, а стремиться к их получению – суть человека.

Грудью на амбразуру! К черту саму свою жизнь (а жить охота!..) ради высших ценностей, высших свершений!

Биполярность ориентирования центральной нервной системы как аспект повышенной энергетики человека, как толчок к личностно над-эгоистическим, над-животным поступкам – вот предмет разговора.

Внутренняя противоречивость человека – и его сверх-энергичность, сверхактивность на Земле: это две стороны одного явления, одно суть другое и вытекает из другого.

§ 5. Знатоки женского вопроса и издатели порнографии давно констатировали, что наибольшей привлекательностью обладает не «женщина-вамп», а исполненное чистоты и невинности непорочное создание в контрасте со своими сексуальными формами и бесстыдно-откровенными позами. У зрителя сексуальное желание смешивается со щемящей и чистой тоской, и тяга к такой женщине делается беспредельной: о, как это может быть, она же не для того создана, он хочет ее – и одновременно хочет, чтоб она была непорочна и защищена от грязи мира, вожделеет – и испытывает боль от ее порочности. Биполярность «порочность – непорочность», «секс-бомба – невинное дитя» срабатывает с несравнимой силой. (Кстати о Мэрлин Монро.)

§6. Кто помнит «Собаку на сене»? Она кажется (графиня, а не собака, которой вовсе нет) доступной и недоступной одновременно, и это сокрушает человека чувствами необоримой силы.

§ 7. И Макиавелли, и Сталин отлично знали, что любят лишь того правителя, которого боятся: в его власти растереть тебя, и когда он не растирает, но наоборот, обласкивает – ты делаешься предан ему до слез. А кого нечего бояться – тем пренебрегают, мало уважают. А только жестокого – нет, боятся, уважают, ненавидят, но не любят, подчиняются из страха, но не из преданности.

Силен тот, в ком есть и то, и это. Значителен тот, в ком есть и добро, и зло, и черное, и белое.

Опыты установили, что щенки (щенки!) больше привязываются к тому, кто их и ласкает, и наказывает, чем к тому, кто только ласкает.

Кинорежиссеры и женщины знают, что самый привлекательный тип – это негодяй, способный на благородные и самоотверженные поступки. О, за них он вызывает больше любви, чем любой розовый герой.

(Только не надо заменять понятие биполярности разговорным словом контрасты. Нет, это отнюдь не одно и то же. Биполярность – это два полюса системы, разность которых определяет ее энергетические возможности. А контрастировать может хоть цвет мочи с белизной снега. Биполярность – это союз белого мужчины с черной женщиной. А контраст – это соседство белого мужчины с черным чемоданом.)

§ 8. Биполярность любви – выдача счастья и страдания вместе.

§9. Биполярность разума – и веры вопреки знанию, веры как неотъемлемого аспекта избыточной энергетики человека. (Кстати о функциях двух полушарий мозга.)

Подлинное и мнимое

Есть величины подлинные, реальные. Их можно проверить, сравнить, для этого есть объективные критерии. Этим занимается наука. Египетская пирамида больше китайской фанзы. Танк мощнее мотоцикла. Ракета быстрее дирижабля. От нашего отношения, чувств, восприятия это объективно никак не зависит. Если все человечество завтра исчезнет, разница между бетонным шоссе и грунтовым проселком все равно останется.

И есть величины субъективные, ценности, существующие только в человеческом сознании. Сюда относится вся так называемая культура за исключением материальных ценностей, созданных с сугубо прикладными, утилитарными целями. Идеально удобное для сидения кресло останется таковым, его ценность относительно человека понятна, – а всякие финти-флюшки, резьба, цвет, способ обивки и прочее – меняются в зависимости от моды, эпохи, вкусов и прочее. Для человека европейской традиции не существует азиатская музыка, а Леонардо изрядно нахотался бы над «Черным квадратом».

Все жизненно необходимое относится к реальным ценностям. Это жилища, дороги и транспорт, средства связи, одежда и пища, освещение и отопление, инструменты и компьютер. Необходимость их относительна – можно под деревом прожить и грибом пропитаться, – но все они расширяют наши возможности, делают более независимыми от природы, позволяют еще что-то сделать, познать, открыть, совершить, создать. Их можно сравнить по качеству, надежности, удобству, степени соответствия своему назначению – а назначение их всегда утилитарно, они созданы не просто так, для любования и получения непосредственного удовольствия от их наличия, а для того, чтобы при их помощи, посредством их что-то делать, узнавать, видеть, есть, обогреться.

Явна разница между большим домом и маленьким, конем и автомобилем, стрелой и бомбой. И тот, кто преуспел в создании и открытии таких вещей – немелкий или даже великий человек: он наносит изменения на карту мира.

А на кой черт вообще культура, без которой можно обойтись? Боже мой, из-за чего копыта ломают!

...Если бы человек был просто механическим орудием вселенной для переделки себя, то есть вселенной же, никакой культуры ему бы не потребовалось. Все усилия были бы сконцентрированы только на скорейшем развитии науки и техники. Рожать, изобретать, работать и двигать научно-технический прогресс, все прочее – архитектурные излишества.

Для того, чтобы это сделать, человеку подброшен самый минимум энергии энергии центральной нервной системы. Каковая и оформляется в разум – сине ква нон.

А разум этот, будучи «излишком» способности ощущений, базируется на них, их анализирует и ими руководствуется. Он как бы замкнут сам на себя, сам себя познает и сам собою руководствуется.

И живет он – субъективно – не для того, чтоб Вселенную переделывать, а чтоб себя реализовать: чтоб ему было хорошо (и плохо), интересно (и скучно); для себя живет, в своих интересах.

И для себя, по своим интересам, в своих ощущениях, в том мире, где центр и основа – он сам, его воспринимающий, познающий и продуцирующий мозг с его ощущениями, сообщениями, мнениями и оценками, он творит свою деятельность. Реализует возможности и получает ощущения.

А ощущения – и от открытия атомного ядра, и от полового акта, и от нюханья ватки с эфиром.

И получается что. В жизни ведь никакой идеи в чистом виде не бывает. Любой процесс с точки зрения какой-то цели имеет свой КПД. Что-то расходуется по ходу дела на трение, что-то на нагревание, что-то обламывается.

С точки зрения Вселенной, где человек есть звено ее переделывания себя, вся энергия его, которую он не расходует на ее переделывание, а пускает на необязательные для этого, ненужные, вещи – это отходы производства, накладные расходы, побочное действие.

А с точки зрения человека с его субъективным разумом, переделка Вселенной – это побочное следствие, причем часто нежелательное, а энергия идет в создание и обогащение, изощрение, постоянное досоздание именно человеческого мира: цивилизация, наука, культура, мораль, любовь, познание и так далее. А цель – это хорошая жизнь человечества, скажем. <...>

Понял-нет?

Пониматель

Ум как способность все понимать есть величина самоценная.

Понимание лежит в основе всей человеческой деятельности в отличие от животной. Схватить дубину, развести огонь – сначала надо додуматься. А если способ тебе уже известен – сначала кто-то должен был додуматься, а ты используешь уже известное, применяешь результат чужого понимания.

Мудрецы почитались всегда, и всегда над ними с известным пренебрежением посмеивались, особенно богачи и владыки. «Если ты такой умный, то почему ты еще не богатый?» – характернейшая шутка эпохи американизма.

В самом деле, цель существования обычно виделась человеку в богатстве, власти, любви, силе, уважении окружающих, и в этом полагалось счастье. А понадобятся умники – найдем за деньги, за деньги воспользуемся их советом, их умом. Значит, я значительнее, если использую умника работать на себя, в своих интересах?

Да, умник может быть нищ, слаб, одинок и несчастен. Все он понимает, да сделать ничего не может (или не хочет). Что ж толку ему с его ума, которым пользуются (или не пользуются) другие?.. Сплошь и рядом умник не в состоянии применять свой ум себе на пользу.

Но сам процесс думанья, понимания, постижения ему отраден. И здесь он самоутверждается, осознает себя значительнее других, реализует свои возможности; и здесь закладывается база для всех действий человечества.

Его думанье может быть абсолютно бесполезным с прикладной точки зрения. Но если бы люди всегда не думали о чем ни попадя и не становились упертыми фанатиками своей мысли – не было бы вообще человечества со всеми его цивилизациями.

Из всех человеческих «специализаций» и функций главнейшая и первая – пониматель.

Ни в чем человек не признается так неохотно и нечасто (и всегда не совсем искренне), как в недостатке ума, в глупости. Звание дурака – обида наиболее универсальная, независимо от образования, должности и возраста. Ум каждого – сам себе мера и оценщик, вместителище всего мира, сам для себя – данность, и осознать, что чего-то он не осознает (то есть увидеть то, что есть сам твой орган зрения, прибегая к сравнению), разумеется, не может. Ему уже нечем: что осознает – то и вот оно, а чего не осознает – того уже и... нет вообще.

Любой человек хочет понять свою жизнь. Пока все хорошо – так вроде все и понятно, и думать нечего. А вот когда все плохо – он задумывается, как же так, и если не может разобраться сам, то идет к другу, советчику, психоаналитику, мудрецу. И просит объяснить, как же так жизнь-то устроена, что он так вделся.

Профессиональный аналитик – в политике, разведке, прессе, науке – это профессиональный пониматель. Им уже платят прямо за это, а!

Вообще же есть подозрение, что пониматель – это соль земли.

Человеку свойственно хотеть понимать – вот так он устроен, создан, без этого его нет. Поэтому если кто-то занят только пониманием – он занимается самым важным делом в жизни. Это королевская профессия, выше нет.

А не хочешь – не ешь, дуракам, как известно, легче живется.

Мозг и режим форсажа

Сегодняшние ученые утверждают, что человек одновременно использует лишь 15—20% возможностей своего мозга. Из чего делается обычно прямолинейный вывод об огромных неиспользуемых резервах и о перспективах более полного включения мозга в работу.

Но если разные участки мозга занимаются разной деятельностью (речь, мелкий ручной труд, абстрактное мышление и т. д.), то можно ли возбуждать одновременно все центры, используя все возможности? Это все равно что, используя слова классика, страдать ревматизмом и пляской Святого Витта одновременно. Или одновременно надеть на себя всю одежду и все белье, вместо того чтобы носить нужное по обстановке и стирать то, что не носишь сейчас, дабы оно было всегда готово к использованию. Из того, что одновременно человек носит одну рубашку из имеющихся пяти, отнюдь не следует, что он использует свой гардероб на 20%.

Это первое. А второе – вот дельфин никогда не спит, все время плавает; ученые долго ломали голову, как же так. Оказалось, что он спит, конечно, но хитрым способом: два полушария мозга спят по очереди, что обеспечивает постоянный режим бодрствования. Человек спит, положим, 8 часов в сутки, треть времени. Но многие участки мозга не могут работать в хорошую силу шестнадцать часов подряд изо дня в день. Все люди интеллектуального труда это прекрасно знают на себе. Четыре часа – отлично, десять – очень много, но уж не больше. И в качестве отдыха человеку рекомендуют смену обстановки и образа жизни – чтоб полнее убрать, сместить напряжение с усталых участков на другие. То есть для эффективного использования мозг должен работать «в крейсерском режиме» – регулярно и много отдыхать, так он устроен, так он может функционировать.

Третье. Человек не использует на сто процентов, скажем, свою способность поглощать и переваривать пищу. Крутой обжора может съесть столько, что три нормальных человека глаза выпучат: желудок там растянут огромный, кишечник вздутый выпячивается, желудочный сок вырабатывается стаканами, ферменты буйно впрыскиваются... А ведь путем тренировки можно многого достичь по части обжорства, обмен веществ перестроится и т. д. Можно ли из этого заключить, что человек лишь на 20% использует свои возможности поглощать и переваривать пищу?.. Ходить будет с одышкой, сдохнет быстрее. Он питается (допустим) в оптимальном режиме, чтоб всего в жизни сделать больше. А пищеварительная система, равно как и прочие, имеет большой резерв, запас прочности и работоспособности. Без такого резерва она и в нормальном режиме долго не протянет. Точно так же и резервы мозга – необходимый аспект устройства для нормальной работы.

Если гнать автомобиль на полном газу, долго он не протянет и много не проедит.

...Что такое пресловутое «вдохновение» художников и ученых? Это повышенное возбуждение соответствующих участков мозга. В таком состоянии делаются открытия и создаются шедевры.

Таким людям хорошо знакомы бессонница, раздражительность, неврастения – следствия перевозбуждения, не снижающегося после работы до нормального уровня покоя. А не будет отдыха – не будет работы, утомленный мозг не выдаст высокого возбуждения. И тогда для отдыха ударяются в спорт – перенести возбуждение на другие участки, активизировать приход в норму через мышечный энергообмен, шлаки сжечь, кислорода подбросить. Или глушат алкоголь – расслабляет, раскоординирует. Или глотают снотворное.

А часто, если вдохновение нужно в «режиме», как на киносъемках, например, к назначенному часу по заказу, «салятся на качели» – успокоитель вечером, возбудитель утром, один медикамент регулярно передавливает действие противоположного, и это прямой известный путь к депрессии и нервному истощению.

Мозговики любят налегать на кофе и табак – нормальные возбудители. Это понятно, и никто их за это особенно не осуждает.

А вот когда мозговики налегают на алкоголь или наркотики, их общество осуждает или жалеет. Но понимает реже. Хотя давно придумало слово «самосожженец».

«Подобное лечится подобным» – это старое медицинское предписание стало главным принципом всей гомеопатии. В случае «творцов» это значит, что сильное перевозбуждение (каковое есть обычное рабочее состояние «творца») снимается методом переноса на другие участки: алкоголь или наркота возбуждает другие участки мозга, и они становятся доминантными, «оттягивают» возбуждение на себя, гасят его в предыдущем месте.

А на уровне потребности в ощущениях это означает следующие «качели». Центральная нервная система «творца» способна на более сильные возбуждения, чем «средний» мозг. И она, по мере тренировки, привычки, втягивания, – продолжает испытывать потребность в этих ощущениях. «Творец» – не просто отъявленный «работоголик», ловящий кайф на работе. Он начинает ловить сильные ощущения во всем. Особенно если после (вследствие) этого потом хорошо работается. Его потребность получить сильные ощущения через алкоголь или наркотики имеет тот же характер, что и потребность ощущений через работу. А работать шестнадцать часов в сутки он не может. Вот и пьет, вот и колется.

Журналистская молва утверждает, что когда в 1978 году Карпов проигрывал Корчному чемпионат мира по шахматам, а это имело громкое политическое значение, СССР против эмигранта-отщепенца, то ему устроили тайм-аут с египетскими ночами типа бассейна голых филиппинок, чтоб эти шахматы вообще у него из головы вылетели, сеанс одновременной эротики в фантастических формах и размерах. К черту шахматы, безумная греза мужчины и так сбылась, поверить невозможно! Результат был прекрасен: Карпов так отвлекся и отдохнул, что со свежей силой и бодростью переломил ход матча и выиграл.

Старое американское пособие для бизнесменов в полушутку рекомендует три способа психической реабилитации: острое приключение типа уплыть на бревне по Амазонке от догоняющего крокодила или прыгать с парашютом на горную вершину рядом с вулканом, сексуальная встряска в экзотической обстановке и с реализацией самых диких фантазий, а третий способ именуется не без юмора «русским»: нажраться в хлам без меры и с размахом, чтоб вообще забыть себя, а с похмелья помнить и мечтать лишь о том, что совсем плохо и надо как-то выжить, лишь бы это прошло.

Честный Хемингуэй писал, что лучше всего нервное напряжение после работы снималось в постели с женой. Но тогда ему не было тридцати. Позднее он полностью переехал на виски.

С этих дел и сложилось представление о беспутстве и распутстве богемы и порочности людей искусства. Что отчасти вполне верно. Вот нужны им сильные, острые ощущения. Работают они на них. Правда, богема – это в основном те, кто подражают художникам лишь в развлечениях и пороках, будучи сами бесплодны. И то сказать, беспорядочно трахаться проще, чем шедевр создать, в этом каждый может гению уподобиться... Понятно, что все резервы мозга – необходимое условие для возможности кратковременного форсажа. Будь то наука, искусство, наслаждение или отчаянные поиски выхода из трудного положения. А возможность к экстремальным нагрузкам не значит ведь, что такие нагрузки надо тянуть постоянно.

Ум и интеллект

«Если бы другие не были дураками, так ими были бы мы», – гениально выразился мой любимый Вильям Блейк.

«Умный-умный, а дурак», – крикнул майор Пронин.

«Если ты такой умный, то отчего ты не богатый?» – издевается зашоренный американец.

«Есть разные типы ума: скажем, умный философ будет на базаре без труда обманут умным торговцем, который туп и темен по части устройства мироздания, зато философ совершенно не понимает, как надо спекулировать, пользуясь практической человеческой психологией», – писал Бальзак.

В другом месте я уже формулировал: умом можно назвать способность вывести из минимума информации максимум заключения, при прочих равных в кратчайший срок.

Что такое «коэффициент интеллекта» – ай-кью? Это способность в ограниченное время решить как можно больше «тестов на сообразительность», эдаких задачек на логику, пространственное воображение и т. п. Если по правильным ответам набрал 150 очков – ты гений, 120 – нормальный умница, 90-балда. Логический, естественнонаучный, структурный подход к решению вопроса. Вот только некоторые известные ученые, вроде математика Пуанкаре, по результатам этих тестов, ныне повсеместно используемых, оказывались чем-то средним между дебилом и дауном. Вот как-то мозги у них иначе устроены, нетипично. Вообще многие великие умы в юности расценивались преподавателями и сверстниками как тупицы – Руссо, Гаусс, Эйнштейн, да куча.

Строго говоря, любые тесты ограничены, разумеется: если их результаты верны более чем наполовину, уже ведь неплохо. Строго говоря, они свидетельствуют точно лишь об одном: что ум испытуемого пригоден (или непригоден) именно для решения таких задач: есть логичность, скорость перебора вариантов, улавливание закономерностей через частности, немалая мощность возбуждения нервных клеток в соответствующем центре головного мозга. При этом могут отсутствовать упрямство, терпение, быть слабо развитой интуиция, и в жизни такой человек свой ум, высоко оцененный подобным формальным способом, может никак не являть.

Насчет того, что он сумел привлечь работать на себя людей более умных, чем он сам, выразился еще Генри Форд-первый, и вслед за ним это многократно повторили многие гении капитализма, успешно крутившие в своих интересах мозги яйцеголовых. Так кто из них умнее?..

Наполеон был умный и интеллектуальный. Распутин был умный и неинтеллектуальный. Паганель был интеллектуальный и неумный. Мунк был неинтеллектуальный и неумный, но талантливый (от художника больше и не требуется). Неудержимо хочется добавить: большинство людей неинтеллектуально, неумно и бездарно. Что поделать, все способности человеческие оцениваются относительно среднего уровня подавляющего большинства. Янки при дворе короля Артура оказался светочем мысли.

«Интеллект» оперирует абстрактными понятиями, условными. Трафаретный образ – чудака-профессора: в науке гений, в жизни тупица, ничего не смыслит, обманывай его кто хошь.

«Ум» работает с ценностями конкретными, житейскими: школу мог не кончить, но «по жизни» сечет все отлично. Вот товарищ Сталин университетов не кончал, языков не знал, эстетические вкусы имел чудовищные, в науке и технике не смыслил в общем ничего (но если специалисты ему объясняли – схватывал быстро). При этом замечательно добивался своего, убрав со сцены всех умников с их образованиями и интеллектами.

Муж может быть такой умный – аж весь парламент восхищается. А дома жена им вертит как хочет, а он этого даже не понимает, и убежден, что делает по собственному усмотрению то, чего вовсе и не хотел на самом деле, а ею направлен и подтолкнут.

Кому чего надо. Кто на чем сосредоточен.

Одним из необходимых качеств ума и Спиноза, и Руссо полагали способность долго, постоянно, добросовестно сосредоточиваться на предмете размышления. Жуешь, жуешь, жуешь, как трактор по колее: все автомобили давно увязли и бросили по этой дороге ездить, а ты в конце концов один доезжаешь до конца. Не лишено. Недаром улитка и черепаха – любимые японские образы (не считая цветущей сакуры, разумеется).

Богатый бизнесмен органически не понимает, что бедный ученый своими открытиями невероятно счастлив: ученый тоже не прочь быть богатым, но отвлекать на это свою жизненную энергию ему жалко, это мелко для него: богатых много, а свои открытия мог сделать в мире только он один! Разные формы самореализации...

В девяностые годы часть советской научно-технической интеллигенции двинула в бизнес: свобода наступила, ворота открыли. И успешные профессора и доктора наук сплошь и рядом стали успешными и процветающими бизнесменами, государством ворочают. Вот тебе и «чудаки-интеллектуалы». Они просто сменили точку приложения своей энергии. Но. Но. Они страдают мелким комплексом. Им иногда охота ночью на кухне читать стихи и говорить о высоких материях. И это не ностальгия. Просто значительная часть их интеллекта остается теперь не востребовавшей. Пропадает. Реализации просит. Вот американскому бизнесмену этого не понять: хрен ли ему стихи и высокие материи, он бабки кует – и хоре.

Энергия определяет все. И все связывает. В данном случае это вот к чему:

Ум (как и вообще разум) есть оформление избыточной энергии центральной нервной системы. Первые пять-шесть лет жизни формируют человека с его умом и интеллектом. (Правда, могут показаться исключения – скажем, академик Дубинин был из беспризорников. Но до того, как Гражданская война сделала из него беспризорника, он получил воспитание, фундамент, который уже в юности обеспечил ему возможность мощного интеллектуального хода. Маугли он отнюдь не был.)

Абстрактные упражнения интеллекта весьма отвлекают от упражнений с проблемами реальной жизни. Тем более что реальная жизнь в основном до поры до времени обеспечивается семьей, социальной системой общества насчет обучения и т. д. Но если интеллектуала-математика сунуть на необитаемый остров – он осмотрится, забудет занятия математикой, направит всю умственную мощь на выживание – и отлично преуспеет.

Потому и говорят часто, что «талант являет себя во всем». Если энергия центральной нервной системы высока – то в любой точке приложения она может производить большую работу.

Бизнес требует напористости, жестокости, властности, умения брать на себя ответственность, организаторских способностей, понимания практической человеческой психологии. А интеллекта как такового здесь не требуется. За пределами решения необходимых для его бизнеса задач – дурак дураком может быть. Вот если бы вдруг всю энергию употребил на науку – добился бы многого, но этим надо заниматься с юности, после двадцати пяти – уже кранты, мозг зашорен, обучаемость ни к черту.

А умник может все понимать даже – но быть вялым, трусливым, нерешительным, в людях не разбираться. Вот и вся причина, почему один миллионы делает, а балда, а другой умный, но самое ему место в университетской профессуре: он продает свой интеллект за деньги тому, кто платит, ворочать дела самостоятельно он не может.

В России к концу XX века мы имеем пикантнейшие ситуации: директором фирмы сидит пахан в наколках, образование четыре класса – но кр-рут, вся зона раньше уважала, за себя постоять он может, и людей держать в кулаке умеет, и за слова отвечать привык. А на него пашут доценты, бумаги составляют, заказы выполняют, договора заключают – за умеренную зарплату. Они-то умные, да он – сильный и в состоянии возглавлять дело. Волевые качества,

понимаешь, и решительность делать дело любой ценой. Умные они – но в результате умнее оказывается он: он «присоединяет» к себе их ум.

Частый вариант: человек умен во всем, кроме одного: использовать свой ум себе на пользу. Вот он как-то отвлеченно умен, вообще умен. Тесты, кстати, решать может отлично. А как доходит дело до собственного интереса – порет одну глупость на другую. Э?

Во-первых, был бы ограниченнее, не думал бы о вещах отвлеченных, пускал бы умственную энергию только и целенаправленно на решение своих дел – преуспевал бы отлично. Во-вторых, если психика человека, подсознание его, его истинные потребности организованы так, что «не хотят» того, к чему стремится сознание – они будут «под руку толкать» его в важные моменты. Вот страдать ему потребно, или жить именно так, а не иначе, – а он этого не понимает: он понимает и пытается делать одно, «по уму», а на самом деле не понимает и делает другое, «по ощущениям, потребным психике».

Повторим в который раз: жизнь человеческая не управляется разумом, но разум обслуживает страсти и потребности в ощущениях. Ум – далеко и отнюдь не залог счастья и благополучия; или кто этого не слышал?

О правде

Строго говоря, правда – это информация, то есть знание, а знание есть первый шаг к действию.

Когда ребенка учат, что лгать нехорошо, мораль находится в полном соответствии с требованиями энергопреобразования: необходимо знать, чтобы правильно и эффективно действовать, т. е. чтобы результат действия совпадал с целью желаяния (верное представление родителя о действительности позволяет ему совершать поступок, ведущий к воспитанию ребенка по родительскому разумению – это в нашем случае требования правдивости от ребенка).

Когда благородный человек не опускается до лжи, которой мог бы достичь конкретной выгоды, он тем самым заявляет: я сильнее и значительнее лгуна, я сам на себя налагаю ограничение правдой – ибо я привык выигрывать по своим правилам, которые труднее плебейски-лживых, мои правила не всем по плечу, они только для сильных и храбрых; я не боюсь трудных для меня последствий говорения мною правды, я готов к ним, поняли.

Когда на войне выпытывают сведения из пленного, то правда – это информация, необходимая для победы и выживания.

Правда может скрываться из гуманных побуждений: из жалости, милосердия, любви, вежливости, – говорить человеку всякие приятные вещи, чтоб улучшить ему настроение, если от правды ему все равно никакого толку, кроме огорчений, – выглядит он плохо, или болен скверно, или хороший парень, но глупый. Тут уже получается, что мораль и здравый смысл противоречат обнажению правды.

И вот фигура умолчания правды из моральных и разумных соображений часто встречает решительное раздражение многих людей. Люди могут быть согласны, что «вообще» незачем распространяться, как именно кто-то умер, или кто именно был информаторами спецслужб при прежнем режиме, или открывать какой-то государственный топ-секрет: да, их лично это не касается, в жизни от этого ничего не изменится, а у многих людей будут сложности и неприятности, ну так и незачем будоражить правду – лежалую информацию, которую спецслужбы норовят спустить по руслу «затухающей».

«Затухающая информация» означает: правды вскоре уже никто и никогда не узнает, и знать ее вам, граждане, незачем, не ваше это дело. Может, и не наше, соглашаются граждане, но знать все равно хотим. Зачем? Из любопытства? Из «нездорового» любопытства?

Любопытство – это любознательность, стремление к знанию того, что тебе (казалось бы...) ни за чем не нужно и роли для тебя никакой играть не может: типа – как именно человека разрезало поездом или что ест президент страны на завтрак и какими словами он ругается в тесном дружеском кругу.

Но – но: на уровне индивидуальной психологии, индивидуального желания невозможно разграничить знание «приличное» и полезное от знания «неприличного» и бесполезного. Человеку интересно не то, из чего можно сварить суп понаваристей (если сейчас от голода не страдает), – а то, от чего он получит ощущения покрупнее и поострее. Ага – секреты политической кухни, альковные подробности из жизни звезд и вообще всякие тайны.

Ничто не интересуется человека так, как тайны. Что выйдет из раскрытия тайн – это уже следующий вопрос, потом будем слезы лить или от восторга прыгать, но сначала надо узнать.

Политики и облеченные «государственным доверием» лица вечно пытаются внушить гражданам, что не их собачьего ума дело соваться в государственные тайны: государственная тайна, профессиональная этика, подписка о неразглашении и вообще бесполезность и ненужность этого знания для вас – вот краткий список обычных аргументов. Вот раскроешь вам какую-нибудь тайну – и выйдет из этого один вред.

Кадровый разведчик Виктор Суворов стал перебежчиком, предателем, и опубликовал книгу, из которой явствует, что Вторую Мировую войну начала фактически не Германия, а СССР. Уже нет ни Третьего Рейха, ни СССР, никого из тех, кто эту войну начинал... что толку в этой книге? Да – это правда; но что толку в этой правде?

Зачем нужна правда, когда она никому не нужна? – так можно сформулировать вечный вопрос.

Затем, что стремление к знанию правды – это важнейший аспект инстинкта жизни разумного существа. Стремление это инстинктивно и безусловно. С кем наставила мужу рога Марья Ивановна, почему Земля вертится вокруг Солнца, как отправляют естественные потребности космонавты и как же все-таки построили гигантские пирамиды – стремление знать это есть проявления одного и того же инстинкта знать все, что от тебя скрыто.

Стремление открывать мир, узнавая и познавая, – есть необходимый начальный этап к переделыванию этого мира, что и есть суть человеческой жизни.

Как любой процесс, познание правды имеет свой КПД, гораздо ниже 100%. Возьмем условно 5% – а остальные 95% идут в шлак, это те балластные знания, из которых ничего не следует. Но чтоб выудить эти 5 – и необходимо просеять все 100!

Человек – природный, «профессиональный», познаватель. Стремление знать – выше и первичнее логики, расчета, разумной мотивации. Знать – означает жить: потому только и выжили и поднялись, что познавали все, что только могли.

Узнавание «бесполезной» правды есть благая цель уже потому, что это удовлетворение требования инстинкта. А кроме того, нельзя заранее знать, что из какого знания выйдет, – не сейчас, так когда-нибудь. Истории, политологии, психологии и психиатрии – нет без знания фактов, которые политиками и моралистами будут сочтены как «ненужные» и «вредные».

Историков и ветеранов болезненно ранит мысль о том, что вот уйдет поколение очевидцев и участников, связанное профессиональной клятвой молчания, – и уже никто и никогда не узнает, как все было на самом деле. Это что значит? Что с уменьшением информации уменьшается пространство нашей истории – то есть всего того известного нам процесса жизни человечества, к которому мы принадлежим, и причастность к которому есть наша сила, значительность, во многом – оправдание и смысл нашей жизни.

Каждый, кто умалчивает что-то о прошлом или настоящем, обкрадывает и умаляет меня лично: он уменьшает мир как мое представление, он уменьшает мою жизнь как часть общей жизни человечества. Вот почему людям всегда нужна правда.

«Можно ли украсть у человека то, о существовании чего он не знал?» – возразят защитники «полезного» умолчания. Еще как можно! Первобытные амебы и вовсе ничего не знали. Ограничение познания и кража знания – одно и то же.

А кроме того, любое ограничение знания несносно человеку как форма ограничения его свободы (см. «Свобода») – ограничения личности в удовлетворении желания и действий.

Абсолютная и безусловная ценность правды в том, что она удовлетворяет базовой потребности человека знать, – чтобы чувствовать, анализировать, действовать, что есть продолжение цепи актов. Знать и жить – это одно и то же; в некотором аспекте можно сказать и так.

Камо грядеши

Прогресс

Само понятие «прогресс» всюду пустил и «заиграл» XIX век с его эйфорией от собственных материальных успехов. В обычном обывательском понимании это означало примерно следующее: мы узнаём о природе всё больше и больше, человек становится всё могущественнее и могущественнее, живет всё богаче и богаче и, таким образом, жизнь делается всё лучше и лучше; то есть прогресс состоит в том, что люди живут всё счастливее – свободнее и богаче: получают образование, имеют хорошее жилье и разные хорошие вещи, ездят по всему миру, развивают науки и искусства, на смену тираниям приходят справедливые демократии, и мы с каждым шагом близимся буквально к Золотому Веку изобилия и счастья.

В умах «полумыслящих» масс укоренился такой идеал прогресса. Сводилось это представление к тому, что прогресс, во-первых, безусловно существует, и, во-вторых, прогресс – это безусловно хорошо. Так сказать, поступательное развитие человечества. И этот идеал вбирался со школы, в юности.

Пора романтической юности сменялась зрелостью с ее реалистическим опытом, и человек сурово задумывался: наука и техника, конечно, развиваются, а жизнь по-прежнему сволочная, полная страданий и несправедливости. Правят по-прежнему в основном лжецы, жулики и бандиты, в жизни преуспевают жадюги и прохиндеи, насчет дружбы, верности и любви извечная напряженность не пропадает, мораль выше и крепче не становится... В чем же, черт побери, ваш пресловутый прогресс?.. В том, что барахла больше, что ли? Делов-то!..

Лозунг «Светлое будущее человечества!» стал оборачиваться черным юмором анекдотов: демонстрация рабов в Древнем Риме, гремя цепями и пестрея лохмотьями, несет транспаранты: «Да здравствует феодализм – светлое будущее всего человечества!». А знаменитый французский карикатурист изобразил прогресс в виде процессии улиток, еле заметно ползущих цепочкой одна за другой, так вдобавок они вообще ползут по замкнутому кругу.

И появились пессимисты, которые заявили, что нет вообще никакого прогресса, потому что жизнь ни фигу лучше не становится, – а оптимисты-прогрессисты, в противовес им, утверждали, что все-таки становится, и перечисляли аспекты: улучшение нравов, разнообразные свободы – совести, слова, передвижения, ослабление или даже вообще снятие социальных перегородок, успехи медицины и рост продолжительности жизни, опять же науки с искусствами и владычество над природой.

Улучшение нравов. От этой мысли придется отдохнуть. Войны XX века откровенно и исчерпывающе показали все зверства, на которые способны «культурные люди»: уничтожение народов, истребление мирного населения вместе с детьми и т. д. Пол Пот окончил университет Сорбонны, после чего успешно истребил треть своего народа, в основном нехитрым первобытным способом: укладывали в шеренги и разбивали мотыгами черепа. А уж что касается таких пороков, как лживость и лицемерие, подлость и себялюбие, – увы, можно лишь констатировать, что человеческая природа остается вполне неизменной: гадости процветают. И вот уже три, скажем, тысячи лет библейские Десять заповедей пребывают тем нравственным законом, который надобно соблюдать, и который постоянно нарушается.

Законодательная гуманизация нравов. Это прежде всего относится к наказаниям и формам казни. Действительно, эпоха феодализма бывала тут отменно жестока. Примерно с X по XVIII век в Европе практиковались такие прелести, как четвертование, колесование, сожжение живьем и т. д. Просвещенный XIX век свел это в основном к простым и «гуманным» способам лишения жизни преступников: повешение, расстрел, электрический стул.

Но античный мир не знал законодательных зверств нашего тысячелетия. Могли отсечь голову, распять на кресте, побить камнями, угостить ядом, но специальных изобретательных изуверств не было.

Так что если сгладить исторические колебания, то закон стал в отношении смертной казни гуманнее, чем когда бы то ни было раньше, лишь в последней трети XX века, с резким сокращением или в некоторых местах вообще с отменой смертной казни. Заметим при этом, что большинство населения «гуманных» стран стоит против отмены смертной казни вообще, полагая ее правильным наказанием за умышленное убийство из каких-либо несправедливых побуждений.

Тут законодательная гуманизация – да, имеется. Правда, она же заставляет большинство людей всю жизнь нести проглоченные обиды и оскорбления, потому что ударив мерзавца можно огрести несколько лет каторги, а убив насильника – загреметь на пожизненное; но это уж так, ладно, издержки.

Искусство. Вот уж вам фиг вместо прогресса. В сущности, нам нечего добавить к скульптуре античности, живописи Возрождения и литературе Шекспира и золотого XIX века. Можно говорить о видоизменениях и пр., но достижение новых вершин по сравнению с указанными – помилуйте.

Образование. В общем да: сегодня средний человек имеет большую сумму общих знаний, чем сто или две тысячи лет назад. Он не умеет возделывать землю, фехтовать, строить жилище: специализация. Но в своей узкой специальности знает много разного, да и даже тупой работяга на конвейере, где знать вообще ничего не надо, имеет благодаря школе и телевизору представление о самых разных разностях.

Политические и социальные свободы. Есть, есть. По сравнению с прошлыми веками наше общество дает человеку куда больше равных возможностей со всеми; реализовать себя легче и сделать это можно полнее.

Наука и техника. Однозначно: рост, все большее могущество.

Возможности передвижения. Однозначно: купи билет, причем всего за цену минимального месячного заработка – и лети на другой край света.

Суммируем в общем минусы и плюсы:

Люди не стали чувствовать себя счастливее. Одни формы несправедливости сменились другими. Произвол самодержцев сменился наглой изворотливостью богачей и наемных юристов. Душевных страданий меньше не стало. Лозунг «Король, честь, родина» изрядно заменился на «мои деньги и мое благо». Повсеместно произошло страшное обмещанивание, исчезла идеология, организующая идея, смысл жизни народа.

Стали гораздо больше производить и потреблять. Резко увеличилась свобода выбора своей судьбы, вариант приложения своих сил, свобода выбора места и образа жизни.

Вот это и есть суть и содержание Прогресса: сумма человеческих возможностей и деяний все увеличивается. Человечество все больше может, и все больше делает, и все больше преобразует окружающую среду, и все больше энергии преобразует и выделяет.

А то, что оно от этого должно стать счастливее, – это оно само себе придумало. Счастье и несчастье, справедливость и несправедливость – они внутри человека, они в устройстве его психики, его центральной нервной системы, как мы в этой книге уже много раз повторяли.

Повышение энергопреобразования окружающей среды посредством человека – вот что такое ваш пресловутый Прогресс.

...И ради этого, возопит гуманист, светлые умы и горячие души клали свои головы на алтарь Истории?!

Да, отвечу я спокойно и цинично, именно ради этого, если смотреть с объективной точки зрения. Они-то лично руководствовались соображениями или идеалами познания, или истины, или добра, или справедливости, или счастья – их личная энергия швыряла их к максималь-

ным действиям, их величие и благородство были им сами по себе наградой, – они что, шли на плаху ради того, чтоб сытые рантье пили аперитивы на показах мод? Чтоб безработные бездельники-социальщики ничего не желали делать и требовали жратвы, одежды, бесплатных шприцев для наркоманов и бесплатных презервативов для гомосексуалистов? Ради рекламы кока-колы они жизнью жертвовали, или полетов в космос?..

Подвиг и его отдаленный результат, деяние и его отдаленное следствие для потомков – всегда находятся как бы немного в разных измерениях, на разных ступенях исторической лестницы. Взять нищего римского раба и провести его сквозь двадцать лет страшной каторги на место шведского социальщика – о, как он будет счастлив, как будет наслаждаться своим положением! Его же – пересадить на это место разом, за шкуру, – да поначалу с ума будет сходить от счастья, а потом ему начнет приедаться, он ведь за это двадцатью годами сознательной каторги не платил, и ценить это будет меньше, постоянное сравнение в нем ежесекундно не сидит. Вот в истории всегда так и происходит – новое поколение принимает имеющуюся при нем жизнь как данность, и в свою очередь несчастно нормальным человеческим несчастьем, а что жизнь сытнее – так это для него не главное. Через поколение все деяния становятся историей, и мелкое тухлое благополучие делается ежедневностью.

Но мир мы продолжаем переворачивать!

Пища

«Человек есть то, что он ест», – шутка старая. Еда – не просто носитель энергии: энергия продукта в результате сказывается на том, что делает человечество, чего достигает, какой след оставляет в истории.

Цивилизация Двуречья и Ближнего Востока встала на пшенице и ячменном пиве.

Эллада – это пшеничный хлеб, виноградное вино и оливковое масло.

Дальний Восток – это рисовая цивилизация.

Рим – это греческое меню плюс свинина. А когда легионеры получали жареное мясо, но были перебой с хлебом, они бунтовали.

А вот сидевшие на кукурузе, картошке и помидорах обитатели Америки оказались тупиковой ветвью человечества и сошли со сцены. Колеса не знали, лука не имели, с письменностью тоже была большая напряженка, – весьма примитивные ребята, хотя были многочисленны, имели огромные государства и жили в хорошем климате.

Из этого напрашивается известный вывод, что состав питания сказывается на умственной и вообще нервной энергии. Боец жрет мясо и дерется здорово – таковы большинство кочевников свободных племен, но организовать в стройное войско не может – либо ума мало, либо спеси много. Мясоед в конечном счете проигрывает рисовой или пшеничной цивилизации; когда она сгнила – он может сокрушить останки, но сам ничего не создаст – пока через века сам не станет хлебоедом.

Отдельный человек может пополнять энергию, питаясь хоть лягушками и дождевыми червями – и оставаться сам собой. Но посади на такую диету весь народ – и вскоре соседи обгонят его в развитии.

То есть состав белков, жиров, углеводов и витаминов – это еще не все. На больших свершениях всего народа, то есть на количестве общего конечного выхода энергии, обязательно сказывается, что именно народ сует в рот.

Рисовая цивилизация Дальнего Востока более тонка, изощренна, духовна и интровертна, чем европейская.

Пшеничная – интеллектуальна, агрессивна, экспансивна, в конечном итоге более созидательна, более преобразующая мир.

Могут возразить, что мудрец питается сухой корочкой, да и великий государь иногда ест скудно и просто. Да, но они – дети мощной цивилизации, энергия сидит в их генах, они от рождения энергичны умственно, а корми их семь поколений капустой – и бери бедолаг голыми руками.

...Сегодняшняя проблема евроатлантической цивилизации – переедание. Медицина рекомендует: мучное, сладкое, соленое, жирное, тяжелое мясо – вон. Есть фрукты, овощи, простоквашу, рыбу.

Оно бы конечно. Живешь дольше, болеешь меньше, выглядишь лучше.

Но. Соль, хлеб, сахар – повышают энергопотенциал клеток. Мозг на них работает активнее. Для личного здоровья вредно, а для свершений человечества – полезно. XIX век, век великого научно-технического рывка Европы – век сахара. Да, кариес и ожирение, а компьютер изобрели и в космос летаем.

Соль всегда ценилась. Животные приходят за сотнями километров, солончаки лизут. И вообще человек стал человеком на печеных корнях и жареном мясе.

Картошка, кукуруза, помидоры – «тупые» калории. Их поедатели пороха не изобрели. А на соленом сыре, лепешках и вине совершались великие походы и поднималась культура.

Так что на фиг все консерванты и любую синтетику, а также модные диеты и новшества типа «раздельного питания» (хлеб сегодня, сыр завтра, мясо вчера). Комбинации питательных

веществ человечество отбирало тысячелетиями, и результат вполне впечатляющ, если глянуть вглубь истории, а потом – по сторонам.

Когда-то германцы ели исключительно бычье мясо и хлеб, и перед ними содрогалась Европа. А потом, забравшись на самый Север, стали сеять веками неприхотливую рожь и ловить морскую рыбу. Смотрите теперь на вялых исландцев и датчан – прямых потомков. А калорий и витаминов – выше крыши.

А французы ударились в изощрение своей кухни, развели сотни соусов, налегли на устриц с улитками, и теперь найти среди этого славного некогда и куртуазного народа красивого энергичного человека – задача для серьезной разведывательной сети. Есть несколько, так они кинозвезды. Кто не верит – пошляйтесь по Парижу или освидетельствуйте экскурсионную группу из Франции: парад уродов.

В чем тут дело – наука пока не в курсе. Но связь между питанием народа и значительностью его истории – несомненна. Собственно, всегда были рецепты: что кушать для силы, что – для любовных подвигов, что – для лучшего соображения. Но это частности. А базовые продукты – см. выше.

Аура у них такая. Или клетки так устроены. Или процесс переваривания и всасывания проходит чуть-чуть иначе, а это уже влияет чуток на функционирование всех органов, на возбуждение центральной нервной системы, на нужное наличие или наоборот, отсутствие микромутаций – вот что-то в таком духе. Организм устроен сложно, сам человек внутри себя этих микроразностей обычно не замечает.

А и гурманы, и аскеты – вырожденцы. Историю делали люди, любившие есть вкусно и нормально. Пшеничный хлеб грубого помола, сыр (лучше козий или овечий), мясо, оливковое масло, натуральное виноградное вино (лучше с водой). Соль, сахар.

И еще – насчет не есть на ночь. Вы видели животное, которое скачет после еды? Или такое, которое проснется – и ну жрать?

С утра аппетита нет ни у кого, кроме отдельных крупных жвачных – им утробу постоянно набивать надо. Разминается, пьет воду, расхаживается. А наевшись – всегда отдыхает. Переваривает и усваивает.

Совет насчет плотного завтрака, а ужин отдать врагу – когда утром этот завтрак не лезет в глотку, а вечером сосет в животе – это не лучший совет. Это совет насиловать организм для его же, значит, блага.

Человек, который заботливо и педантично поступает вопреки физиологическим желаниям собственного организма, тщательно сберегая здоровье (под вопросом) и зацкливаясь на этом – тем самым уже отвлекается от сосредоточенности на главных делах жизни. Балерины не считаются, у них профессия такая.

Черчилль неукоснительно спал после обеда, был толст и дожил до девяноста.

Пищу можно рассматривать с точки зрения нужды для: здоровья и долголетия; физической мощи; удовольствия; любовного пыла; мудрости; максимальных свершений индивидуума; *максимальных свершений народа.*

Мы рассматриваем все с точки зрения **доминанты существования человечества.** Давно известно: для одного надо одно, для другого – другое (.) (лекарства, устрицы, белки и протеины, голодание для просветления духа и пр.) Генеральная линия, генеральная нужда – чем питались великие народы.

Еда, как говорил Мечников, это самое интимное общение с окружающей средой, а уж он-то понимал.

Жизнь крепко меня ударила, но сейчас я ударю по жратве еще крепче.

Государство и ландшафт

Задолго до Шпенглера и Тойнби с их теоретическими анализами люди знали – всегда знали, собственно, тут и знать нечего, – что для приличного, перспективного поселения нужно такое место, где есть вода, и лес неподалеку не повредит для охоты, строительства и топлива, и морской берег для сообщений удобен, и кусок равнины нужен для пашни, и горы не повредят от соседей перекрыться на всякий случай. Вот цивилизации и возникали на совмещении двух или более ландшафтов: все государства Средиземноморья – это море, пашня, лес или тростник, обычно – гора для крепости; славяне – река, лес, пашня; и т. д. Среди бескрайней степи или сплошного леса много не наковыряешь. А что означает разнородный ландшафт? Это означает его повышенную (по сравнению с однородным) энергетичность – то есть возможность его перемен уже самой природой, возможность производства природных работ: степь зарастет лесом – или наоборот, лес отступит перед степью; море смоеет и захватит берег – или наоборот, море обмелеет и берег наступит вперед; река пересохнет – или размоет огромное русло, ветвленную пойму. Разнородность и энергетичность – это ведь отчасти синонимы: одно может сравняться с другим, при этом происходит определенная работа, и система видоизменяется внутри себя в сторону уравнивания, однородности, энтропия ее увеличивается, а энергия, частью своей произведя изменение, уменьшается. Разнородный ландшафт в этом смысле подобен заряженной батарее с ее разностью потенциалов на полюсах, а однородный – разряженной батарее: потенциалы полюсов равны, и, считай, ничего она не может.

Если прибавить климатическую разность времен года и разницу дня-ночи в температуре и влажности, то энергетичность ландшафта становится еще понятнее и очевиднее.

По-простому получается так: разнородный ландшафт дает человеку больше возможностей. Начиная с того, что у него есть великая возможность произвольного маневрирования своей энергией в любом направлении, называемая свободой: хошь землю паши, хошь лес вали, хошь корабли строй, скот паси, по морю плавай. А разность занятий – это разность потенциалов цивилизации: растет ее энергетика!

Энергетика человека подключается к энергетике ландшафта – и тогда получается прущая энергетика цивилизации; вот к чему мы гнем.

Народы однородного ландшафта – степи, гор, тундры, джунглей – ничего круто цивилизованного создать не смогли. Глупы, вялы? – отнюдь: и сметливы, и горячи бывают. Условия не позволяют? – Верно, можно так сказать. Но к чему эти условия сводятся в целом? – К низкой энергетичности ландшафта. Хоть тепло хоть холод, хоть степь хоть джунгли – нет разности потенциалов. Ни в тундре, ни в горах – не дернешься, выбор не сделаешь, туда-сюда не побегаешь из одного в другое, и к возможности изменения ландшафта не подключишься – нечего в нем изменять. Только вписываться, приспособливаться. Пасет чукча оленя, а горец – барана, вот и вся любовь.

Конечно, есть «торговля – двигатель прогресса». Торговая связь – это как проводок от одного аккумулятора к другому: ток течет, разность потенциалов образуется, народ однородного ландшафта становится частью энергетической системы, самим своим наличием повышая ее энергетику.

Конечно, есть «Вызов-и-Ответ»: ландшафт должен иметь некоторую суровость, оказывать человеку некоторое сопротивление, чтоб тому надо было покумекать и потрудиться, чтоб выжить; а то в райских условиях и трудиться незачем, и думать. Европейцы на Таити часто «объедались лотоса»: на фига работать, если и так приятно.

Конечно, есть и обратный предел: на вулкане не очень проживешь, хотя энергии в нем полно.

Но главным остается: именно разнородный ландшафт уже сам по себе «изготовлен» и «заряжен» для самопреобразования – и человек использует эту заряженность, подобно тому как использует для плавания судна энергию стекающей в реке воды.

Человек, можно сказать, способствует выделению энергии, уже содержащейся в разнородном ландшафте. Эта энергия ложится одним из оснований начала и развития цивилизации.

А далее по мере развития цивилизации ландшафт «вырабатывается»: сводятся леса, истощается почва, мелеют водоемы – это обычно называется «хищническим уничтожением природы» – и отжившие цивилизации оставляют по себе пейзажик, где энергией не подзарядишься; но это уже история известная и понятная. Что и сопровождается, заметим, падением рождаемости и ослаблением государства.

Письменность и информатика

Во-первых, письменность – это накопление суммы знаний.

Во-вторых, это распространение знаний и повышение их маневренности.

В-третьих, это повышение организации человеческого сообщества. Передача информации позволяет координировать индивидуальные действия в сторону их согласованности и концентрации, и тем самым коллективно совершать большие действия, чем если бы каждый делал кто во что горазд.

Любые средства связи можно уподобить как бы руководящему приказу, обращенному к хаотичной толпе молекул в броуновском движении: «Р-равнение на середину! Равняйся! Шагом – марш!»

И вместо того, чтобы колобродить беспорядочно, молекулы целеустремленно и прямолинейно движутся согласованно в одном направлении. И движение их суммарно являет гораздо большую работу.

Средства связи – это нервы, которые координируют самосильные и «эгоистичные» дерганья частей в мощное движение единого целого.

Долговые записи, отметки о сборе налогов, военные приказы и сообщения о ходе войн, заметки о постройке зданий и сезонных изменениях природы с целью собрать урожай побольше, – все это позволяло лучше организовать дело и больше совершить в общем результате, т. е. повышало энергетические возможности человеческого сообщества.

Писец, машинистка, почтальон, радиооператор, компьютерщик – это адъютант командований, скачущий на коне с приказом. (Здесь мы не говорим пока о науке и вообще культуре, роль письменности для которых понятна.)

Письменность и информатика – один из аспектов и средств повышения энергопреобразовательных возможностей и действий человечества.

Государство и эволюция

Мы имеем сколько-то связные представления о человеке в Истории только до тех глубин времен, когда была уже письменность и изрядная архитектура, но не раньше. А ими сопровождалось существование государства.

Человеком догосударственным занимаются этнография и этнология, и здесь экстраполируемые результаты – к чему пришли бы народы, которые мы застали на родоплеменном уровне – проблематичны и не бесспорны. Отсталые народы так или иначе всунуты сторонней им цивилизацией в фарватер ее развития, с концом их изоляции кончилось и их самостоятельное и естественное развитие.

Мы имеем дело с человеком государственным.

Есть ряд теорий возникновения государства, но различные объяснения и приведение разнообразных причин не имеют принципиального значения. Суть одна. Люди стремятся так организовать свое сообщество, чтобы в сумме быть сильнее и иметь возможность делать совместно больше, чем по отдельности.

До определенного этапа государство создается по линии целесообразности для явного и понятного блага граждан:

Безопасность? Конечно. Внешняя – отмахаться от соседей. Внутренняя – лучше суровый закон, чем никакого, когда каждый может резать каждого, а так договоримся о правилах и будем жить все по ним, жмет под мышками, конечно, зато жив и сыт, а буйный головорез выщется – укоротим вместе его на голову. Семью заведем, род продолжим, будет нас много, и никто нас не тронет.

Сытность, производительность труда? Конечно. Хором мамонта забьем и прокормимся, хором оросительный канал прокопаем и хлеб посеем. Удачливый и сильный поделится в голодный час едой, а мы ему за это дом побольше смайстричим, в свой час лучший кусок дадим.

Воин защищает, пахарь пашет, строитель строит, а в результате всем защищенное и сытнее. Излишком хлеба прокормим ученого, он нам водяную мельницу изобретет, наш труд высвобождает от ручной помолки, мы еще больше всего наделаем.

Пока все элементарно, Ватсон, это проходят в школе. А нешкольным языком – государство повышает энергопреобразовательную мощь человека.

Дальше начинаются сложности. Все государства плохие. Они ограничивают и угнетают человека. Заботятся, конечно, как-то, – но при этом диктуют, заставляют, угрожают карами. Налоги дерут, в армию загоняют, правила поведения навязывают, и главное – справедливости в них не хватает.

Со времен Платона, а на самом деле раньше, люди строили теоретические модели справедливого государства. Несть числа утопиям, как «логично-научным», так и художественно-фантастическим. Но о том, что «справедливость» в жизни недостижима в общих масштабах, мы говорили во многих местах.

Пока тоже просто. Годится едва ли не любой пример. Вот вы завели собаку сторожить дом. А она ест, гадит, пахнет псиной, скулит когда не надо, спариваться ей нужно, – увы, побочные для вас следствия. А для нее, может, сторожить ваш дом – побочное следствие ее жизни, где главное – кормежка и конура. Любая медаль имеет две стороны.

Народ создает законы и государственные должности для себя. А исполняют их конкретные люди. Они самоутверждаются. Чем энергичнее и способнее – тем могут быть честолюбивее и корыстнее. Уж как Петр охаживал Меншикова и кулаком и дубиной за безмерное воровство – а держал: способный.

И тогда народ создает дополнительные законы, дополнения, поправки, – чтоб ограничить возможность государственных лиц самодурствовать и употреблять власть во вред народу. Пор-

тит власть человека, это давно известно. Афиняне вообще додумались до остракизма: раз в год изгоняли на десять лет того, кто выше всех высунулся. Того, кто, по их мнению, угрожает свободе и демократии, слишком одеяло на себя тянет. И плевать, что он много пользы принес. За прошлое – спасибо, а в будущем – как бы тираном не стал.

Римляне решили: трибунам отправляться с войском вдвоем и командовать по очереди, через день, и хорошо, если они друг друга не любят – не сговорятся тогда с этим войском взять власть в Риме и подмять государство под себя. В результате такой демократии Рим с грохотом проиграл битву при Каннах и едва не погиб. Двуначалие отменили.

То есть. Государство постоянно совершенствуется, как может. Детали подтачиваются, шлифуются, вводятся дополнительные предохранители и «улучшатели». Машина делается все более громоздкой.

В любом государстве происходит, с самыми благовидными целями, бюрократический рост. И до поры до времени это действительно улучшает и совершенствует деятельность государства. А потом оно начинает делаться все более громоздким, задыхаться и спотыкаться.

Это одно. А второе:

Закономерности существования и развития государства те же, что и прочие в истории и природе: государство стремится быть как можно более мощным и значительным, повышать свою энергопреобразующую деятельность. Оно экспансивно по сути! Оно «хочет» быть большим, сильным, богатым – и начинает завоевывать соседей. Оттого часто и гибнет. Кир нарвался, Александр нарвался, Наполеон нарвался. Про слабых и завоеванных и говорить нечего.

Но вот гибель Рима очень всегда историков интересовала. Такой большой, сильный, богатый – чего загнил, чего развалился, ведь четыреста лет назад такую толпу вшивых варваров Цезарь или Сулла растерли бы в грязь несколькими легионами? Тут и теория морального упадка, и теория физического вырождения, и теория угасания энергии этноса.

Вообще-то Рим кончился в 212 году с эдиктом Каракаллы, который дал права римского гражданства всем свободным жителям всей территории империи. Обитатели завоеванных провинций стали полноправными римлянами. Что это значит? Энтропию это означает, вот что. То самое равенство, когда между людьми и группами резко падает разница потенциалов. Да хрен ли иберам и бриттам величие Рима, гори он ясным пламенем. А ведь идея была хорошая. И с точки зрения морали людям приятно было стать гражданами, и радеть, вроде, за государство больше должны, армейские вопросы решать легче. Ан нет...

Что есть суть государства? Что делает его таковым – нужным и мощным? Организация его, структура законов и государственных механизмов. Что с ними всегда происходит со временем? Усложняются, увеличиваются. К чему это ведет? К противоположному эффекту. Те самые механизмы роста и самоорганизации, которые способствовали образованию, росту и укреплению государства, по мере времени начинают мешать ему, загромождать «кровеносные сосуды», виснуть тяжелым грузом, мешать на каждом шагу. Все больше дистанцируется и абстрагируется государство от тех отдельных людей, на которых и для которых оно существует. Люди привыкают видеть в чиновнике не друга и защитника, а врага и вымогателя, который занимается черт-те чем, а тебя главнее.

Закон и государство по мере усложнения из все более эффективного и отвечающего назначению превращается во все менее эффективное и не отвечающее своему назначению. И тогда его прожирают и загаживают изнутри, и оно рушится от любого толчка извне, а может и без особых толчков, как СССР в 1991 году.

Механизмы саморегуляции и коррекции могут продлить жизнь государства, но, разумеется, не могут сделать его вечным.

Стремясь всегда быть как можно более значительным, оно в конечном итоге само себе могильщик.

«Парадоксов» полно. Скажем, подавляющее большинство граждан цивилизованных стран безусловно стоит за смертную казнь тяжких преступников – террористов и всех тех, кто совершил обдуманное убийство невинной жертвы и т. п. Народ за – а государство против! Провести плебисцит – законы не позволяют, а избранные должностные лица – из гуманных либо карьеристических соображений – делают обратное тому, чего хочет избравший их для своего блага народ. О!

Или, скажем, белые страны сейчас стонут от легальных и нелегальных иммигрантов, которые прожирают деньги налогоплательщиков, хулиганят, занимают рабочие места и при этом буйно размножаются, быстро замещая собою коренное население. А принять более жесткие законы об иммиграции – не получается! А плебисцит провести невозможно! А наживаются на этом предприниматели, использующие дешевую рабсилу, чиновники, сохраняющие свои места в соответствующих ведомствах, и политики, делающие своим «гуманизмом» политический капитал на голосах избирателей.

Это называется «улучшенное» государство, которое безусловно находится в стадии гибели. Культ работящести, высоконравственности, суровости принципов (и нарушали, и куролесли, но генеральная линия была) сменяется аморфностью, бессилием перед жестокой наглостью чужаков, разгильдяйством – но все сыты, и грязной работой сами заниматься не хотят. Совершенствуя государство в своих интересах век от века, они усовершенствовали его до того, что это государство само себя губит как своими законами, так и реальным их проведением в жизнь.

Такова элементарная диалектика развития. А свинцовый водопровод, который якобы отравил воду и тем погубил римлян, тут ни при чем.

Империя

1. Граница. Откуда взялись все государственные границы на свете? А очень просто: пришли здоровые ребята с оружием и сказали: здесь стоять будем, вот досюда наши владения – а если кто такой здоровый и храбрый, что несогласен, – выходи, поговорим!

Все сегодняшние государственные границы установлены силой оружия. Разнообразные мирные договоры могли быть до и после, но на той или иной стадии вопрос решался силой – если не ее применением, то во всяком случае угрозой. Угроза силой обычно называется «считаться с весом государства на международной арене».

После хельсинских соглашений 1976 г., зафиксировавших «незыблемость существующих границ», обывателю может показаться, что эти границы как бы незыблемы, легитимны, священны и вечны. При этом забывается, что границы эти утвердились так: в 45-м году Сталин, Черчилль и Рузвельт сели в Крыму над картой Европы и после споров, дипломатических по форме и угрожающих по существу, утвердили передел Европы, блюдя и отстаивая при этом каждый свои интересы. Румын, болгар, поляков и прочих при этом никто не спрашивал: победители во II Мировой войне решали вопросы сами.

Однако если сравнить политические карты Европы через каждые сто лет, то неизменных в течение нескольких веков границ там не найдешь. Все течет, понимаешь, все изменяется.

В 90-е годы, с падением социалистического лагеря, тезис о незыблемости границ сыграл скверную шутку с Югославией и бывшим Советским Закавказьем. «Проведено по карте – сидите здесь!» – велели «большие страны» сербам, хорватам и боснийцам, желавшим передела, что привело к кровавой войне, которую фактически продлял контроль войск ООН. Армения, у которой и так в 1920 г. Турция оттяпала долину Арарата, исконную в тысячелетиях армянскую землю, пожелала вернуть себе свой собственный Карабах, населенный армянами, – и воевала за него с турками-азерами, населяющими Азербайджан, долгие годы. При этом большие дяди грозили Армении пальцем и кулаком и требовали перестать, ибо «существует граница». Что граница эта была проведена произвольно и в советском государстве практически ничего не значила как условно-административная, их как бы не волновало. Боялись создать прецедент! Разреши изменить границу одним – и тут же зашебуршат многие другие и полезут в драку!

В результате – ничего нового: свое кровное отвоевали оружием.

Можно со стопроцентной истинностью констатировать банальное: в мире вообще нет ничего вечного и незыблемого, и вечных и незыблемых границ в частности. Менялись, меняются и будут меняться, разумеется. Народы увеличиваются и уменьшаются, крепчают и слабеют, идут на спад и на подъем, меняются соотношения экономических потенциалов, значения в мире, народонаселения. Любые договоры о границе – всегда временны, даже если долговременны.

Из чего следует очевидное даже пьяному ежу: необходимо создать механизм урегулирования пограничных проблем.

Мирно и предельно справедливо и объективно: эксперты международных комиссий, историки, этнографы, политологи и экономисты, всенародные плебисциты, учет всех плюсов и минусов, взвешивание всех за и против.

А иначе в XXI веке, судя по всему, плодovitая Азия, ее трудолюбивый Дальний Восток и исламский агрессивный Средний, вам такого покажут, что мало не будет! Выпрет их из границ, как тесто из квашни, тогда отведаете горячих пирожков. Они в напоре, а из вас уже течет тонкой струйкой на песок.

Тезис «незыблемости границ» означает, во-первых, что такое положение устраивает когдатощные державы-победительницы, и во-вторых, что они хотят сохранить мир на таких условиях как можно дольше.

Только и всего.

И вообще: почему, если люди хотят жить вместе, им не разрешать? Почему, если люди хотят жить по отдельности, им не разрешать?

Любая пограничная проблема имеет всего несколько вариантов. 1). Народ хочет отделиться, выделиться в самостоятельное государство. 2). Народ хочет объединиться, чтоб место его проживания оказалось на территории одного государства, а не двух (или нескольких). 3). Народ хочет расширить свою территорию, т. е. оттяпать кусок у соседей.

Расшириться, как правило, никто не против. Особенно если можно проверить это безболезненно и безнаказанно. Исключения составляют дипломатические шахматные игры: когда полезнее иметь буферный кордон; или когда полезнее через экономику обирать бедных соседей, заставляя их работать на себя, чем кормить потом или уделять большую долю прибыли; или когда можно натравливать соседей на другие страны, пусть они ослабляют друг друга, а ты будешь жить спокойно; то есть если есть явная выгода не расширяться.

А вот сужаться никто не хочет. И правильно делает. И ведь обычно не понимают, почему это правильно, но инстинктивно чувствуют и действуют верно, маша смешными и примитивными лозунгами вроде «Величие Франции!», или «Величие Англии!», или «Величие Германии!», или «Величие Америки!», или «Величие России!».

2. Суть объединения. Когда-то, давно-давно, на одной планете, людей было сравнительно мало, а места сравнительно много. И вот люди объединялись в государство, а места пустого вокруг было до фига, и никому они жить не мешали, и им никто не мешал. Было хорошо. Казалось бы.

Ан ни фига подобного. Как-то у них без рабов государства не получалось. Либо одно племя обращало в рабство соседнее, либо шли за рабами подальше – а без войны и походов ну никак. Жить хорошо хотелось, иметь всего побольше, позначительнее быть. Спартанцы обратили в рабов мессенцев, римляне силком взяли жен у сабинян, и те вынуждены были объединиться под их началом, не резать же собственных детей, понимаешь, а торговые афиняне покупали рабов, доставленных другими. Расширились, и хоть ты тресни, ущемляя другие страны так или иначе.

А если хунну, или монголы, или ирокезы создавали нехитрое племенное государство без рабов, так их все равно несло нелегкая завоевывать соседей, хотя земли хватало. А когда не завоевывали они – завоевывали их, или им подобных, никак в мире прожить не удавалось. Но без рабов эти бесхитростные люди толковую цивилизацию создать не могли. Некому было прибавочный продукт создавать, чтоб кормить сильно умных и искусных, которые бы все изобретали и так далее.

Какую страну ни возьми – или ее покоряли, или она покоряла, и так всю дорогу. И если была сила покорять других – возникало государство могучее и развитое. А нет силы – сам войдешь в чужое государство, и если это надолго – переваришься, станешь его частью и частью общего его народа. И на этом объединении растет производство и восходит цивилизация.

И та самая энергия, которая подвигала народ на завоевание и объединение соседей, вбирала и суммировала эту соседскую энергию, и часть «объединенной энергии» шла на созидание, прогресс, цивилизацию. Свободы и независимости нет, а прогресс есть... э?

В чем была суть безумной затеи Александра Македонского создать Мировую Державу? Ведь не нахапать жратвы в три горла, не мир потрясти так просто. Он был человек весьма просвещенный и имел головокружительные идеалы! Он полагал, что много государств – это много владык, много правительств и чиновников, много армий и разорительных налогов, а вдобавок Восток – это отсталые и жестокие тирании, где не ведают эллинских свобод, эллинской культуры. Если все эти государства объединить под одной рукой – единая организация будет гораздо целесообразнее, разумнее, гуманнее, экономичнее, все перестанут друг с другом воевать, перестанут содержать огромные прожорливые армии, перестанут разорять друг друга

в войнах и терять в них людей: обратят, так сказать, всю свою энергию в мирное созидательное русло, а направлять все это будет железная рука высококультурной Эллады. Великий был замысел. Лопнул он лишь потому, что царь, как это случается с великими царями, попытался проглотить больше, чем мог переварить. Энергии не хватило на столь огромное изменение мира: разбить в сражениях врагов еще можно, а ассимилировать их страны в единой уже никак.

Но мысль его, повторим, была верная и простая. Это направление развития любого государства, просто доведенное до гипертрофии, почти до абсурда.

Если мы посмотрим, из кого-чего состоит «прекрасная Франция», «великая Франция», то от «собственно исконной» Франции кроме островка Ситэ в центре Парижа мало что останется. Бретань, Гасконь, Нормандия, Прованс, Аквитания, – и везде элементы своей истории, своей культуры, своих национальных отличий, своих диалектов и т. д. Про спорные вечно Эльзас и Лотарингию говорить не приходится. Хороша и Германия с ее Пруссией, Швабией, Баварией и пр. Но гасконец может чувствовать себя и гасконцем и французом одновременно, равно как баварец – и баварец, и немец: часть входит в целое. Но попробуйте сказать шотландцу, что он англичанин – еще чего не хватало! Англия – это Англия, а Шотландия – это Шотландия, хотя в мире это не все и знают.

Период раздробленности Руси (или Германии) на отдельные независимые княжества был плох именно тем, что не нравилось Македонскому: масса нахлебников и потерь, маловато можно сделать в мире.

Итого: племена, народности и народы редко объединяются в единое государство мирно и добровольно. В критические моменты перед лицом общей внешней опасности – могут заключить союз. Минует опасность – хотят обратно: владыки – владычить, народы – быть независимыми. А что говорит им Иван IV Грозный? – Я вашему колоколу язык вырву, вече разгоню и под мою руку вас поставлю: будете делать то, что я сказал! И Новгородская Русь вошла в Московию...

Под царем плохо, но без царя ты оказываешься беззащитным перед набегом любых разбойничков.

Почему крестьяне кормили барона? Хлеб свозили, замок строили? Да он их оборонял, мирно жить позволял! Не жег, отбирал не все, на чужбину в рабство не прогонял, при набеге внутри замковых стен впускал, а сам с дружиной шел на стены воевать.

Современным языком можно сказать, что государство – это честный централизованный рэкет во всеобщем масштабе. Плати! Слушайся! Но и самому жить и работать можно будет по-человечески.

Человек в государстве находится в динамическом равновесии двух противоположных стремлений: стремления к абсолютной личной свободе – и стремления к защищенности, уверенности, стабильности. И суть этого динамического равновесия такова, что в государстве он может жить полнее и делать больше, чем без государства. Свободного одиночку вне государства схавают, как бы он ни был силен. Что означает «объявить вне закона» – хоть в Древнем Риме, хоть в средневековой Скандинавии, хоть в революционной России? Что государство тебя больше не защищает, ставит вне себя – теперь любой желающий, если сумеет и хочет, может убить тебя на месте, а твое имущество забрать себе. А хочешь жить нормально – изволь подчиняться и ограничивать себя.

Государство тянет в свою сторону – человек в свою. Мало свобод, пережим и зажим, – недовольны люди, теряют интерес, хуже работают, не чувствуют своей значительности каждый, – и слабеет государство, беднеет. Слишком много свобод – налоги платить перестанут, законы исполнять перестанут, – расхлябается государство и развалится. Пока никто не пережмет одеяло – можно жить.

3. Динамическое равновесие. Под империей мы понимаем большое и разнонародное государство, где титульный народ силой присоединил к себе другие народы с населенными

ими территориями и силой же продолжает их удерживать, причем завоеванные неравноправны в действительности с завоевателем, начиная с отсутствия права на свое самоопределение и кончая экономической и культурной подчиненностью. От обычного государства империю принципиально отличает «непереваренность» включенных народов и территорий, сохранение ими национального самосознания и самолюбия, осознание своей особенности и национальной отдельности, непрерывная историческая память и обычаи. От федерации империю отличает недобровольность, неравноправность и разностороннее подчинение провинций метрополии. Примерно так.

К чему всегда стремится империя? К расширению.

Почему? Потому что экстенсивный рост позволяет ей сделаться более энергичной, значительной, могучей, чем рост интенсивный.

Вот во второй половине XX века производительность труда и уровень технологий стали так высоки, эффективность высокотехнологичного оружия массового поражения стала так велика, что быть огромным уже не обязательно – качество государства может играть гораздо большую роль, чем его количественные размеры, простая масса. И Британская Империя как бы добровольно перестала существовать: выгоднее направлять энергию метрополии на собственное развитие, чем на удержание колоний и политически-принудительное получение дополнительной созидательной энергии с них. КПД интенсивного государства в этом случае оказался выше. Переводя в экономический аспект – выгоднее партнерствовать с бывшими колониями, чем иметь с них продукт и рабсилу, держа внутри империи. Навару больше получается, накладных расходов меньше: войска, подавление национально-освободительных движений, огромный чиновничий аппарат, коррупция большая, а жители колоний работать не хотят на дядю, из-под палки не то качество и количество продукта получается, и в армию в случае чего их нельзя мобилизовать – разбегутся, предадут, в случае войны с другим государством жди от таких колоний не поддержки, а ножа в спину.

Освободились колонии – и что, зажили лучше? Фиг. Свои тирании, гражданские войны, своя коррупция, разгильдяйство и прочие прелести. Чем кормиться? А вот выполнять экономические заказы большого дяди.

Получается, что сегодня огромные империи уже невыгодны, неэффективны. Вот они все, вроде, и полопались.

Раньше было не то. Пулеметов нет, авиации нет, автоматических станочных линий нет. Битву можно выиграть при численном перевесе противника максимум в два-три раза – за счет воинского искусства: качество вооружения примерно одно, и как правило «Бог был на стороне больших батальонов». Большое многочисленное государство и могучее государство были синонимами.

Вот империя и росла – крепчала. Но на каком-то этапе мудрые правители понимали, что – ша, хватит, надо останавливаться. А как? Укрепить границы, чтоб никто не полез – и переваривать скушанное. А как их укрепить?! Минных полей и колючей проволоки не было. Значит, надо вломить соседям и создать «пояс безопасности», чтоб отодвинуть потенциальную угрозу подальше от своих границ. И границы расширились да расширились под этим лозунгом!

Зачем Кир Великий, владыка полумира, поперся за своей смертью в скифские степи? Никаких там богатств, ничего хорошего. А чтоб эти воинственные кочевники не грабили вечно его пограничные области. Пока держава его была мала – и скифы были далеко, и дела до них никому не было. Придвинулись сами к скифам – они стали досаждают. И вперлись «миролюбивые» персы на скифскую территорию – и огребли справедливо по первое число.

Чего хотели в XIII веке монголы от русских? Только одного: гарантий мира и признания своего права на занятую степную территорию, а славянские леса им на фиг были не нужны, они люди простора, кочевые, табунные.

Чего топали римские легионы аж в Армению, аж до Каспия? Ничего они с той Арменией не имели, кроме головной боли. То она Ганнибала укрывает, который вообще чуть Рим не снес, то с Понтом объединяется и двухсоттысячной армией собирается отобрать римские восточные провинции, – дать по мозгам, чтоб сидела тихо!

Чего надо было Наполеону в России? Да чтоб не совалась в Европу своими армиями, не мешала переваривать Австрию, не помогала англичанам... вот корпуса под снежок и легли.

Империю лопают ровно столько, сколько может.

И что же происходит внутри нее? Народы, понимаешь, свободы жаждут. Знают, что они завоеваны и унижены, самостоятельная значительность их подорвана. Империя постоянно испытывает разрывающее усилие центростремительных сил. Провинции хотят отделения.

А держится империя стягивающим действием центростремительных сил: включать в себя, поглощать, расти, крепнуть.

Империю существует в постоянном динамическом равновесии центростремительных и центростремительных сил. Вот к этой простой вещи мы так долго вели.

Выглядит это просто, но понимается почему-то редко. Политиками и гуманистами наворачивается на эту простую вещь масса пустых и прекраснотушных фраз.

Означает эта простая вещь, что как только империя что-то отдает – она начинает разваливаться. Не потому разваливаться, что малость какую-то приграничную отдала, а потому разваливается, что центростремительные силы начали преобладать над центростремительными, и отдача малости – следствие того, тому свидетельство и признак.

Поэтому решение о выводе советских войск из Афганистана было первым этапом стремительного крушения СССР. Если бы советские руководители были чуть умнее и образованнее – знали бы, поняли, учитывая исторический и этнографический факторы, что Афган может быть покорен только ассирийской тотальной жестокостью, а если такой возможности нет, мир завопит, себе дорожке встанет, – то покачается камень на вершине и покатится обратно. И не совались бы. И продержались бы еще сколько-то, расходуя энергию только на сохранение уже имеющегося.

Поэтому же самые первые шаги в разоружении СССР были началом конца. США могут хоть вообще разоружиться, и ничего в них в принципе не изменится – они уже давно «стянуты» социально-экономически. А СССР держался на штыке – ни политической свободы провинциям, ни экономической свободы гражданам. И откуда центростремительная сила роста вооружений преобладала – держался. Не в том дело, что оружия сверх меры, а в том, что энергетический вектор государственного механизма был направлен центростремительно: продолжать держать оружием! эта сила преобладает! Начало же разоружения означало, что теперь вообладала противоположная тенденция, центростремительная. А коли так, то распад – только вопрос времени.

Тезис о праве народов на самоопределение – палка о двух концах. С другого конца – это право на развал государств.

Курды, поделенные между Турцией и Ираком, страстно хотят жить своим государством и имеют на это право. И никак, кроме как оружием, им это право не осуществить. Их угнетают, притесняют, режут! Что же «мировое сообщество»? Стоит за статус-кво. А если курдов отделить мирным путем? Прецедент, и не в том дело, что прецедент, а в том, что хана Турции настать может. Армяне могут потребовать свой Арарат с его плодородной огромной долиной, греки – свой Константинополь с проливами, и неизвестно, чем это кончится.

Почему Испания отчаянно не желает отпускать басков, и баскских борцов за свободу и независимость своего народа мир называет идиотским словом «сепаратисты»? Потому что как только государство кого отпустит – пиши пропало: это означает возобладание центростремительных сил. Каталония, Кастилия, Андалузия, Арагон... тоже ведь все когда-то мечом сколачивалось.

Привет от северных ирландцев, «тигров тамил илама» и много еще от кого...

А что такое Гражданская война 1861-65 гг. в США? Южная конфедерация имела полное конституционное право на отделение от Севера. Север показал им это право! Сидеть вместе со всеми и не рыпаться! И правильно сделали. Развал – дело такое, только начни.

4. Свобода приходит нагая. А также злая, голодная и растерянная, добавим мы. Как выразился удачно Джаба Иосселиани в ответ журналистам, потрясенным расстреливающими президентский дворец пушками: «А ви что думали: демократия – это вам лобии кушать?»

Как жили народы до покорения их империей? Реже – более мирно, чаще – менее мирно. Все гадости в их жизни наличествовали, от мелкого жульничества до войн, просто масштаб был мелкий, кухонный; но кровь на той кухне лилась настоящая. И тут пришел Большой Белый Брат, грохнул кулаком по столу и известил: «Теперь здесь один Закон – мой! И жить по нему. А кто посмеет его нарушать и резать друг друга – укорочу под корень! Резать могу я один!»

И, черт возьми, междуусобицы железной рукой были прекращены. Хоть и эксплуатация наставляла, но – мир и труд меж собой. Пусть и хреновые братья, а все ж какая-никакая братская семья.

Лишенные собственной политической и военной организации провинции могли пытаться восставать против метрополии, но друг друга ненавидели уже в мирной форме, норовя ябедничать Большому Брату: он-то всем может уко-рот навести.

А метрополия всегда умела «разделять и властвовать», выступая как бы третейским судьей в спорах провинций.

Обычный тут и эффективнейший прием – поделить внутренние территории так, чтоб каждый имел претензии к соседу – и, не в силах разрешить обиды сам, апеллировал во всех соседских спорах к дяде-начальнику.

А теперь – шар-рах! – отпускаем всех как есть на свободу и смотрим на эту собачью свалку.

Именно это произошло в 90-е годы на постсоветском Кавказе. Да там веками все народы и народцы друг друга резали: места мало, горская кровь горяча, родовая честь блюдетса и разбойничья лихость прославляется.

Влияние владычицы-России можно было уподобить воздействию огромного магнита на кучу кустарных компасов: стрелки стояли в едином направлении главной стрелы. Хоп – убрали большой магнит: и закрутились все стрелочки в разные стороны. Чечены, ингуши, осетины, грузины, абхазы, армяне, азербайджанцы – точи ножи, ребята, набивай автоматные магазины. И везде свои правительства, свои казнокрады и аферисты, свои разбойники и авантюристы с оружием. И у всех претензии к соседям!

Были унижены, ребята? Да. Теперь хорошо? Нет. Холодно, голодно, и беззащитно перед сильными.

Теперь поняли, что не нравилось Македонскому в раздробленном устройстве мира? Двадцать с гаком веков спустя к той же идее мирового объединения – о, уже мирным, гуманно-разумным путем, – пришли многие умные, от французских утопистов до Римского клуба.

Искусство ваше было несвободным, ребята? Теперь его вовсе нет. Детей заставляли русский язык учить? Теперь учат английской рекламе кока-колы.

Люди так идеализируют свободу, когда ее нет, что потом сильно удивляются, закуривая у разбитого корыта: стирать-то нечего. Завоеванные и покоренные – еще не значит, что они обязательно не бандиты, не идиоты и не сволочи. Всякого можно пожалеть, пока он в тюрьме, но из этого еще не следует, что дать ему свободу будет для всех лучше.

Вот Либерия – первое независимое африканское государство черных. Боже, что за нищета, что за скопище бездельников!.. А вот Гаити – первое, опять же, на американском континенте независимое государство черных: да по сравнению с гаитянами дядя Том был плэйбой и сын миллионера. Диктатура тупых и кровожадных головорезов. И вот вам вообще вся неза-

висимая черная Африка с ее бесконечной резней и голодом. И на деньги белых налогоплательщиков туда подбрасывают хлеба и пенициллина.

Распад империи отнюдь не означает, что сейчас будет лучше. Ассирия, Персия, Рим, Великобритания – тьма примеров.

Насильственное сотрудничество лучше свободной вражды. То есть в том смысле, что подавляющему большинству нормальных людей при нем живется лучше.

Падение империи – всегда шаг цивилизации назад. Но никогда не до нуля, не до исходной точки. Она свой этап исторической эстафеты пробежала, проковыляла, преодолела. Кто-то, где-то, когда-то, насколько-то – ее плодами воспользуется, да и здесь и сейчас частично пользуется; где и когда будет ход дальше – прогнозировать трудно. Но будет, куда денется.

Раздробленная на мелкие противоречивые части гигантская энергия империи – те же семена будущих побегов, крупницы будущих вершин.

Сик транзит, ясное дело, но не вовсе всё транзит.

* * *

Замечание на полях:

Если в период подъема суммы человеческих энергий продолжают расти, направляясь все более едино и согласованно в единых направлениях на единые цели, благодаря эффективному устройству государства и более позитивному характеру связей между ним и индивидом, то в период упадка характер противоречий между государством и индивидуумом таков, что все большая часть энергии индивида направлена на свои интересы вопреки государственным; исполнение законов, сами эти законы и устройство государственных механизмов таково, что в реальном исполнении оно все более противоречит реальным действиям, возможностям и чаяниям индивида.

Слишком жестокое государство неколебимо изнутри, оно давит и подчиняет, суммирует энергии насильно; но при столкновении с внешним врагом люди переходят к нему за лучшей долей, а в мирной жизни не имеют вдохновения и энтузиазма делать все лучшее на пользу государства.

Слишком либеральное государство позволяет своим гражданам делать чего угодно, личные интересы начинают преобладать над общими, и государство разрушается, беззащитное перед даже мелкими врагами типа террористов.

Развитие бюрократии неизбежно – как из логики самосохранения аппарата, так и из лучших побуждений совершенствования государства. Переходя в росте через пик могущества, это же ведет к упадку и гибели: вместо суммирования энергий происходит их разноразной в разных личных целях.

Падение цивилизаций

Какой, спрашивается, может быть исторический смысл в покорении варварской ордой цивилизации великой и богатой?

Конечно же, скорей все бегом к Риму – велик, культурен, мощен и отлично изучен.

Итак. Что мы имеем в Риме. Высочайшая многовековая культура, вобравшая многие более древние культуры Средиземноморья. Живопись, скульптура, литература, архитектура. Градостроение, акведуки, канализация. Сложная и изощренная структура управления государством, суды и право, чиновники и наместники, бюджет и налоги. Сельское хозяйство, пашни и виноградники, скотоводство и рыбная ловля. Торговля и финансы. Военное искусство, организация войска и производство вооружения.

И вот вам готы, и вот вам вандалы: племенной строй и союзы племен, натуральное хозяйство, примитивная меновая торговля, одежда из шкур или грубых кустарных тканей, неграмотны, грязны, жрут грубо и часто скудно, короче – толпа дикарей почти что... И даже по военной части едва ли равны римлянам: техники практически не имеют – ни катапульт, ни осадных башен делать не умеют, стройной организации войска нет, управление им весьма примитивно, и само оружие-то делается самосильно своими кузнецами – а уровень ремесел их не равен римскому! – или выменивается у других народов. Победили!..

Вопрос о прогнилости Рима исследован досконально. И бюрократия, и отсутствие старых идеалов, и ожирение населения, лень, разврат, иждивенчество, паразитизм на покоренных некогда провинциях, потеря воинской мотивации наемными частями, и т. д. Факт в другом: цивилизация рассыпалась и перестала существовать, сменившись веками варварства, и только чуть не через тысячу лет европейская цивилизация вышла на былой уровень и пошла дальше и выше, чем когда-то прежде.

Были науки, искусства, разделение и производительность труда, города, и т. д. – и вот на этом месте живут грязные неграмотные орды. В чем тут прогресс?.. Какая в этом историческая целесообразность?..

Можно говорить о старении этноса и утере им энергии. Можно говорить, что варвары были молодым этносом, энергичным, на подъеме. Ну и что? А как же с производительностью, с могуществом человека перед природой, с возможностью человека реализовывать свои силы и энергопреобразовывать окружающую среду?

По самой простой, примитивной логике вещей можно было бы говорить так: цивилизация возникла, и с точки зрения прогресса должна расти и развиваться по поступательной, ну, то активнее, то пассивнее, но уж всяко не заменяться малопродуктивным варварством на многие века. Иначе это получается какое-то бессмысленное отклонение, не нужный с точки зрения поступательного хода истории спад, отброс назад.

На деле же это получается так. Кто побеждает из двух? Более сильный. И все тут. Варвары, энергичные полудикие вояки, в нужное время и в нужном месте оказались сильнее Рима. Сильнее в своей воинской целеустремленности. В добровольном желании сражаться и побеждать, не боясь смерти.

Фокус вот в чем. Ни отдельный человек, ни целое государство в своих действиях логикой общей истории не руководствуются, но только логикой собственной жизни. Рим уже больше ничего не мог. Наука, техника, производство, культура ничего не могли добавить к наследию прошедших веков. Войска ничего не могли добавить к совершенным безмерным завоеваниям. Застой. Страна истощила свои силы в тысячелетних усилиях и сделала максимум того, что могла.

Варвары же не могли ничего такого особенного, кроме одного – сокрушить Рим. Что и сделали. Совершив тем самым максимальное для своего народа действие.

Римская сила растеклась и исчезла во всех своих многочисленных и изошренных занятиях. И не было уже духу во всех мужах его взять в руки оружие и не щадя жизни умереть в ярости, сцепив зубы на горле врага. Бобик сдох.

А у варваров эта сила была. И осталась с ними после страшного 476 года, когда Империя кончилась навсегда.

Прогресс в том, что косное и старое должно было быть убрано с площадки, дав место новому и потенциальному. Медленно-медленно варварская сила обретала цивилизованные черты и направления, восстанавливала и развивала наследие римлян, чтобы через тысячу лет ринуться по всей планете, переделывая ее с чудовищной энергией, со все возрастающей скоростью.

А Восточная Римская Империя с Константинополем устояла еще на тысячу лет – и что? И снесли ее турки. И где те византийцы? И где ныне те турки?

Мелочь балканских народов и дешевые базары Стамбула и Анталы. Нет, не столбовой путь развития цивилизации...

Биологическая энергия народа диких завоевателей – залог будущих великих свершений этого народа. Уже созидательных, а не разрушительных.

То есть исторический прогресс – процесс дискретный, это не непрерывный подъем каждый день и каждый год. Чтоб взять новую вершину, надо отойти назад и разбежаться. А посмотрим на путь от начала до конца – ух ты, куда влезли.

Выкорчевать высохшее исполинское дерево старой цивилизации – тоже труд, великий и необходимый; и не скоро еще на месте гигантской ямины вырастет из хилого побега новое мощное древо. Но что делать, надо.

Представим себе, что все бывшие некогда великие цивилизации остались жить вечно. Со своими нарастающими институтами, бюрократиями, достижениями и взглядами. Это ж ничему новому не протолкнуться будет. У них там родовая аристократия, сонмы богов, сложившиеся уклады и системы взглядов, колонии и войска. Куда новому государству воткнуться?.. где разместиться, как среди них, здоровых и вооруженных, выжить?

Варвары – как лесные санитары-волки: загрызают все, что чуть слабей или больное. Здоровая кровь! Жизненное пространство! вот в чем прогресс – новый виток пошел. Снова начинаем с нуля, но на самом деле каждый раз не совсем с нуля, а чуть дальше, что-то берем с собой, что-то воспринимаем и развиваем, и делаем в свой черед еще шаг вперед. Кикладыки – народы моря – ахейцы – греки: шуточки делов, этой цепи развития около трех тысяч лет, каждый раз стиралось бывшее и начиналось с варварства новое, чтоб подняться до удивительной высоты.

Какой прогресс, говорите, если умирает муж мудрый и могучий, и остается беспомощный ребенок неразумный? А в том, что он остался жить, вырастет – всем покажет.

Чтобы Рим породил Европу, ему надо было сначала умереть.

...А если поставить цивилизованных и варваров рядом в один и тот же год – конечно: убогие коптящие парходики пришли на смену совершенным парусным кораблям, тяжеленная пищаль упорно теснила скорострельный и удобный лук, да и вообще – что такое жалкий, безволосый и почти беззубый человек рядом со львом, мамонтом и буйволом. Так что же, сметание любой цивилизации прогрессивно? А если на ее месте ничего лучшего не возникло: ах, Египет, где ты? Увы, не все зерна, брошенные из горсти, прорастают... Списывайте бесследно погибших на издержки и потери в пути. Прорастет в другом месте! Смена – всегда шаг прогресса, даже если сегодня это – шаг назад.

Цивилизация и рождаемость

1. «На детях гениев природа отдыхает», – давно сделали вывод биографы великих людей. Причем иногда вовсе отдыхает, манкирует.

Александр и Цезарь были бездетны. Единственный сын Наполеона, хвороба, умер в детстве. Единственный сын Петра I был казнен по приказу отца. Бывали и многодетные власти, но факт налицо: **любая** правящая династия в конце концов оказывалась без потомков. Представитель самой древней царствующей фамилии сегодня – королева Дании: ветвь не прерывается уже тысячу лет, чем датчане страшно гордятся. Отметим, что последнюю сотню лет, правда, короли Дании являются таковыми лишь по праву рождения и номинально, эдакие реликты, символ традиции, но ничего не решают, и к великим людям, переделывающим мир, их отнести нельзя. А ведь поскольку все мы – чьи-то прямые потомки, то прямая родословная любого человека тянется на тысячи лет вглубь истории, до ребят в мамонтовых шкурах и с палицами.

О Хаммурапи и Тутмосе II судить труднее, но генеалогия европейских государей и потрясателей со времен раннего средневековья вполне достоверно и досконально прослежена в документах, летописях, церковных книгах: тут смотрели в оба, речь о наследовании государства шла. Карл Великий, Генрих Бурбон, Иван Грозный, Густав-Адольф, Фридрих II, – а также Ленин, Гитлер, Тимур-ленг, Чингиз-хан и Махмуд Великолепный... ау!..

Примем во внимание, что государь и вообще крупный политик – это профессия повышенного риска. На них устраивают покушения, травят, дают, отстреливают, свергают с последующей ликвидацией, им всячески роют яму конкуренты. Можно сделать вывод, что сопротивление окружающей среды, растущее пропорционально величии и значимости их дел, в среднем превышает запас их биологической энергии: раньше или позже их генетический код исчезает вследствие неблагоприятных и явных внешних условий: ну не дают им ближние жить вечно в своих потомках, работа у них вредная и опасная.

Это можно сказать о героях, шире – вообще о профессиях повышенного риска, если рассуждать таким образом: о солдатах, охотниках, мореплавателях, шахтерах. Здесь, правда, родословная известна в лучшем случае на несколько столетий, так что допущение остается чисто теоретическим, хотя вполне логичным: больше риска – меньше шансов из поколения в поколение давать потомство.

А если взять великих людей из областей вполне безопасных: наука, искусство? И у Дарвина, и у Толстого с детьми было все в порядке, и у Пушкина, и у Эйнштейна, и у самого Шекспира. А наоборот? Данте, Бальзак, Микельанджело, Леонардо, Рембрандт, Бетховен, Кант, Шопенгауэр, Ницше... Ну, степень величия в науке и искусстве определять довольно трудно, это дело неточное и во многом субъективное. Но оба списка будут соизмеримы между собой по длине. Примерно поровну, бездетных даже чуть-чуть больше.

Теории вероятности это никак не соответствует. У подавляющего большинства людей дети есть.

Могут возразить, что в прежние века, при высокой рождаемости и слабой медицине, потомство давал меньший процент людей, чем сейчас: как бы еще продолжался естественный отбор по линии физического здоровья, а то б мы давно на материках теснились плечо к плечу. А в науке и искусстве было много людей с отклонениями от нормы: увечных, прибабахнутых, закомплексованных, странных, они в науку и искусство и двигали со своими странностями: ну, чудачки, слегка не от мира сего, а брачный институт был строг, куда им жениться и детей делать.

Оно тоже так. Но фактов это никак не меняет. Увечных много, а гениев мало. Мы сейчас не о том, что у калек меньше детей, чем у здоровых, и не о том, что среди гениев процент «увечных» выше, чем среди людей в среднем.

Мы о том, что люди, которые своими сознательными, созидательными, «цивилизаторскими» действиями делают для человечества больше среднего человека, размножаются меньше среднего человека.

XX век, успехи медицины и свобода нравов, и прожиточный уровень выше прежнего, можно прокормить уж куском-то хлеба любого в цивилизованном государстве, – прошу: Дали, Эйзенштейн, Фолкнер, Акутагава, Курчатов, Грета Гарбо, и т. д., и т. п., и др., и пр.

Под каждого такого бездетного можно подбить базу психологии, социологии, физиологии. Это все частности. Как говорил толстый Карлсон, «это все пустячки, дело житейское». Важнее тут бесспорная закономерность на самом общем уровне: чем больше совершаешь – тем меньше размножаешься.

2. Древняя народная примета: «Когда рождается больше мальчиков – это к войне, а когда больше девочек – к миру». «Какое суеверие», – пожал плечами просвещенный науками XX век, но к концу своему взглянул на статистику и призадумался.

В среднем всегда и везде рождается на 100 детей 49 девочек 51 мальчик, а в подростковом возрасте соотношение уравнивается, а в зрелой молодости мужчин всегда меньше, чем женщин, – это давно выяснили. Много сказано о том, что это целесообразно с точки зрения природы, что один мужчина может оплодотворить многих женщин, что и в животном мире среди самцов конкуренция, чтобы самый лучший давал лучшее потомство. А также что мужчина рискует, воюет, гибнет чаще, вот и создается природой «с количественным запасом».

Менее понятно другое.

Почему мужчина, при прочих равных условиях с женщиной, живет меньше. А главное – у него более высокая детская смертность!

И почему перед войнами мальчиков рождается действительно больше, что с неохотным непониманием свидетельствует статистика.

Ну, меньшую продолжительность жизни списывают на алкоголь, курение, гиподинамию и стрессовые нагрузки на работе, – мужчина ведет более нездоровый образ жизни, чем женщина. Положим. А почему, черт возьми, он его ведет?! Отвечают: традиция так сложилась, наследие патриархата, более сильный мужчина лезет в свары и развлечения, а подчиненная им женщина воспитывает детей и хлопочет по хозяйству, вот оно для здоровья и полезнее. Да какой же, черт возьми, в наше время в цивилизованных странах патриархат?! Отвечают: ну, патриархата, может, и нет, а гнусное наследие осталось... Функция материнства, опять же, привязывает женщину к скучной, но для здоровья и долголетия полезной деятельности домашней хозяйки.

А почему мужчины в среднем менее стойки к заболеваниям? А образом жизни подточены. Ну-ну...

А почему и в юности, когда юноши и девушки равно свободны и беззаботны, юноши больше курят, пьют и прочее?

Отвечают: а вот потому что старая несправедливая мораль к ним снисходительнее, им больше прощает и позволяет.

А почему, чтоб вы сгорели с вашей моралью, девочки раньше начинают ходить и разговаривать, раньше развиваются и взрослеют, а у мальчиков большая детская смертность?! Тут наука начинает мычать и блеять, что материнская функция многое определяет, что функции полушарий мозга мужчины и женщины во многом различны: у одних за речь отвечает правое, а у других левое, и так далее: левое-правое абстрактное мышление, левые-правые мелкие точные движения. А почему, зачем, что это значит?! Ну, вот так...

А умирают-то почему мальчики чаще (мы сейчас не имеем в виду, разумеется, несчастные случаи любого рода)?!

Слушайте. Мужчина – защитник, воин, добытчик, устроитель жизни, – больше сталкивается с «передним краем» жизни, чем женщина. Он – более «преобразующее» начало, а женщина – сохраняющее, это тоже давно известно. Таковы функции двух полов.

Мужчина мощнее физически – и без спорта ясно.

Мужчина агрессивнее, что тоже понятно.

Мужчина сильнее и интеллектуально, – как это ни обидно для женщин, особенно в нашу эпоху борьбы за отмену любых различий между двумя полами. Разницу в успехах в теоретических науках в наше время уже невозможно списать на угнетение женщины мужчиной и заботы материнства: и образование равное, и бездетных женщин полно, и сплошь и рядом женщина-ученый рьяно и целиком погружается в свое дело. А все равно почти все вершины берут мужики.

Ничем шахматистки, кроме своих шахмат, не занимаются, – как и все спортсменки-профессионалки. Но турниры между мужчинами и женщинами давно прекратили – чтоб не оскорблять прекрасную половину гадостной демонстрацией мужского интеллектуального превосходства.

Из этого следует только одно: мужчина энергичнее женщины, то есть способен в окружающем мире произвести большую работу. Мышцы – ладно бы еще, – центральная нервная система энергичнее.

А самое главное – на уровне соприкосновения с границей окружающего мира он проявляет большую энергичность в каждом касании, и испытывает поэтому большее сопротивление окружающей среды. Это происходит на уровне биополей, на уровне электропотенциалов, на уровне активности биохимических реакций и нервных импульсов.

! Мужчина реагирует на любые внешние раздражители менее адекватно, чем женщина, с точки зрения самосохранения индивидуума.!!

Он менее находится в гомеостазе с окружающей средой, менее в мирном равновесии, чем женщина, он более неуравновешен, имеет больший импульс к несогласию, конфликту со средой, изменением и переделкой этой среды. Он реагирует излишне энергично! Его центральная нервная система излишне дергается, больше, чем женская!

Мужская нервная система по сравнению с женской более приспособлена, более направлена, нацелена, предназначена, на взлом внешнего, передел мира, изменение окружающей среды, совершение максимальных действий – и менее направлена на сохранение себя, сохранение индивидуума.

У мужчины слабее развит инстинкт самосохранения и сильнее развит инстинкт преобразования мира.

То есть мужской инстинкт жизни раскладывается на самосохраняющий и природопреобразующий аспекты чуть-чуть в иной пропорции, чем женский.

Вот этой разницей в устройстве центральной нервной системы и объясняется большая смертность у мальчиков. Мальчик больше «нарывается на неприятности», он «пренебрежительнее» реагирует на угрозу опасности вначале, позднее оценивает ее серьезность, менее «дозированно» и излишне активно на нее реагирует. Вот поэтому у мальчиков смертность выше. Да и у мужчин в любом возрасте, при прочих равных с женщинами условиях.¹

И еще один причинный аспект, уже более простой. Мужчина энергетически мощнее женщины, и развитие его происходит медленнее, что вполне соответствует общим законам биологии. Таким образом, незрелость его дольше женской, период формирования иммунитета организма к инфекциям и вообще сбоям больше женского. Мальчик дольше девочки незрел и неустойчив к внешним воздействиям – вот они и имеют возможность дольше на него отрица-

¹ Не исключена мысль, что от ряда одних и тех же болезней девочек и мальчиков нужно лечить чуть-чуть по-разному, исходя из различий в центральной нервной системе, ничтожных, сейчас еще не <...>

тельно воздействовать – условно говоря, не шесть лет, а семь, или не тринадцать, а пятнадцать. Дольше взрослеют ягнята – больше волки успеют утащить. В каждый момент своей жизни девочка преодолевает период равной вероятности угрозы болезни быстрее, чем мальчик, быстрее проскакивает опасную зону.

Так вот, вернемся теперь к подскоку рождаемости мальчиков перед войнами, и девочек – перед прочным миром. Это только кажется примитивным суждением – мол, мальчикам воевать, потери будут, Или: многих мужчин не досчитаемся, вот мальчики восполнят потери.

Вот их и больше. Оно так и есть на самом деле, просто механизм чуть иной.

Война – это гигантский энергетический выплеск. Это не только люди бьются друг с другом – это годовые кольца на деревьях шире, природные катаклизмы активнее, выбросы протуберанцев и солнечные пятна активнее. Совокупно со всей природой получает больший энергетический заряд и человечество. Зародыши и эмбрионы тоже получают этот дополнительный энергетический заряд – которым пронизано все пространство, вся материя. И складываются и развиваются по более энергичному, мужскому, типу, и содержат в себе больше энергии.

И близкое прохождение кометы, и небывалые морозы, засухи и землетрясения, и как бы неожиданная резня народов, и повышение рождаемости мальчиков – явления одного уровня.

Больше мужчин – больше максимальных действий. А война, в пересчете на единицу времени, действие самое максимальное.

3. У кого детей больше – у богачей или у бедняков? Опаньки!.. Казалось бы:

богат – значит, приспособлен, умен, силен, дает потомство в первую очередь, раз у него больше возможностей и в выборе партнера для супружеской жизни, и в прокормлении детей.

Что же наблюдается на деле? Плодовитость бедняков – притча во языцех. Крыша худая, хозяйство нищее, а по дому бегают мал мала меньше. Прокормить детей не может – а новых стругает. Куда, зачем, почему? – жизнь, понимаешь, природа...

Если вернуться даже в недалекое прошлое, на сотню лет, скажем, и посмотреть на деревню, – а большинство народу крестьянствовало в деревнях, – то жили в ней все достаточно ровно, без излишеств. Богат – дом большой и крепкий, скотины больше, питание сытное. Беден – домишко плохонький, скотинка худа и малочисленна, питание скудное, иногда впроголодь. А образ жизни одинаковый, работа одинаковая, социальный слой один. И если мы возьмем такую патриархальную деревню, где царит некая исходная справедливость и исходное равенство – участок земли для прокорма достаточен, богатых наследников-бездельников и дармоедов нету, все в поле пашут, все горб ломают – то кто, вероятно, богаче? Тот, кто работает лучше, кто умелее, старательнее, сильнее, сметливее. И что ж, многодетнее они в среднем? Да нет. Как же так?.. Мужик росл и мощен, баба грудаста-задаста и расторопна, дом полная чаша – а в плодовитости преимущества нет. Соседи – мужичонка хил, баба тоща, оба неумехи, а детишек полно.

Что-то здесь здорово не согласуется с логикой и теорией естественного отбора. Может, у умных больше детей? Ни фигя подобного.

А если голод, эпидемии, политические катаклизмы? Богатый может сбежать, откупиться, прокормиться, дорогого лекаря позвать. Для него больше вероятность детей сохранить и вырастить, чем для бедняка. Верно. В больших передрыгах процент выживших богатых детей выше, чем бедных, у них условия лучше.

Как бы получается, что гены зажиточности передаются с большей вероятностью, чем гены бедности, – если уже есть носители этих генов, родившиеся дети.

Как бы богатый рождает меньше, зато сохраняет лучше.

А бедняк берет количеством. Родил вас на свет, дети мои, что мог – сделал, а уж дальше крутитесь сами, авось кто и выкрутится.

Это уже пахивает некими общими биологическими законами. Высшие животные рожают мало детенышей, носят долго, растят долго, опекают, и процент превратившихся во

взрослых особей высок. А низшие – мечут икру, или кладут кучи яиц, или приносят полдюжины мышат каждый месяц – кто засох, кого съели, кого мор подмел, – процент выживших ничтожен, еле-еле численность вида поддержать или слегка увеличить хватает. А как мышке детей защитить и охранить?.. Единственный способ не вымереть – это рожать новых. Народить новых несложно, это она может, а вот с кошкой воевать – увольте. Она не слон, не лев, не обезьяна, это они такие здоровые и умные, что могут себе позволить рожать по одному или несколько изредка, и поди их тронь, поди достань.

В общем так: чем биологически сложнее существо, тем меньше оно рождает потомства, и тем выше коэффициент выживаемости потомства. Простое существо сохраняет свой род как бы самым фактом биологического цикла, самым своим существованием, в которое необходимым моментом входит размножение. Беззащитную букашку все едят, давят, травят, и спрятаться ей трудно, и противопоставить буйному и опасному миру ей нечего, защититься нечем (хоть тоже старается посылно маскироваться или вонять) – а она размножается, как пулемет, и тем выживает. А лев сам любого сожрет или отгонит, а слона поди тронь, а шимпанзе своими руками чемпиона мира по борьбе задавит леопарда и найдет, чем прокормиться на дереве, когда леопард сдохнет от бескормицы. Такой индивид способен на мощные действия, и через мощь свою и энергичность, через немалую власть над природой, сохраняет род. Тучи детей ему ни к чему. Да им и не прокормиться будет.

Опять же: в сытные годы рождаемость сама собой подпрыгивает, а в неурожайные рождается у самки детенышей меньше. Этот механизм саморегуляции у природы отработан четко. В этих глубинах эмбриологии наука еще толком не разбирается, но железная закономерность и связь явны: меньшая насыщенность среды энергией – меньше травы – меньше насекомых и травоядных – меньше хищников: причем не просто одно вследствие другого, но и **единовременно**: тигрица ведь свою рождаемость регулировать не может, у нее контрацептивов нет, она еще не знает, что тигрят кормить нечем будет, потому что трава не уродилась, – а природа за нее уже это «решает» и делает, планирует семью. Просто понижение рождаемости при наступившем голоде – это бы еще просто было (что часто также случается).

Теперь построим лесенку из ступенек снизу доверху. Что делает в мире водоросль, что совершает, как его изменяет, как энергопреобразует? Только одним образом: она размножается, она увеличивает свою биомассу, заполняет собой пространство; из энергии света солнца и вещества воды образуются многотонные массы весьма сложно структурированной материи. Она может заполнить собой водоем, целое огромное озеро – и хана озеру, нет его больше, изменился ландшафт: болото получилось, рыба вымерла, змеи с лягушками расплодились и так далее.

Размножились антилопы, сожрали и выбили траву, образовалась пустыня, пересохли реки, зато верблюда никто не трогает, ходят стада и сухие колючки жуют.

А львы жрут всех подряд, а слон и льва в гробу видал, хакает зелень тоннами и оставляет кучи помета в три фута вышиной, почву удобряет для растений.

Чем сложнее индивид, тем большие изменения в мире производит каждая отдельная особь, тем выше, так сказать, индивидуальный коэффициент энергопреобразования.

Теперь вернемся к нашим баранам, в смысле – к человеку.

Напрашивается примитивный вывод, кошмарный с точки зрения морали: что бедняки – это низшие существа, более простые, а богачи – высшие, более сложные.

От оценок мы пока воздержимся, особенно от моральных. Бедняк может быть благороден, умен, может стать славным вождем или знаменитым ученым, про это сложено много сказок, это один из ведущих мотивов мировой литературы. А богач может быть подл, глуп и как личность ничтожен.

Но. Но. В энергетическом аспекте. В среднем. В общем и целом. Вокруг богача происходит большее движение материи. Большее преобразование энергии. Если по-деревенски –

больше стройки, пашни, пшеницы и скота, ткется больше тканей и выделяется больше кож для обуви, производится и потребляется больше краски для крыши, добывается и обжигается больше глины для кирпичей на строительство дома и так далее. Из двух равных крестьян богатый преобразует мир больше, чем бедный. Он больше потребляет и – прямо или косвенно, лично или способствуя спросу – больше производит. А детей у него меньше... Занят сильно? Интересы другие? А зачем, почему?..

Мы говорим сейчас только о производстве и потреблении. Оставляя в стороне воителей и героев, самосожженцев-художников и ученых, – о них говорилось в первом разделе. Они – малое меньшинство, и так или иначе их действия рождают или сопровождают для широких масс только материально-технический прогресс, то есть повышение уровня потребления и производства. Открытия! революции! философские учения! потрясающие изобретения! – а люди страдают, радуются, напрягаются и пытаются осмыслить свою жизнь, как и века и тысячелетия назад, – вот только производить и потреблять стали несравненно больше. Энергопреобразование окружающей среды человеком стало гораздо выше.

Водопровод! Горячий! Джакузи! Радио, телевизор, цветной! Моно, стерео, quadro, долби! Вертолет, ракета, лазер, инфраизлучатель! Автомобиль, с компьютером, сам едет! А пользуются такие же дураки и гады, как жили вечно... а с другой стороны такие же несчастные, умные и добрые. Просто барахла до хрена, и деятельность кругом развели страшную.

И вот мы плавно въехали в современную цивилизацию потребления. Которая есть естественный и закономерный этап эволюции вообще, и истории в частности, как процесса энергопреобразования вещества планеты и света своей звезды, процесса с принципиально положительным, нарастающим балансом. Суть процесса – в положительном балансе энергопреобразования. Суть процесса антиэнтропийна.

Что мы наблюдаем в нашей мощнейшей цивилизации? Резкое падение рождаемости. Один ребенок в семье – уже типично для всех развитых стран. Коренное население сокращается – без войн и эпидемий в закормленной и благополучнейшей Европе и США.

Ребята, это ведь хана.

«Тук-тук-тук!..

– Кто там?

– Пиздец.

– Чего надо?

– Пришел...»

И все это знают. И понимают. И обсуждают. Но увеличивать свою лично семью обычно не хотят.

Причины проговорены до банальности: желание повеселиться, неуверенность в завтрашнем дне, намерение сначала сделать карьеру, самоутвердиться через деньги, славу, сегодняшний полураспад института брака и семьи, общий пессимизм мировоззрения, а также развитие и распространение противозачаточных средств и возможность абортов, то есть из ловушки природы «любишь кататься – будешь саночки возить» человечество выскочило. Куда выскочило? В канаву с ярко раскрашенным дерьмом, ведущую к могильной яме?

Все причины конкретного нежелания иметь детей – это, конечно, отговорки. Жилье есть, средства на еду и одежду есть, физически можно родить и выкормить, вырастить десяток детей – ведь всяко живут богаче, чем крестьяне двести лет назад, которые по десятку рожали.

Что, в Африке или Азии с их огромной рождаемостью живется сытнее или надежнее?! А, ах, да: они же темные, тупые, неграмотные, у них презервативов нет, они же хорошей жизни не видели, ни к чему не стремятся: ни миллион сначала заработать, ни рекорд поставить, спариваются себе бездумно, как животные. И постепенно занимают ваше место в мире, вырожденцы!!!

Я, разумеется, ни к чему не призываю. Идиотское это дело – призывы. И так уши ломит.

Я о другом. Я лишь вскрываю и констатирую:

С развитием цивилизации энергия человечества принимает все менее биологический характер и все более характер внешних действий через разум.

Как бы цивилизованному человечеству уже нет необходимости размножаться для значительного преобразования окружающей среды – изменить ландшафт, освоить в своих целях огромные пустующие территории, покорить соседний многочисленный народ, выдать на-гора груды угля и сжечь – т. е. предельно энергопреобразовать все, до чего в принципе можно дотянуться.

Раньше брали числом – работников и воинов. Пахать, воевать, строить – надо больше людей. Многочисленный народ мог больше малочисленного, мог в сумме больше сделать, создать, изменить, мог платить больше налогов и создать более сильное и богатое государство. Он покорял и присоединял соседей, вбирал и переваривал их, рос, крепчал.

Сейчас не то. Огромные грузовики и экскаваторы, автоматизированные станочные линии и электростанции. Кнопки атомных войн. Энергия сгорания земных недр и расщепления атомных ядер. Плюс рывок компьютерной информатики. Плюс торговые и финансовые механизмы, позволяющие белому меньшинству эксплуатировать нищее большинство малоразвитых стран (где работают за гроши, продолжая плодиться).

Белому человеку уже не необходимо активно размножаться, чтобы во все больших объемах и все более качественно переворачивать и изменять мир.

Разум изменяет мир активнее гениталий – такова сегодняшняя реальность. Размножение принципиально уменьшило свое значение для изменения мира.

Раньше родители надеялись в старости на детей: помогут, прокормят. Сейчас государственные и социальные институты пенсий и вспоможествований позволяют обойтись без этого.

Раньше рождение и воспитание детей было естественно встроено в жизненный цикл, необходимо предусматривалось им и ничему не мешало: без детей как же?

а все равно, что еще делать? – так жило подавляющее большинство. Сейчас и без детей масса занятий и времяпрепровождений.

Природе больше не нужна многочисленность цивилизованного человечества. И малочисленное отлично справится с энергопреобразованием. Много детей – только отвлекает от дела, отсасывает ресурсы времени и сил, которые можно пустить на работу.

У мужчин цивилизованных стран в среднем уменьшился и объем эякулята, и концентрация сперматозоидов на единицу объема. Биологическое уменьшение плодородия!

Так что Мальтус напрасно беспокоился.

Земле не грозит перенаселение. И сознательные усилия человечества по ограничению своей рождаемости оказались ненужными. Природа сама позаботилась о своих нуждах и интересах.

Процесс это стихийный, природный, и никакими человеческими решениями, законами и призывами здесь ничего изменить нельзя. Все происходит как бы «само собой»: по достижении определенного уровня материальной цивилизации в любой стране резко падает рождаемость. За Европой и США упала рождаемость в Японии и Южной Корее. На очереди такой гигант, как Китай: его миллиард с четвертью теперь будет только уменьшаться.

Конкретная женщина с конкретным мужчиной могут сколько угодно полагать, что это они сами решили не иметь детей сверх одного, нужного для простого, пусть регрессивного, продолжения рода и удовлетворения родительского инстинкта, приложения родительской любви. Это частный случай закона соотношения свободы и необходимости: они вольны думать что угодно, а поступают все равно так, как определено энергетикой природы. А определено ею сегодня больше потреблять и производить (а шире – заниматься чем угодно, добиваться чего угодно, получать ощущения через что угодно), но рожать меньше – только для того, чтобы больше энергии пускать через разум в действия по преобразованию мира. И все тут.

Мы мало рожаем, потому что очень много делаем. (Не по напряженности личного рабочего дня, а по суммарным результатам деятельности.)

И – мы дошли до геной инженерии.

4. Последствия геной революции неисчислимы, труднообразимы. Сегодня это пахнет вступлением в новый этап Истории. Разум непосредственно вмешался в устройство и развитие себя самого.

Человек начал делаться самосовершенствующимся устройством.

Клонирование дает возможность настругать любое количество экземпляров одного индивидуума. Если разразится глобальная катастрофа, в которой выживет лишь несколько человек, – в считанные десятки лет их «скопированное» потомство может снова заселить всю планету. Равно же несколько космонавтов, скажем, могут в течение одного поколения густо заселить далекую и неизвестную пока планету.

Это гигантский, качественный скачок в повышении собственной биологической энергетичности человечества. Причем она становится саморегулируемой. Хотим – заселим пустой материк миллиардом людей, созданных специально под это дело, не хотим – подождем сколько угодно, в любой момент можем.

Это о количественном аспекте. А о качественном – можно корректировать геной код будущего человека так, чтоб какие-то качества родителя передавались, а какие-то наоборот, убирались. Короче, движение по своему разумению и желанию в сторону более «совершенных» людей – скажем, на уровне самых умных и здоровых. Или – специализация: всяческое культивирование талантов в той или иной области. Гений, может, бесплоден, – так мы его клонируем, пусть продолжают жить и творить гении на Земле.

Родители глупые и хилые, а о ребенке мечтают умным и сильным. Так позаимствуем кое-что из хромосомного механизма другого человека – и организуем слабакам их собственного ребенка, сходство явное в каких-то чертах, но здорово превосходит их по желаемым параметрам.

В ясной перспективе это выглядит сегодня именно так.

То есть. Биологическая эволюция человека прекратилась было. Антибиотики, инкубаторы, социальное обеспечение и пр. – стало появляться все больше уродцев, которые в естественных условиях не выжили бы. И они дают потомство, и человечество физически хиреет. Геной инженерия в принципе позволяет не только больше не хиреть, но напротив – крепчать: создавать и наследовать качества, необходимые и полезные для здоровья и выживания. Эволюция продолжается, причем на более высоком уровне – разумном, направленном, экономичном.

Да, делать человек стал больше, а рожать меньше. Энергопреобразование мира увеличилось, а биологическая энергия собственно человека уменьшилась. Но через разум, через рациональные открытия и действия – потенциальная биологическая энергия человечества также увеличилась, резко, качественно, скачком. (Вот для чего и надо было меньше рожать, а вместо этого больше думать и работать.)

Не пятнадцать детей от женщины, а тысячу! По примитивной арифметике – человек стал в сто раз плодовитее (это вариант самого ограниченного подсчета по отделяющимся созревшим яйцеклеткам).

Пробирки, термостаты, инкубаторы, лаборатории, – технические подробности здесь не принципиальны и будут постоянно совершенствоваться.

.....

Что бы ни делал человек – а в результате человечество приходит ко все большим свершениям.

* * *

Замечание на полях:

Проблема падения рождаемости отнюдь не нова в истории цивилизаций. Она принимала отрицательный, угрожающий характер еще в Древнем Риме периода расцвета – расцвета, а не упадка! об упадке вообще говорить не приходится. И придумывались в Риме специальные законы, направленные на увеличение рождаемости, принимались меры социального поощрения, деньги из бюджета выделялись дополнительно – за рождение детей и на их воспитание. Не хотели римлянки рожать, хотели жить в благополучии и для собственного удовольствия. А в провинциях с рождаемостью было все в порядке, плодились исправно. Ничего нового, а?

Что произошло в итоге с процветающим Римом? Натюрлих.

Да еще в библейской истории об исходе евреев из Египта упоминается, что фараон был обеспокоен здоровой плодовитостью евреев при неважной рождаемости у египтян, и решил выправить опасный крен репрессивными мерами: если повысить рождаемость египтян было не в его силах, то урезать еврейское потомство он средства имел. Великий Египет подходил к закату своего могущества...

Автоматический природный регулятор всегда втыкался в колеса преуспевающей цивилизации. Как бы образовывался дисбаланс в распределении энергии сообщества: больше в производство-потребление и преобразование мира через осмысленные действия – меньше в простую биологическую экспансию.

На высоких этапах развития цивилизаций биология всегда являла свое подчиненное положение по отношению к природопреобразующему разуму. Мол, и так слишком много всего можете-делаете, размножаться вам уже необязательно.

С этого и возникали представления о «старых» и «молодых» народах, угасании жизненной энергии, деградации генофонда и т. д.

Метисы

Сегодняшняя наука не знает, почему одни гены являются рецессивными, а другие – доминантными. Она это только констатирует.

Так же наука не знает, почему гибриды от скрещивания разных пород одного вида оказываются более жизнеспособными. Селекционеры лишь стараются, и часто очень успешно, путем скрещивания пород одни признаки передать по наследству и усилить, а другие отбросить или нейтрализовать. На уровне анализа это может сводиться к изменению хромосомного набора – что на шаг вглубь проясняет механизм появления новой породы, но ничего не объясняет по сути.

Точно так же известно, что имбридинг ведет к дебилизации и вырождению – что у животных, что у людей. С вырождением свиного стада справиться легче – или плюнуть и съесть, или купить хряка со стороны. С вырождением царствующих фамилий сложнее. Лошадиные челюсти и идиотские глазки Габсбургов, скажем, неплохое тому подтверждение. Разветвилась фамилия по всем дворам Европы, а взять в родню прачку или охранника обычай, понимаешь, не позволяет и политика не рекомендует.

Свежая кровь! Влить свежую кровь! Подать сюда бродячего рыцаря, заморского принца, буйного варвара – проходной мотив в столах аристократий, вырождавшихся в длинной череде династических браков с себе подобными.

Люди из опыта всегда знали, что от представителей двух разных народов рождаются хорошие дети – которые в среднем превосходят детей одного народа. Всегда были разговоры о красоте, или силе, или здоровье, или таланте «полукровок». Вот как-то получается, что от двух родителей такой ребенок наследует в общем скорее лучшие черты каждого, чем худшие. И более того: от двух хилых, но разных кровей, разных национальностей, родителей – рождаются дети, явно превосходящие обоих, – и откуда что берется, понимаешь. Это правило селекционеры тоже давно знают.

Шо мы имеем в таком браке смуглого темпераментного азиата с альбиносистой флегматичной скандинавкой? Здоровенную разницу мы имеем. А что такое здоровенная разница? Это разность потенциалов, это энергия – энергия содержится в самом совмещении различных частей, в потенциальной возможности произвести работу по стиранию этой разницы между двумя частями, по приведению диполярной системы в состояние однородности. Здоровенный энергетический заряд мы имеем, когда падают в койку две очень разные особи. (Сейчас мы имеем в виду разницу национально-расовую, а не половую, хотя и половая разница стреляет по тому же принципу, но об этом в другом месте.)

«Противоположности сходятся», – давно сказал народ, не вдаваясь в анализ этого явления. Так стремятся друг к другу разнозаряженные полюса! Каждый стремится обрести в другом то, чего нет у него самого, и реализацией этого природного стремления двоих к единству является ребенок.

И в этом ребенке больше энергии, чем было в каждом из родителей. Ибо энергия разнородной пары выше, чем однородной. Только и всего. Энергия эта и являет себя через ум, талант, красоту и пр.

Потому всегда и знали, что хороши бастарды, дети любви, – ломались перегородки, сильнее стремились друг к другу разные, не из одной корзинки, люди.

Такова суть – на самом общем уровне.

И поэтому, кстати, почти все великие цивилизации появились из встречи и смешения двух или более разных народов. Разница – дополнительная энергия – «улучшение породы» – развитие нового, мощного народа. Германцы с кельтами, славяне с германцами, ахейцы с дорийцами и т. д. На то есть отдельные исторические и этнографические исследования – кото-

рые констатировали, но не делали выводов. Энергетической основы природы они еще как-то не понимали.

Закон

С тех пор, как греки завязали Фемиде глаза, она играет с преступниками в пятнашки. Не пойман – не вор. Пойман – тоже еще не вор. На весы ей можно подсыпать гирек, слепой курице. Юристы и заняты тем, что перетягивают самосильно чаши ее весов. А кто им платит? Преступники. А где они взяли деньги? А украли у честных людей. То есть честные люди оплачивают адвокатов, которые отмазывают от Закона преступников, которые обокрали этих честных людей. А теперь скажите, что это не гениально. Если бы я был преступник, я бы поставил золотой памятник Закону.

Аж попискивает честный мелкий люд под прессом Закона. Писк этот складывается в пословицы и поговорки, выражающие народный оптимизм: «Закон – что дышло, куда повернул – туда и вышло», «С сильным не судись...», «Для друга – что угодно, для врага – только по Закону», и т. д.

В конце XX века в России сложилось совершенно-таки официальное сословие бандитов. «Что делаешь? – Да бандитствую потихоньку». «По этому вопросу к бандитам обращаться надо». Их все знают. Они берут деньги у кого хотят. Они сотрудничают с министрами и ворочают миллиардами. Офисы, виллы, лимузины. Посадить невозможно: откупятся, свидетели откажутся или исчезнут, документы выкрадут, следователей переведут на другую работу.

Дельцов наркомафии и гангстеров в мире знают так же, как в квартале знают своего знаменитого хулигана, с которым предпочитают не связываться: все равно в суде не докажешь, а отпустят его – он тебя вообще зарежет.

И это – Закон?! И на это у меня вытягивают налоги?!

Что получается. Что народу не нравится его собственный Закон. Как же это так?..

Каков же удивительный механизм вечного конфликта между честным человеком и Законом?

Сначала разберемся, что такое вообще этот самый пресловутый Закон.

Закон – это представления народа о справедливости, оформленные в правила на случай всякого серьезного конфликта. Это в демократическом государстве. А если король, диктатор, власть олигархии – тогда государство построено «под них», и Закон выражает государственную целесообразность: народу она может казаться несправедливой, а дворянству – справедливой – мол, без нас пропадете, смерды, ну так платите налоги и слушайтесь. Мы сильные, знатные, мы имеем право на большее. Неравноправие, значит. Но мы-то все твердим именно о равноправии!

И вот картинки из жизни, а также литературы и кино, которые ее отражают. Мирные селяне не сдают конокрада околоточному надзирателю – они его забивают кольями. Таково их представление о справедливости: без лошаденки хозяйство разорится, а этот хлюст хотел пропить-прогулять, а суд что – даст пару лет, и он опять воровать будет.

Или: кучка мужиков с винчестерами запирает шерифа (которого сами выбрали!) в кладовку и деловито вздергивает вольного стрелка. По их мнению – воздают по заслугам. А то он в городе наймет адвоката и отвергнется.

Что такое «самосуд»? Это суд в первой инстанции, самой низовой, так сказать. Чем он руководствуется? Да справедливостью!

Конфликт между самосудом и Законом – это конфликт между правом людей на справедливость и правом государства единолично вершить эту справедливость. Вот такая закавыка. Пока представления о справедливости добираются до верхов, они, понимаешь, каким-то образом меняются.

Каков был и как вершился Закон при, скажем, родовом строе, когда жили люди маленьким сообществом, тот же поселок? Собирались все вместе, разбирали дело и выносили реше-

ние. Выслушивали обвиняемого, потерпевшего, свидетелей, учитывали «за» и «против». Все просто и логично. Убил – казнить. Украл – конфисковать и избить. В таком духе.

Кровная месть – жестоко? Но общество признавало – да, но справедливо. Руку рубить за воровство – жестоко?

Да, но воровать нельзя, а то что же будет. И преступлений, надо сказать, в таких обществах было мало.

Персы воровства не знали при таком законе. Абсолютная честность была нормой. И они презирали греков – что это за народ, который торгуется на базарах о цене, вместо того чтобы сразу назвать честную цену, пытаются обманывать друг друга да еще радуются, если выторговали в свою пользу. Тьфу...

Чеченец или корсиканец тысячу раз подумает и сдержится, прежде чем оскорбить другого. Потому что за оскорбление будет убит. И род его втянется в кровную месть роду убийцы. А убить – значит автоматически навесить на себя смертный приговор. Ну так они очень и очень предупредительны в общении, хамство меж собой там в принципе невозможно.

Такой закон понятен и прост.

Кто же сделался героем нового времени? А тот же мститель, вечный Робин Гуд. Полицейский знает, что по Закону убийца выкрутится, доказать невозможно, смертной казни нет, а он перебил кучу народа. И полицейский убивает его сам, и по Закону может огрести за это пожизненное заключение! У кроткого чиновника подонки убили жену – он выслеживает и убивает их сам, не веря в Закон и не в силах удовлетвориться его «гуманностью». И зритель всегда на их стороне: смерть подонкам!

Закон отчужден от общества, вынуждены мы констатировать.

Народ не сам устанавливает законы, вот в чем штука. Народ только выбирает своих представителей в государственные органы. А что такое любые выборы в большой стране? Спектакль, поставленный профессионалами. За каждым кандидатом стоит партия, команда, аппарат, имиджмейкеры, фонды, корпорации и толстосумы. На выборах народ покупает kota в мешке, расписанном заманчивыми лозунгами. А дальше политик-законодатель руководствуется собственными интересами, логикой фракционной борьбы, он подкупается, он наживает политический капитал, он хочет выглядеть красивым и т. д. Политическая борьба жестока, выживает в ней сильнейший. Поэтому политик соотносится с волей и интересами народа не больше, чем нужно и полезно ему, политику, для своей карьеры и своего положения.

Чем сложнее механизм воплощения идеи в жизнь, тем дальше реальный результат от первоначального замысла. Хотели гуманной справедливости, а получили попустительство хищникам.

Это первое. А второе: Закон судит не преступника, а преступление. Это старый подход еще древнеримского, юстинианова права, призванный обеспечить объективность и беспристрастность мнения, невзирая на лица. С одной стороны, это кажется справедливым. С другой стороны, плохой врач лечит болезнь, а хороший – больного.

Два бандита и убийцы поспорили из-за награбленного и решили спор обоюдной стрельбой. Один убил другого. Приговор суда: десять лет. Другой бандит придрался на улице к прохожему, который показался ему недостаточно почтительным, и убил его. Тоже десять лет. Это – справедливость?!

Бывает веселее: прохожий увидел, как мерзавец насилует женщину, ударил его кирпичом по голове и убил. Тоже десять лет. За превышение пределов необходимой самообороны. Ведь мерзавец не угрожал его жизни. Это – Закон?!

Что делает простой и праведный самосуд? Первого бандита закатает на добрый срок каторги, чтоб зря небо не коптил и на труде честных людей не паразитировал; а на убитого им бандита плевать, одного поля ягоды, меньше дряни будет. Второго – безусловно повесит, и

поделом, и только так. Третьего безусловно оправдает, да еще похвалит, и за храбрость наградит, и другим в пример поставит: и да поступит так каждый честный человек.

Случилось страшное и случилось глупое.

Глупое: это мы впилились в буквальное насаждение христианской морали вселюбви и всепрощения, а она соотносится не со справедливостью в нашей горестной юдоли греха и скорби, а с той праведностью, которая ведет к вечному блаженству за гробом. Невинный убитый младенец, значит, блажен за гробом. А убийцу мы пощадим, потому что тогда тоже будем блаженны за гробом?.. И будем добиваться от него, чтоб он искренне раскаялся, и тогда он тоже спасется, и за прозрение в любви к людям тоже будет блажен за гробом. Да провались он пропадом, гореть ему в аду вечно!

Страшное: не так важно, по каким причинам общество чего-то не делает – важно, что если оно реально чего-то не делает, это означает, что у него нет сил это делать. Потому что кажущаяся сила – это не сила, это ее видимость, призрак, сила – это то, что себя являет; по жизни так оно получается. А если у общества нет сил карать врагов и выродков, и оно делается беззащитным перед убийцами и террористами – это означает недостаток его энергии, означает энтропию общества. Иначе говоря – ослабление, упадок, развитие гибели.

Если преступники могут богатеть и безнаказанно глумиться над честными людьми, и общество с его Законом не в силах их карать – это означает стирание грани между честными людьми и преступниками. Стирание грани – это движение к усреднению, одинаковости, неупорядоченности, хаосу, это падение разности потенциалов между полюсами общества, – то есть общество выдыхается и издыхает потихоньку.

Мы, белая цивилизация, живем в гибнущем мире.

XX век был последним веком нашего расцвета и нашего господства. Черт с ним, с господством, хотя сознавать свою грядущую не то чтобы второсортность, но второзначимость, – труднопереносимо. Но растекаться песком в грядущем времени – вовсе невесело.

Азия, могучая Азия заступает на наше место. Плодовитая, трудолюбивая, жестокая. Она будет рубить руки и головы и долго-долго не позволит наступать себе на хвост.

Все чаще Закон предпочитает права личности – правам общества. Налицо разрушительная тенденция <...>

Коммунизм

Если вогнать человеку – нормальному, обычному, современному – дозу психоделика, хоть того же кетамина, то в трех случаях из пяти в нем обнаружится коммунистический идеал. Вскрываются пласты подсознания, и – он ходит в прекрасном и ярком воображаемом мире по грудам денег, обладает бесчисленными кинозвездами и купается в лучах мировой славы, это запросто, элементарно, это даже перестает быть особенно желанным; а в качестве высшего желания, высшего счастья – он хочет и грезит: «Счастья, для всех, даром, и пусть никто не уйдет обиженным».

Юнг назвал бы в этом случае коммунистический идеал «коллективным бессознательным»: вот на генетическом уровне живет в психике человека такая штука.

Я бы расценил это иначе. В наркотической эйфории человек испытывает максимальную положительную эмоцию. И грезящее сознание подыскивает этому ощущению адекватную форму на интеллектуальном и событийном уровнях: отчего мне предельно хорошо? что это такое, как назвать? чем это вызвано, чему это соответствует в «реальном» мире, в котором я сейчас живу? Богатство, секс, слава, грезящиеся под наркотой – это оформленный в понятия и представления адекват высшего наслаждения: мне очень хорошо, а хорошее ассоциируется в моем представлении с тем-то и тем-то, вот оно у меня сейчас и есть. (Это сродни механизму сновидений: эмоция, не контролируемая напрямую реальностью, возбуждает адекватный себе визуально-событийный ряд как бы реальных и одновременно фантастических событий.) То есть определенным мыслям соответствуют определенные ощущения с одной стороны – и определенные пласты реальной жизни с другой; воздействуя на одно звено, мы через него опосредованно воздействуем и на два других: новая картина жизни вызовет соответствующие мысли и чувства – а новое ощущение, без прямого контроля бодрствующего сознания, вызовет соответствующие мысли и картины реальности. Трехчленная цепь: ощущения – сознание – реальность.

Раскрепостив и возбудив психоделиком центральную нервную систему, сняв все препятствия и тормоза к ее стремлению испытывать максимальные положительные ощущения – мы и обнаруживаем, что в большинстве случаев максимум наслаждения ассоциируется со счастьем для всех, прямо-таки с мировой гармонией. Ничего непонятного, представляется, тут нет. Лично ты уже предельно и идеально счастлив, все имеешь, – и больше этого может быть только сделать столь же счастливыми других, распространить на весь мир свое счастье (и одновременно, не удержимся заметить, свое всемогущество. Ты можешь их всех уничтожить, это тебе в добром трансе плюнуть раз, – но больше кайфа, больше свершения в том, чтобы их всех осчастливить так же невероятно, как хорошо сейчас тебе).

Что мы имеем? Мы имеем желание счастья для всего человечества как идеал предельной положительной эмоции. Сверх-счастье. Вот все для счастья у тебя уже есть – выше только это. И одновременно это – стремление к предельной значительности своей личности: сделать всему человечеству то, больше чего уже быть не может – осчастливить: да это богоравная задача!

Вот где сидит извечный источник коммунизма. Он не в экономических теориях. Он коренится в устройстве психики, в стремлениях к максимальным ощущениям и к самореализации, своей значительности.

А на уровне более абстрактном, несколько философском, – энергоизбыточный человек, всегда неудовлетворенный имеющимся, всегда строит себе идеал – действительность лучшую, иную, должную, желаемую и воображаемую. Горизонт, цель, оформление внутреннего импульса к переделке мира.

Коммунизм – это идеал человеческого общежития, всегда несовершенного и несправедливого (ибо и совершенство, и справедливость суть тоже идеалы, по определению и принципу противопоставленные реальной жизни. Достижение идеала означает слияние его с реально-

стью и тем самым исчезновение, есть только реальность, изменять ее больше не нужно, да и некуда, наступает равновесие того, что есть, с тем, чего хочется – а вот это для человека невозможно, он, повторяем, энергоизбыточен. Достижение идеала означает: стоп, приехали, больше ничего не меняем, поддерживаем все как есть. А вот тогда произойдет нарастание энтропии и пойдет регресс, ибо система всегда стремится к упрощению, а часть энергии всегда расходуется «на побочные эффекты», и даже чтобы просто поддерживать равновесие системы – необходимо расходовать дополнительную энергию, возмещающую непродуктивный расход, а для этого необходимо делать больше, чем кажется необходимым – вроде как брать поправку на снос течения при переправе через реку, а для этого надо прикинуть себе какой-нибудь ориентир на том берегу, определить какой-то угол своего движения чуть вверх по течению – а это и есть идеал: стремиться хоть чуть выше, чем на самом деле приплывешь).

Что из этого следует? Из этого следует, что: а) коммунизм человеку свойственен; б) коммунизм – вещь безусловно хорошая; в) реальный коммунизм невозможен.

Но смеяться над людьми, которые, свято веруя, действительно ведь отдавали жизни ради счастья всего человечества, как они разумели, – глупость и жлобство. Если вдуматься, все революции в истории, и вообще все социальные реформы – по сути были коммунистическими: люди хотели как лучше, стремясь максимально лучше, настолько ближе к идеалу, насколько получалось.

.....

Конец XX века, накушавшегося досыта коммунизма в действии, навешал на многострадальное учение всех собак. И то сказать: результаты кошмарны, а жертвы бесчисленны.

Анафема! чур меня! – проклинаят антикоммунисты.

В основе лежит идея святая и светлая, а испортили ее конкретные нехорошие люди! – гнут свою линию упрямые и недодавленные коммунисты.

Кто не был коммунистом в двадцать лет – тот не имел сердца, но кто остался коммунистом в тридцать – не имеет мозгов, – вздохнули анатомы от философии.

Шо мы имеем? Мы имеем ярчайшую в истории попытку совместить несовместимое – смешать ценности идеальные и реальные.

Что здесь идеального? Лежащее в основе извечное человеческое стремление к счастью, справедливости и равенству – и пусть никто не уйдет обиженный. Коммунизм марксистский часто возводят к коммунизму евангельскому – те же нравственные принципы. Возникли не на пустом месте и евангелия – люди всегда были несогласны с гадством жизни: господством силы, торжеством прагматизма и т. п. Идеал, понимаешь: жизнь недостаточно хороша, а иногда просто мерзка – и мы представляем себе, как она должна бы быть устроена, чтоб было хорошо, правильно, по уму и по совести.

Что здесь реального? А – не получается!!! – как завопил в отчаянии парикмахер, полодея с досады безнадежно исцарапанного бритвой клиента. Люди недостаточно хороши. Большинство малосознательно и эгоистично. Ничего, разберемся: отделим агнцев от козлиц. Пролетарии направо, прочие – пожалуйста налево, посередине трепещет тонкая прослойка интеллигенции. Реален конкретный государственный механизм с его экономической базой и законодательной и исполнительной властью.

Цель – счастье.

Средство – тотальное государственное убеждение и принуждение: газета «Правда», кормовой паек и маузер.

Вызывает восхищение та храбрость и вера, с которыми отцы-основатели решительно приступили к претворению извечного идеала в жизнь. Все остальное вызывает ужас и жалость.

Сейчас я выскажу одну очень простую мысль, применимую ко многим сторонам жизни:

Идеальные ценности существуют не для того, чтобы господствовать в реальной жизни (что и невозможно). Они существуют для того, чтобы «уравновешивать» ценности реальные, в какой-то степени ориентировать их в сторону идеала, видоизменять и совершенствовать. Но что идеал принципиально недостижим – об этом мы уже говорили много раз.

Коммунизм есть идеал устройства человеческого общежития. Это понятно. А дальше – чем решительнее стремишься ты к идеалу, не считаясь с реальностью, – тем больше дров, естественно, ломаешь.

Так не существует идеального человека – и одержимый манией идеала «здесь и сейчас!» деятель изобретает и пускает в ход прокрустово ложе.

Коммунизм прекрасен и решительно бессмертен как абстрактная теория. Принципиальная недостижимость обеспечивает идеалу бессмертие. Все хорошие, всем хорошо – хотим-хотим-хотим! Тот самый случай, когда это слишком хорошо, чтобы быть правдой. Коммунизм – это попытка подбить научно-практическую основу под извечную мечту человечества о Золотом Веке: мечту отцепить Добро от Зла и ограничить свое местопребывание лишь одной диалектической половиной бытия.

Что же в натуре? В натуре самые энергичные лезут наверх и, являясь одновременно самыми жадными, жестокими, хитрыми и хищными, придумывают способы обирать остальных и жить лучше, значить больше. Ничего нового, все как всегда. А если самый энергичный оказывается морально безупречен, как условный Робеспьер, то он в бескомпромиссной борьбе за всеобщее счастье так стрижет головы множащимся врагам, что потом сто лет от крови не отмыться.

Идеальное устройство предполагает идеальных людей. А их вот нету и не будет. Впиливаясь в реальных людей, идеальное устройство впадает с ними в противоречие и старается привести к прокрустовой норме. Вот что такое практический коммунизм в действии.

Смотрите. Как только гонимое христианство стало господствующей и государственной религией – церковь погрязла в фальши, коррупции и крови. Значит ли это, что христианство вообще дурно? Да нет; просто место священника – в катакомбах! а не на золотом амвоне.

Не приведи Боже пускать коммунистов к власти. Стремясь устроить всю жизнь по морали – они утверждают примат морали над истиной, должного над сущим, теории над практикой. Результаты известны более, чем того хотелось бы.

Но когда наглый миллионер или продажный политик проповедуют с экрана, что они грабят народ исключительно по справедливости и для его же блага – очень полезно спустить на него цепного коммуниста: дабы напомнить вору, что он вор. Припугнуть, чтоб подсократился. Плюнуть от имени миллионов сирых и обиженных.

Как мораль – вечная оппозиция голому прагматизму, так коммунизм – вечная оппозиция реальной политике. Критика тоже не без пользы. Чтоб карась не вовсе безмерно зажился.

Табу и его разрушение

В основе любого табу было принято искать рациональное зерно. Мол, изначально оно восходило к вполне рациональному запрету в интересах господствующего класса, или пола, или вождя, или в интересах всего общества и т. п.

Потому что табу отличается от закона именно невнятностью мотивации, неясностью смысла. Классические Десять заповедей – это скорее закон, нежели табу: смысл заповеди ясен, а ее нарушение предполагает внятное наказание – будь то по закону людскому или божескому. Заповедь «не убий» воплощается в статьи уголовного кодекса и обрастает параграфами и примечаниями.

Так. В любом обществе всегда была система регулирующих запретов, более или менее рациональная: регламентация действий и отношений между людьми.

Но в любом обществе была и система запретов весьма бессмысленных и на первый взгляд необъяснимых. Как, скажем, табу для полинезийского вождя какого-то племени касаться чьего-либо тела или питаться самому: касаться его могли только жены, а кормили его «с ложки», вкладывая куски в рот. Зачем? Ну, иначе он будет осквернен, скажем. Фрэзер мог бы привести представления туземцев о том, что так подчеркивается божественная сущность вождя.

Собственно, любая власть и любая религия всегда создают свой ритуал, включающий свод запретов – запретов на нарушение каких-то специальных правил или вообще на совершение каких-то поступков. И вот христианство, религия поначалу демонстративно простая, аскетичная, за пару тысяч лет обросла в католической конфессии ритуалом, огромным и ветвистым, как лес позолоченных баобабов. Масса незаметных для непосвященного мелочей обретает огромный смысл.

Любой религиозный человек приведет тьму доводов в защиту и объяснение рациональности ритуала и любого запрета. При том что жить без этого ритуала и запрета явно можно, и вполне неплохо, ни для чего он не нужен.

Вот для полинезийца табу ходить на ту гору. Нельзя, и все тут. А то убьют, съедят, изгонят. Простодушный ученый объясняет: ну, там когда-то кого-то деревом придавило, народ решил, что это злые боги там живут, и людей видеть рядом не хотят, карают, вот и не надо туда ходить. Допустим пока... Они темные, эти дикари, что с них взять.

Но вот явное и ужасное табу – плюнуть на знамя части. А что будет? Армейский бог покарает? Нет, военно-полевой трибунал в Бога не верует, вломит два года дисбата своей властью «за оскорбление святыни, символа» и т. д.

А знамя, как вздыхал еще Толстой, это просто тряпка на палке. И чего образованные люди с ним носятся? Да напилпил палок, нарезал тряпок – и дал хоть каждому по охапке знамен.

То есть: в деталях ритуала, в разнообразных табу – мы всегда имеем перенос значения на какое-то условное действие, условный предмет. Знамя и его неприкосновенность – есть свидетельство значительности воинской части. Плюнув на знамя, человек тем самым говорит: «Да вы слабаки, дураки, я не считаюсь с вами и вашими чувствами и мыслями, я значительнее вас». Вот этого негодяю уже спустить нельзя – да он завтра приказ не выполнит, в атаку не пойдет, к врагу перебежит: расстрелять перед строем под барабанный треск!

Что означает вполне бессмысленный жест: вложить большой палец руки между указательным и средним и направить в чью-то сторону? Ну и что? Мало ли пальцев на руках у каждого. Но этот жест значит «фигу»: я тебя не уважаю, по-твоему не сделаю, ты дурак, я значительнее тебя.

Значит, так: жизнь человека в обществе регулируется массой мелких и менее мелких деталей, а ритуал и запрет – это внешний механизм взаиморегулирования отношений человека

с окружающим обществом, а шире – вообще с окружающей средой (жертвы богам, соблюдения заветов Бога и пр.).

А с ходом времени, как обычно бывает, смысл ритуала и запрета растворяется в ежедневной повторяемости, над ним уже не задумываются, и остается самодовлеющая форма.

Возьмем-ка табу российских зеков в зонах: вот уж пример удобный, наглядный и современный, и прекрасно доступен наблюдению. Масса идиотских и жестоких табу! Особенно малолетние зоны свирепствуют. Так.

Нельзя ходить на парашу, когда кто-то ест. Понятно? Понятно. Ход мысли естественный? Вполне. Дальше имеем развитие мысли: если ты – один, сам! – ешь, а в небе летит самолет – надо прикрыть еду и подождать жевать, пока он не пролетит: там кто-то в этот миг может сидеть на унитазах. Гм. А если через дорогу дом? Там ведь тоже сейчас за стеной кто-то может в туалете сидеть. Ну, если дом, то это ничего, это не считается. Почему? Потому!

Нельзя есть помидоры. Почему? Они красные, а красный цвет – табу, «западло» – это цвет посадившего тебя государства, врагов-ментов, волков позорных. Красные трусы – нельзя, и т. п. А кровь красная?.. Ну, тут ничего не поделаешь.

С земли ничего поднимать нельзя, особенно с плаца. Западло. Зачушишься. Вот поднимешь зимой с плаца упавшую с головы свою шапку – и через это можешь «зачушиться», оказаться опущенным. Почему?! Могут пробормотать, что нельзя кланяться, работать на земле и проч. ерунда.

То есть люди сами усложняют себе жизнь. Зачем? Такой ритуал соблюдать любой шибздик может, силы и ума не надо. Наука социопсихология в ответ бормочет невнятно, не в курсе дела.

Дорогие мои! Да именно в этом усложнении себе жизни собака и зарыта. Зек не может костюмчиков закупить, музыку послушать, модной машиной похвастаться, ни такси, ни метро он не пользуется, и социум, в котором он существует годами долгими, прост и примитивен до ужаса: ну, пахан, блатные, мужики, опущенные, феня, кум, татуировки, и изо дня в день, из года в год одно и то же. И он придумывает и создает себе более сложную жизнь, условности в нее вводит и значение им придает. И через то жизнь его делается полнее и интереснее, разнообразнее, забот у него больше, поводов для переживаний больше, – короче, его центральная нервная система получает больше ощущений, для этого она поводы к ощущениям и придумала. Только и всего. Неясно еще?

Вот две дамы на пляжу. Одна в купальных мини-трусиках топless: меж ягодиц у нее ленточка, на лобке у нее треугольник уже ладони, мужики на нее глаза пялят вождедеюще, но – приличия соблюдены: так ходить на пляже сейчас принято. Кое-где. В Европе. А вторая дама в прекрасном кружевном белье, и панталоны у нее с оборочками, и бюстгальтер с цветочками, и прелести ее прикрыты гораздо основательнее при этом, чем у первой. Но выглядит она, по всеобщему мнению, неприлично, неподобающе. В таком белье перед любовником раздеваются, а не на пляж ходят. Первая обнаженная, а вторая – раздетая, разницу улавливаете? Назначение иное, ассоциации возникают немного разные.

А пусть-ка они обе на дипломатическом приеме снимут только юбки, а все остальное останется – оживления-то сколько будет! Потому что нарушение условностей вызывает сильную эмоциональную реакцию прочих граждан, эти условности соблюдающих. Это нарушение уже – вызов, вольность, шокинг, хамство, неприличие, оскорбление.

Если ты на пляже в плавках, еле прикрывающих гениталии – это нормально. А в длинных кальсонах с пуговицами – идиот и посмешище. А вы говорите об отсталости дикарей с их табу.

Но. Но. Масса условностей и запретов напрягают человеческую жизнь массой мелких смыслов и дают массу поводов для забот и переживаний. Общая сумма ощущений при этом увеличивается. Надо соблюдать, и стараться, чтоб у тебя в этом смысле было все в порядке,

как надо, как принято, как у всех, тогда ты чувствуешь себя уверенно, ты не хуже других, а иначе – ты не такой, как все, тебя не уважают, тебе дискомфортно.

Ритуал и табу обогащают твою жизнь дополнительными представлениями и ощущениями.

Это первое. А второе: что значит усложнение жизни? Это значит, что она более структурирована, более упорядочена, дальше от хаоса, чем при беспорядочном и вседозволенном смешении всего и вся. Это та организация, которая противоположна энтропии.

Избыточная энергетика человека и есть истинная причина ритуала и табу. Эта энергетика выражается во всем, в том числе и в ритуально-запрещающих формах организации человеческого общежития.

Чем меньше хаоса – тем больше энергии. Масса идиотских и условных предписаний на все случаи жизни – одно из воплощений избыточной энергетики человека, один из ее аспектов.

Это происходит на уровне инстинкта, на уровне витальной силы, а уж смысл к этому подстегнуть можно всегда, для рефлексующего разума это дело нехитрое.

Один из сильнейших примеров – соблюдение ортодоксальными евреями всех многочисленных предписаний ветвистого Закона. Боже! Нельзя того и нельзя сего, надо так и надо эдак. Это же ведь надо додуматься, что в субботу можно все-таки ехать на лифте, но нельзя самому нажимать его кнопку, потому что это включение подпадает под запрет на работу в субботний день. А пешком топать – хоть на сотый этаж, сколько влезет, на это запрета нет. Это же ведь надо было додуматься, чтобы из библейского запрета «не вари козленка в молоке его матери» вывести не только запрет на бутерброд с колбасой, потому что масло молочное, а колбаса мясная, но и вообще на употребление мясного и молочного в одну трапезу, и запрет на использование под мясное и молочное одной и той же посуды, и холодильников под них надобно держать два, и если нельзя два стола – то необходимо две разные скатерти, и странно еще, что не два разных комплекта вставных челюстей.

Явная бессмыслица, да? Но с каким нечеловеческим упрямством из века в век, из тысячелетия в тысячелетие соблюдают верующие евреи все свои предписания! А теперь скажите, что евреи – народ с пониженной энергетикой. Да нет, все сходятся на том, что напротив, с повышенной. А делать ортодоксальному еврею нечего, кроме как ревностно соблюдать закон и выискивать в священных книгах все новые скрытые указания к новым соблюдениям всего на свете. И вот немалая его человеческая энергия прет на дальнейшее разветвление и строжайшее соблюдение ритуала (ибо, полагает иудаизм, «если все евреи хоть два шабата подряд будут свято соблюдать все, что велел Господь», то придет Мессия и настанет счастье Израиля и Царство Божие. Что вряд ли, уже по той причине, что разные течения иудаизма придерживаются немного разных взглядов на соблюдение и исполнение массы мелочей).

Жесточайшая и подробнейшая структуризация иудаизма – система антиэнтропийная, высокая степень порядка противостоит хаосу. Эта структуризация – суть энергия народа в одном из аспектов своего воплощения.

Чего в основном касаются ритуал и табу?

Всяческое регулирование сексуальных отношений.

Естественно связанные с ним степени и условия оголения тел.

Степень лояльности господствующей идеологии общества.

Поведение в обществе.

Получается, братцы, что масса смешных, нелепых, условных вещей – связаны, однако, с базовыми ценностями существования человечества. Ух ты.

То есть:

Не в том дело, что ритуал и табу условны и бессмысленны, а в том, что смысл их – в самом их существовании: повышении энергетических связей человеческого сообщества на главных направлениях – размножение и взаимодействие в деятельности.

И что же мы видим сейчас?

Мощной мировой силой является исламский фундаментализм. Он энергичен, агрессивен. Фанатичная вера, жесткий религиозный ритуал, масса запретов и ограничений, резкое разделение женской и мужской функций. Воюют непримиримо, жертвуют жизнями, наглы, ни черта не боятся. Общество энергично – и структура его жестка: это аспекты одного и того же.

Кем считает исламист голых белых баб на пляже, которые по обстановке не прочь трахнуться? Шлюхами. Их можно драть с презрением, но жениться на такой – Аллах избавь от дикой мысли. Европейцы считают кавказцев и арабов, которые в стриптизах и на пляжах истекают слюной, но плюются, дикарями: отсталые взгляды, понимаешь.

А кем европейцы считали голых полинезийцев – когда сами европейцы взглядов придерживались суровых, и дамская ножка, по щиколотку публично обнаженная, была пикантной вольностью? Опять же, дикарями.

Оценочка малость хромает: получается, что дикарь – это не такой, как ты, только и всего.

...Собственно говоря, табу – величина негативная. Это понятно. Запрет не существует сам по себе, запрет – это противодействие. Есть ритуал – позитивная величина, свод предписаний к действиям, и запрет – это его, так сказать, запретительная половина. Запрет на какое-то действие – это, во-первых, подразумевает, что импульс к такому действию уже имеется, и, во-вторых, означает, что действовать надо не так, а как-то иначе. То есть:

Табу свидетельствует о наличии энергии на этом участке – и регулирует, направляет эту энергию, ставя заслон в одном направлении и оставляя пространство для выхода ее в другом направлении. Это можно уподобить системе шлюзов, плотин, клапанов и т. п., аккумулирующих массу и силу воды и пускающих ее в определенном направлении, где она может совершить определенную работу – будь то мельница или гидроэлектростанция.

А если убрать все перегородки? Свободно растекающаяся вода никакой работы совершать уже не будет, не сможет.

Запрет (см. «Искушение») уже сам по себе рождает противодействие. Он привлекает внимание, возбуждает протест, и энергия противодействия, если не взламывает его, то ищет себе применения в другом направлении, на другом участке.

Тогда можно сказать:

Табуирование – это способ повышения человеческой энергии, как индивидуальной, так и в сообществе.

Самая простая аналогия – это известная теория творчества и вообще многих видов и способов деятельности как сублимация энергии сексуальной при запрете или вообще невозможности реализовывать сексуальную энергию напрямую. Строго говоря, это даже не аналогия – это один из примеров основных, генеральных табу и их следствий.

Возьмем еще для примера армию – в мирной и военной обстановке. Мирный армейский ритуал был изощрен везде и всегда. Сложные и поступенчатые формы отличий и наград, подробности экипировки и вооружения, формы отдачи приказа и формы изъявления подчинения и т. д. – отдание чести, соблюдение распорядка и масса разных изгибов, доводящих до изнеможения новобранцев и держащих бездельничающую армию в таком напряжении, что римские легионеры вообще рассматривали войну как отдых от всего этого кошмара.

И вот армия в действии, в бою. Мгновенно и «автоматически» слетают глупые ритуальные предписания. Вся энергия устремляется в одном направлении – победить и выжить. Все, что способствует победе в бою – всячески культивируется. А чистка пуговиц, парадная маршировка, обязательное единообразие не только обмундирования, но и заправки постелей – фронтовиками отбрасывается с глумливым пренебрежением: глупо, ненужно, не до этого. (Отчего фанатики армейского блеска типа Вильгельма I и констатировали со вздохом: «От войны армия портится».) Фронтовик гордится своей внешней расхлябанностью, своим неуставным, но эффективным и удобным оружием, своим полным пренебрежением к ритуалу. И хороший

командир так же гордится своей толпой оборванцев, которые могут привести в ужас инспектора, но в бою перегрызут глотку любому врагу.

На кой же черт в мирное время ритуал? Любой приличный командир это знает прекрасно. «Чтоб поняли службу». Иначе разложившаяся в безделье и вседозволенности армия не будет пригодна к бою: духа армейского не будет, напряжения энергетического не будет. Дисциплина ритуала переходит в ту дисциплину, которая заставляет выполнять приказ – уже приказ на тяготы огромные, на бой и смерть.

Могут спросить: а если замордовать армию ритуалом? Конечно, тогда тоже ничего хорошего не будет. Измученный задолбанный солдат будет еле дышать, и место ему не в бою, а в санатории для восстановления сил. Все хорошо в меру. Не надо заставлять дурака так богу молиться, чтоб он лоб расшиб.

Точно так же в тоталитарном обществе можно залудить такой всеобъемлющий ритуал на все случаи жизни, что народ будет просто задыхаться среди перегородок по клеточкам, и нормальная деятельность быстро станет невозможной.

Но сейчас евроатлантическая цивилизация находится в другой стадии – грубо говоря, вседозволенности. Шо мы с этого имеем, и шо это означает?

Поедем не спеша и с разбега.

Когда-то пойти в театр – это было событием. Люди соответствующе одевались, и настроение было соответствующее, и буфет в антракте, и вообще праздник в храме искусства. Пойти в театр в ежедневной обычной одежде, не говоря уже о мятых штанах и старом свитере, было хамством, да одетый так человек и сам бы чувствовал свою ущемленность, неполноценность, бедность как жалкое неприличие (спец-богема и эпатажники не в счет, они на этом и играли). И как-то постепенно это исчезло (в СССР – на рубеже начала 70-х годов). И поход в театр приобрел характер чего-то обыденного или даже рабочего – билеты недороги, ходить можно часто, все после рабочего дня, буржуев у нас нет, и т. п. Интересно, что именно в это время и происходит закат советского театра, который в конце 60-х был очень хорош, а лучшие театры были невиданно блестящи, гениальны были.

Да весь театр с его условностью и держится на ритуале! С вешалки он начинается, как фабрикант канительной фабрики Станиславский справедливо заметил! Падение искусства начинается с пренебрежения к нему, и поначалу это всегда пренебрежение к мелочам.

Нет, не потому, конечно, театр загнил, что зрители хуже одеваться стали. Это явления одного порядка – уравнивание всего пошло, исключительность всего происходящего стала снижаться, энергия института театра стала уменьшаться, энтропия пошла нарастать. Зал и сцена – они ведь вместе, две стороны одного явления, взаимозаряжаются и т. д.

Заметим, что было это не только в СССР. К нам с опозданием на несколько лет докатилось то, что на Западе было отмечено видимой чертой 1968-го года, с ее студенческими волнениями, революцией хиппи и т. п. – мода на небрежность, неряшливость, грязность, утрированную «демократичность» поведения и раскованность манер.

Была отменена «ханжеская», «буржуазная» языковая цензура, и мат вылез в обыденную речь, на сцену, страницу, экран. Это что? Это языковая энтропия. Выматериться перестало быть экстраординарным выражением экстраординарных чувств – а так, вообще, выражение. В славном и глобальном американском английском вместо «скотина!», или «чтоб ты сдох!», или «черт тебя возьми» вошло в общем в языковую норму «я тебя ебал!». Если раньше такое брякнуть в приличном обществе, у людей глаза выпучивались и дар речи пропадал. А теперь – нет, ничего, привыкли. А что теперь можно сказать в приличном обществе, чтоб у него глаза выпучились? А нечего уже сказать!!! Вот это и называется языковая энтропия, вот это и есть снижение энергетики языка – когда ты убираешь перегородки запретов, и накопления и концентрации сдерживаемой энергии уже не происходит, и введением слова в обыденный оборот ты лишаешь его исключительности и взрывной силы, и если раньше ты мог выразить им

сверхсильные эмоции, то теперь тебе нечем их выразить – потому что слово, которое было для исключительных случаев, стало для обычных случаев, и сравнилось по употреблению со словами, которые раньше были гораздо более слабыми выражениями, чем табуированные.

Удивительно умственное убожество сексологов и сексопсихологов, которые с научным видом поучали, что надо свободнее и без ограничений разговаривать о половых органах и половых отношениях, используя медицинскую лексику, и нечего придерживаться ханжеских табу, надо просвещать население. Надо-то надо, да ведь смотря как. Одно дело – поголовно обеспечить школьников бесплатной книгой, исчерпывающе дающей необходимые им основы всего, связанного с полом, а другое – присылать в класс сексолога, да еще мужского пола, и проводить занятие на тему дефлорации, да еще в смешанной аудитории.

А что тут плохого, спросите вы? А то, что стало больше импотентов и извращенцев, с сожалением констатируют сексологи, не будучи в умственных силах провести прямую зависимость между снятием сексуальных табу и понижением сексуальной напряженности общества. А понижение напряженности – это в переводе на механический уровень означает, что стоит хуже и хочется меньше, неужели не ясно.

Боже мой, да люди всегда знали: чтобы хотелось – надо, чтоб было нельзя. Еще Екатерина Великая так ввела картошку на Руси, которой раньше не знали и сажать не хотели, даже если из казны крестьянам раздавали бесплатно сажать: ну его к черту, фрукт гадкий бусурманский. Поля велели охранять солдатами, картошку давать только аристократам! А на ночь охрану снимать. По ночам крестьяне стали воровать картошку и сажать у себя. В президенты Академии психологических наук Екатерину!

Если бы я был председателем Всемирного общества импотентов, я бы через ООН добился запрещения повсеместной рекламы презервативов и менструальных прокладок, которая гремит со всех каналов телевидения круглые сутки. Потому что если женщина, которую приучено рассматривать как источник менструации и вообще мокрых и пахнущих выделений из половых органов, с вежливой улыбкой и светским тоном предлагает презерватив, чтобы надеть его перед половым актом на эрегированный половой член, дабы избежать возможной инфекции, – то нормальному мужчине хочется избежать инфекции вместе с самим половым актом, а по возможности избежать и акта, и инфекции, и самой этой женщины, а лучше выпить лимонаду, или водки, или сыграть с друзьями в бильярд, или в лучшем случае попытаться заняться онанизмом, воображая сексуальные сцены с прекрасной принцессой, которая и слово таких не знает, а если и пользуется прокладкой, то мама-королева ее научила в нежном возрасте, что говорить на эти темы неприлично, а в обществе – просто невозможно.

Но сегодня мы имеем то, что имеем. А имеем мы не только понижение рождаемости белой цивилизации, но и понижение ее сексуальной энергии.

Невозможность развода при церковном браке – это бывало ужасно. Сейчас жениться вообще необязательно: живи с кем хочешь, хоть ночь хоть всю жизнь, хошь рожай, хошь не рожай, – права человека. Никакой девственности, никакой простыни на дворе после первой брачной ночи, и статьи в газетах о пользе внебрачных связей для укрепления брака.

Порнография, наркомания, отмена смертной казни за убийство, гомосексуализм, пособия безработным, провозглашение отсутствия социальных, расовых и национальных перегородок и т. д. – всем явно, что маятник либерализации от положения крайних зажимов качнулся в другую крайность – узаконенной вседозволенности. (Не полной, полная невозможна. Где мера, как ее определить? Мы лишь констатируем перегиб.) И в институте брака, и буквально во всех прочих социальных институтах мы имеем сегодня резкую либерализацию иначе это можно назвать свободой допусков, люфтом, разбалтыванием. А можно сказать так: упрощение ритуальности и резкое сокращение запретов.

Комплекс табу белой цивилизации резко сократился по сравнению с тем, что было во многовековой истории и что было еще полвека назад.

Это означает: упорядоченность жизни сообщества уменьшилась. Уменьшилось разделение всех поступков на можно-нельзя. Можно сказать и так: степень структуризации поведения снизилась.

Что это означает уже само по себе?

Это означает повышение энтропии сегодняшней белой цивилизации. Понижение энергетики. Закат, упадок, разложение, гибель.

Снятие ограничителя с дроссельной заслонки двигателя ведет к его быстрому износу, падению мощности и приведению в негодность. А если насверлить дырок в стенках цилиндров, чтоб газ при сжатии мог выходить куда хочет, а то его давит сильно, он тоже имеет право – то степень сжатия упадет и автомобиль не поедет, а может мотор вообще работать не будет.

Табу – это ограничители энергии в двигателе человечества, которые в суммарном результате и общем историческом итоге направляют человеческую энергию в созидательное русло.

Сегодняшние снятия табу – отчасти причина, а отчасти следствие, а отчасти свидетельство, а отчасти аспект – взаимосвязь тут сложная, всякая бывает, одно с другим сопрягается и взаимопроникает, взаимообуславливает, – аспект упадка цивилизации.

Интеллигенция и ее уход

Эта частность вообще не заслуживала бы рассмотрения, но уж больно много вокруг интеллигенции сейчас разговоров – притом, что до сих пор никто не в силах оказался определить, что же это, собственно, такое. Сходятся лишь на том, что это явление свойственно именно и только России, и что в самом конце XX века оно, похоже, кончается.

Кого же мы имеем в виду под интеллигентом? Сейчас мы выделим все черты и отличия, а затем резюмируем результат.

1. Это человек со сравнительно высшем образованием. Образованный человек.
2. Это человек более или менее интеллектуального труда.

Но этого мало. Интеллектуалы были всегда во всех странах. Русский же интеллигент отчаянно питит о своей исключительности в мировой практике, да и интеллектуалы других стран это подтверждают. И само понятие «интеллигент» есть только в русском языке.

Чем же просто интеллектуал отличается от пана интеллигента? И вообще когда и как это понятие возникло?

Иногда первым интеллигентом называют Радищева, который был в жизни неплохо устроен в конце XVIII века при Екатерине, и пострадал за свое антиправительственное сочинение «Путешествие из Петербурга в Москву», где возопил о страданиях крестьянства, т. е. «простого народа», при законах проклятого царизма. Сам он, значит, «простым народом» не был. Он имел средства и не бедствовал. Но он имел совесть и сострадал.

Черт возьми, почему Гай и Тиберий Гракхи, которые сострадали бедному люду и жизнь отдали за улучшение его положения, не были никогда названы интеллигентами? Разберемся и в этом.

В XIX веке, когда оформилось понятие «интеллигенции», общество было устроено так: был царь, дворянство, духовенство, чиновничество, армия, промышленники, купцы, торговцы, ремесленники, увеличивающийся пролетариат, свободные крестьяне, крепостные крестьяне (до 1861 г.). Так. Еще кто?

А еще были работники интеллектуального труда, количество которых стремительно росло, и значение их труда тоже росло. Это учителя, врачи, адвокаты, университетская профессура, а также растущее количество инженеров и вообще «синих воротничков», образованных служивых технарей. Плюс бухгалтеры, счетоводы, землемеры.

Кто же в эти профессии шел? Обедневшее и деклассировавшее дворянство. Дети мелкого торгово-промышленного люда (дети богатых семей шли в более крупную, значительную и денежную карьеру – золотом ворочать, дома строить и т. п.). Ну, и дети представителей тех же профессий – по стопам отцов, так сказать.

Теперь соотнесем с табелью о рангах. А она примерно названа полустраницей выше. Куда шел человек, распираемый энергией и честолюбием? Шел он во врачи или учителя? Э, нет. Он мог сделать карьеру в армии, поступив в юнкерское училище или записавшись юнкером прямо в полк, прогнаться перед начальством и рваться к подвигам, первый офицерский чин давал ему личное дворянство, чин майора уже позволял передавать дворянство детям. Суворов, Аракчеев, Нахимов, Ушаков, – эти громкие и славные в русской военной истории фамилии принадлежат выходцам из разночинцев, в общем, т. е. бедных людей, имевших минимальные средства и возможности, чтоб сунуться наверх с нулевого уровня.

Он мог начать с лакея или швейцара – и стать купцом, ресторатором, миллионером. Миллионер булочник Филиппов был пекарем, миллионер кондитер Ландрин был уличным лоточником.

Он мог сколотить состояние торговлей, а потом, используя свои деньги, пойти по служивой лестнице, в политику, – так всегда делалось в разных странах.

Итого: в эти интеллектуальные профессии, в «средний класс» (!), шли не самые жизнелюбивые и честолобивые люди. Потому что по-настоящему энергичный человек в XIX веке (да и всегда почти) мог выскочить наверх, быть личностью крупной и делами ворочать крупными, мог реализовать свои силы в делах больших.

Что мы имеем? Мы имеем «среднюю» энергетику среднего класса. Престиж класса средний, значение его среднее. В работяги-простолюдины для него идти мелко, скучно, малозначительно. В губернаторы или миллионеры он идти не может или не хочет, по тем или иным причинам – это не его уровень.

А на дворе – век технического прогресса! Капитализм везде обороты набирает, образование и наука становятся производительной силой, значение интеллектуалов растет! А в России – царизм вместо демократии и вообще масса элементов феодального строя. Несоответствие!

Образованный же человек – он повякать любит. Он умный, он мыслит, книжки читает, и по разным вопросам имеет свое мнение. И в этих мнениях – обязательно сколько-то «перпендикулярных», неконформистских, самостоятельных, – он самоутверждается! А вякать не мог. Это в лондонском Гайд-парке свобода слова и газеты без цензуры, а в России цензура и дисциплина. Власть крепка и весьма всеобъемлюща. О!

И русский интеллектуал автоматически становится в интеллектуально-духовную оппозицию власти. Источники его оппозиционности таковы:

- 1). Государственное ограничение свобод;
- 2). Вышесредний уровень интеллекта и образования;
- 3). Невозможность применить свои идеи и чаяния на практике, невозможность активно влиять на судьбы государства;
- 4). Сравнительно высокий материальный уровень, оставляющий время и силы для размышлений и разговоров, – потому что оплата была сравнительно приличная.

Пункт 3 тут главный. И невозможность (вернее, конечно, очень большая трудность, уж кто крайне хотел – умел найти возможность) – невозможность эта была характера как объективного, устройство государства такое, так и субъективного, энергии взлома мало у него было, у интеллигента.

Что мы имеем? Мы имеем невостребованность его возможностей. Наверх ему особо не дернуться, вниз тоже особо не опуститься, не так трудно на своем среднем уровне по инерции грести тихонько. А время, а силы, а мысли есть.

А как самореализовываться? Как самоутверждаться? Как быть значительным в глазах собственных и окружающих? Что делать человеку в, условно говоря, клетке? Если через власть, деньги и крупные действия он по разным причинам не может? В каком аспекте, в какой плоскости он утверждаться может?

В интеллектуальной, в моральной, в духовной.

А). Я понимаю все лучше вас, я знаю больше вас.

Б). Я по-человечески значительнее и лучше вас, гуманнее, духовнее, я живу по морали.

Вспомним: христианство возникло как религия рабов. Ты можешь меня избить, продать, лишить всех благ – но мое достоинство я нахожу в другом, мне ведома высшая истина, и сгинешь ты в грехах своих, а я возвышен Господом через свою истинную веру.

Вот так русская интеллигенция объявила себя солью земли. Интеллект и образование здесь не главные, не отличительные черты, – они лишь база для духовности, для социального положения интеллигента, для скромного достойного достатка, они позволяют читать книги, грамотно выражать свои мысли, анализировать все происходящее.

Посади умника в клетку и заверь, что его советы на фиг никому не нужны – кем он будет? Критиком он будет. Он будет язвительно говорить тебе: вот я в клетке, а ведь ты все делаешь не так, надо иначе, я лучше знаю, и вообще ты дерьмо, ты наживаешь деньги на людских стра-

даниях, заставляешь их работать сверх сил, гонишь на войну, и воюешь-то бездарно, ты же тупой жлоб, а мой друг Вася из соседней клетки – приличный и мыслящий человек.

Онегин – вот первый русский интеллигент!!! Лишний он, что делать не знает! Он пока еще байбак, плэйбой, и деньги из имения есть, – а вот разорится, сносится, постареет – и, если не сохнет, книжки начнет читать, и дети его, критики наслушавшись, в разночинцы пойдут. Это, конечно, шутка, однако не совсем.

Невостребуемая энергия интеллигента идет в критиканство, а вернее – в законное человеческое несогласие с имеющимся положением. Это несогласие имеет два аспекта – интеллектуальный и моральный. Он хочет быть интеллектуальным, и он хочет быть моральным. И в своих мыслях и чувствах он всемогущ!

Как дивно заметил Мелихан, «человек может все, пока он ничего не делает». Как не менее дивно заметил Достоевский, «истинно умный человек вообще ничего не способен делать, ибо всегда предвидит скверную, нежелательную сторону любого своего действия, а без такой стороны никакое действие вовсе невозможно». Как заметил журнал «Крокодил», «стоит посадить обезьяну в клетку, как она воображает себя птицей».

Чем больше человека распирает энергия – тем активнее он действует. Чем активнее он действует – тем больше он не в ладах с моралью, ибо мораль – идеал поведения, а идеалы в жизни всегда видоизменяются при реализации, пачкаются, опускаются и т. д.

Итак, интеллигент – это мыслящий носитель моральных ценностей, утверждающий в теории и на практике примат морали во всех поступках. Дикси. Это – определение. И пусть кто может попробует сформулировать лучше.

Именно здесь зарыта собака, свинья, и куча прочих домашних животных.

Интеллигент отличается от интеллектуала следующим:

1. Он не просто физик-теоретик или инженер. Он – мыслящий по жизни, как сейчас выражаются. Он всегда немножко философ, пусть доморощенный. И не абстрактный философ, он может в философии как таковой ничего вообще не понимать. Он стихийный философ-прикладник, он вечно соображает насчет устройства жизни, сложности и противоречивости человеческих отношений и т. д.

2. Он всегда оппозиционер, критик, более или менее. Ибо мыслящий всегда означает инакомыслящий, ему потребно иметь собственные взгляды, собственную точку зрения на все. Он участвует в переделке мира, в вечном процессе энергопреобразования – своим извечным человеческим несогласием принимать все в мире так, как оно уже устроено. Но участвует в этом не делом, к делу его не подпускают настолько, насколько силы его требуют, а словом, – это тоже аспект необходимый, важный, стадия понимания, стадия переделки мира на уровне высказанного взгляда, мысли, плана, пусть безумного, но все равно – мир должен быть не таким, как есть сейчас, как требует человеческая сущность!

3. Он моралист, и он идеалист. Мораль его гуманна, и идеал гуманен. Он не станет строить счастливое общество, в основании которого лежит детская слезинка. Он никого не пошлет на костер – предпочтет взойти сам. Он предпочтет в идеале самоубийство любому убийству. Он первый пойдет на работу и последний – за стол, и возьмет себе меньший кусок, а больший отдаст другому.

И если мораль противоречит прагматике – он всегда предпочтет прагматике мораль. Он готов проиграть в жизни в плане любых материальных ценностей – сохраняя моральные, и поэтому обычно и проигрывает прагматикам.

И все, что противоречит морали, ему не нравится.

И вот тут таится страшная вещь. Вот тут его ахиллесова пята, слабое место, глиняная нога колосса.

Потому что интеллигент утверждает примат морали над истиной.

Ему не нравится, что солдат должен быть в бою цепным волкодавом, что человечество когда-нибудь погибнет, что часто жестокость может быть побеждена еще большей жестокостью, что с сажей играть – руки замарать, и что чем больше ты хочешь в жизни совершить – тем большее зло явится оборотной стороной каждого совершенного тобой добра. Ему не нравится, что выигрывая в силе – неизбежно проигрываешь в расстоянии, фигурально выражаясь. Ему не нравится диалектика. Ему не нравится все, что не по морали, и он старается отрицать все, что не по морали, насколько он может это отрицать.

В идеале он стремится быть монахом, по сути – лучше буддийским монахом. Надеюсь, это понятно, речь о векторе стремления.

Поэтому он не может быть военачальником, руководителем, политиком, строго говоря, если быть последовательным, он вообще ничем не может быть, если вы вспомните того же Достоевского двумя страницами ранее.

И вот этот примат морали над истиной я не приемлю.

Поэтому, очевидно, я не интеллигент.

Хотя в жизни, конечно, любой интеллигент идет на компромиссы, определяя для себя границы этих компромиссов – либо просто не задумываясь над ними.

...А теперь обратимся к советской интеллигенции. Уже тем, что она честно работала на это государство с его преступной политикой с преступной КПСС во главе, она соучаствовала в преступлении. Уже этим была безнравственна. Но всячески договаривалась со своим подсознанием и своей совестью: в милиции служить нехорошо, а в армии нормально. Писать доносы нехорошо, а в мерзкие лживые газеты – ну что ж, допустимо.

Конечно, были диссиденты.

Но уже тем, что они ели хлеб, выращенный рабским подневольным трудом государственных рабов, крепостных, колхозных крестьян, – они принимали «сучий кусок», как выражались воры в законе – кусок из рук преступной власти.

Увы, нет идеала на Земле. Повторим еще раз вслед за де Картом (которого русские корректоры упрямо желают писать по традиции «Декарт» в одно слово – наследие борьбы с мировыми эксплуататорскими классами) – давайте повторим: «Давайте же честно и добросовестно мыслить – в этом и заключается высшая нравственность». Если уж вам так дорога нравственность.

Повторим: неостребованность интеллектуальных и моральных сил образованной части общества, неостребованность большей части его энергии – вот что было основой советской интеллигенции.

...И вот клетки открыты и сломаны: обезьяны направо, птицы налево. И обнаружилась естественная и кошмарная вещь – что птиц мало, а обезьян много. Да и то: рассуждать легче, чем делать. И добродетельным быть несложно, если порочность свою проявить все равно невозможно. По клеточкам сидели, братцы, вся жизнь разграфлена, как лист в тетрадке по арифметике.

Воля!!!

И всю свою энергию можно прикладывать куда угодно, и еще свободные места для ее приложения останутся, такое время – реформы, понимаешь.

И энергия, ушедшая в морализаторство и анализ окружающего, у одних ринулась в полезное русло: политика! бизнес! управление! строительство! книгоиздание! путешествовать, богатеть, все переделать, познать, перечувствовать! Таких – меньшинство.

Большинство жестокой конкуренции нынешней эпохи не потянуло. Вписаться и приспособиться не смогло. Бедствует.

Но и не это главное. Запреты рухнули, вот в чем кошмар. Журналисты говорят абсолютно всё. Книги издаются абсолютно все. Говорить на кухнях стало не о чем...

И не с кем. Все делом заняты, деньги зарабатывают, свое дело делают, всю энергию прикладывают, устают.

И незачем. Ибо то, что было ясно только интеллигенции – теперь и так все из телека знают.

А то, чего не знают или не понимают журналисты, интеллигент сам тоже не понимает. Это он советских газет был умнее, что несложно было при потоке бредовой лжи. А нормального журналиста он отнюдь не умнее. Был бы умнее – сам бы стал телезвездой ток-шоу.

И церковь православная с христианской моралью прямо-таки на глазах пытается замещать Моральный Кодекс строителя коммунизма, от которого тошнило со всех стен.

Мы вынуждены констатировать, что для русской интеллигенции сегодня исчезла база.

Ум, образованность и мораль больше не являются особенностью, или принадлежностью, или прерогативой какой-то более или менее определенной или аморфной социальной прослойки.

Есть интеллектуалы и неинтеллектуалы.

Есть люди хорошие и честные, и есть плохие и нечестные.

Жестокий профессионализм современного общества разобрал агнцев и козлищ по породам и сортам: на шерсть, на мясо, на молоко, на племя.

Как невозможность дела была причиной задумываться, причиной трындежа, причиной внутреннего протеста – так возможность дела стала причиной любого действия либо бездействия с любыми оправданиями.

Склоним знамена. Или плюнем через плечо. Кому как больше нравится.

Отсюда и в вечность

Продолжительность жизни

Часто приходится слышать или читать: «Жизнь слишком коротка», «Человек создан так, чтобы жить сто двадцать лет», «В будущем человек будет жить дольше, свой настоящий век» и прочие благоглупости. Означают они только одно: человек обычно хочет жить и не хочет умирать.

Почему – «сто двадцать лет»? Почему не четыреста восемьдесят? Речь не о неких абстрактных цифрах. Речь о продлении конкретного срока. Если взять средние семьдесят лет или условно-предельные девяносто, то мечтают о прибавке семидесяти или тридцати процентов. Плюс сто процентов выглядят уже даже теоретическим пределом.

Если бы люди жили в норме двадцать или двести лет, процент желаемой прибавки был бы тот же. Просто исходят из имеющегося. Что есть – то и мало.

Вопрос о бессмертии рассматривать, разумеется, незачем – это из области метафор. Солнце не вечно, а человек вечен, как же.

В Библии сообщено, что первые люди жили по девятьсот лет – вот, мол. Если взять поправку на поколения трепетных переписчиков, и считать срок лунными месяцами вместо солнечных лет, как и делали в древности большинство народов, то у нас получится как раз семьдесят пять лет, что и выглядит вполне соответствующим действительности.

Тут еще стали пропагандировать идею, что человек умирает обычно не от старости вообще, а от конкретных болезней – кардио, онко и др. Искоренить болезни, научиться с ними бороться – и лет до девяноста пяти протянем все.

Предположим, что мы искореним всех вредных микробов и станем вести до крайности здоровый и рациональный образ жизни. А стрессы? – Никогда не волноваться и не перенапрягаться. Мирно, спокойно, умеренно и регулярно.

А страсти?! А всепоглощающие идеи?! А жажда свершений и приключений?! А врожденная потребность в сильных ощущениях, которые сокращают жизнь, ох сокращают!

Если бы человек как таковой мог поставить во главу угла продление своей жизни, а не максимальные ощущения и максимальные действия, мы имели бы другую историю, а правильное сказать – никакой бы не имели. Инфаркт – расплата за свершения, хотя жрать, конечно, можно меньше.

Регенерация, обновление клеток – вот основной механизм продолжительности жизни. Количество обновлений, количество внутренней работы организма за всю жизнь, направленной на поддержание и продолжение деятельности – величина довольно постоянная, запрограммированная генетически.

Организм, подобно двигателю внутреннего сгорания, имеет свой ресурс. Вот он может совершить столько-то оборотов в таком режиме, столько-то в эдаком, это минимальные обороты, это максимальные, это – оптимальный режим. Если двигатель сделан хорошо и используется в оптимальном режиме, износ частей будет равномерный, и в конце концов они сносятся, затлепаются и перестанут работать – тихо и постепенно. Ремонтировать уже нечего, вези на свалку.

А горы? А грязь? А виражи? Идеальных дорог в жизни не бывает.

Что рекомендует наука? Фрукты-овощи-вода, легкий голод, легкое регулярное движение, ноу проблем и лучше без половых сношений.

Пищеварение изнашивает очистительные и выделительные системы, нервные напряжения изнашивают центральный координирующий аппарат, физические нагрузки изнашивают

сердце и сосуды, секс изнашивает репродуктивную систему, нервы и сосуды. Все, что сверх минимума, необходимого для поддержки жизнедеятельности организма – укорачивает срок жизнедеятельности.

Что такое рак в пожилом возрасте? Организм выкидывал дефективные клетки вон, выкидывал, определял и выкидывал, а новые и нормальные делал, делал, – и утомился, устал. Много уже поработал в жизни, больше не может. Дефективные-то клетки, примитивные и жадные уродцы, растут быстрее и легче хороших, различать их и разрушать, выбрасывать, – дополнительный труд. А трудиться так, как раньше, сил больше у организма нет: ресурс его кончился, свою норму работы по этой части он уже выполнил.

Организм что соображает? Столько-то пищи он уже переварил, столько-то груза перетащил, столько-то сношений произвел, столько-то нервных клеток потратил. Закуривай, приехали.

Вот добротный йог, находящийся в состоянии, близком к анабиозу, и может жить черт-те сколько, чуть ли не веками. Он же не только не жрет и не трахается – он уже почти не дышит, все процессы в организме страшно замедлены.

Противоречие в следующем.

Организм за свою жизнь способен «перекачать», преобразовать определенное количество энергии – будь то в аспекте психическом, физическом, сексуальном или любом другом. Есть оптимальный режим для длительной работы – а есть предельные нагрузки, сокращающие срок.

Так вот потребность организма в ощущениях и действиях не совпадает с оптимальным режимом его эксплуатации. Человек создан не для того, чтобы предельно долго существовать как биологический индивидуум, а для того, чтобы следствие его существования в мире было как можно значительнее. Перерабатываемая им энергия идет на изменение мира.

И создан организм, для производства этих изменений, с запасом. Понять, сделать, организовать, продвинуть! Без резерва возможностей куда дернешься, как устоишь. Да у любого живого существа есть резерв, запас прочности; просто у человека он гораздо больше. Без резерва и невозможно. Чуть что – как устоишь.

Мы будем продолжать совершенствоваться в косметическом и капитальном ремонте организма. Но в общем срок человека на земле пребудет неизменным.

Конечно: антибиотики, прививки, вставные зубы и пересаженные сердца. – Подтягиваем к верхнему сроку, латаем прохудившиеся места. Но характер, суть, количество преобразуемой через человека энергии остаются те же.

Ведь все животные проживают срок, соизмеримый и весьма сходный с человеческим. Вот так устроена клетка, такова структура ее организации в организм, таков энергопотенциал биологического устройства.

Медленно тянется, но быстро проходит.

Объективно середина жизни – это лет тридцать пять. Но мы-то свою жизнь воспринимаем субъективно. Все главные события в жизни обычно происходят до тридцати. И воспринимаем, переживаем мы все в молодости сильнее, полнее, богаче. День юноши и день старца отнюдь не равновелики в восприятии, даже если были с объективной точки зрения равно насыщены событиями.

После тридцати годы летят, и чем дальше – тем быстрее и незаметнее. В двадцать лет – год огромен, в шестьдесят – вроде как всего несколько месяцев двадцатилетнего.

Год двадцатилетнего – одна двадцатая жизни. Год семидесятилетнего – одна семидесятая.

И середина жизни по своему «внутреннему самоизмерению» приходится лет так на двадцать пять. Невредно понимать и помнить, что в двадцать пять – полжизни прожито.

Понятно, что смена образа жизни, смена стереотипа, обстановки, занятия, места, окружения – делают жизнь больше, субъективно длиннее.

Избранники богов умирают рано. Мало кто из великих, даже не нарвавшись на нож или пулю, не глуша себя стимуляторами, дотянул до шестидесяти. Слишком большие напряжения. В интенсивности выработали себя.

Но и сама смена стереотипа изнашивает организм и сокращает срок жизни. Любые изменения внутренних режимов организма – это переналадка за счет невозобновимого ресурса. Освежение остроты ощущений – перерасход нервной энергии.

Богатая жизнь и длинная жизнь – вещи разные, и по самой природе своей человек выбирает первое.

Детство

Человек обычно помнит себя более или менее связно лет с пяти. А вообще он помнит себя паршиво: меняясь со временем, погружен в настоящее.

Даже талантливые педагоги, декларируя, что дети – такие же люди, как взрослые, и строя отношения на принципах равенства и уважения, все же относятся к этим истинам умозрительно. Влезть в шкуру другого, ощутить мир его глазами – вообще трудно.

А ребенок имеет весь комплекс мироотношения такой же, как взрослый. И ценности у него те же. Просто вывески на них другие.

В первые же годы сознательной жизни (четыре-восемь лет) ребенок переживает весь круг человеческих проблем.

Познавая мир в вопросах «как?» и «почему?», он задумывается над устройством мироздания и ежится от крошечности своего места и роли в нем. И начинает, «играя», обсуждать с другом-сверстником проблему типа: «А может, все мы просто живем у великана в банке».

Он холодеет в ужасе от непостижимой пустоты неизбежной смерти.

Этого взрослые, как правило, не знают (не помнят).

Он сексуально тяготеет к противоположному полу. Взрослые это обычно глупо и лицемерно называют «испорченностью» и «нездоровым любопытством». Во-первых, любопытство не бывает нездоровым, это тяга к познанию, знать – в природе человека. Во-вторых, что естественно, то не испорчено, а познание естественно и в мотивации не нуждается – оно есть аспект инстинкта жизни человека как такового. В-третьих, объективно существует детская эрекция и детский онанизм: влечение приходит раньше половой зрелости (чувство, преобладание чувства заложено в человеке! размножаемся мы ведь не из чувства долга или во исполнение разумного плана, а повинуюсь ощущениям!).

Ребенок самоутверждается среди сверстников как личными качествами (сильный, храбрый), так и социальным статусом (интересные игрушки, хорошо – в соответствии с представлениями окружения – одет, привозят на дорогой машине), и принадлежностью к клану (семье) – (мы богаче, мой папа самый сильный, мой старший друг изобьет всю твою компанию).

Когда ребенок скандалит и капризничает в семье – он тоже самоутверждается. Он зависим от старших во всем – но не может же он никак не заявлять значимости своего я! с ним тоже должны считаться!

Можно, конечно, придавить, – и вырастет с поломанным характером и безынициативный. Можно, в соответствии с нынешним американизмом, дать независимость по Споку, одновременно оградив от него собственную независимость, и вырастет внутренне одинокий человек, а по душам он станет потом разговаривать за деньги с психоаналитиком.

Главное что. «Капризы» ребенка – это обычно сильные, страстные желания взрослого человека, просто направлены они на вещи, которые взрослому (в силу ограниченности или эгоизма взрослого) представляются незначительными. Но других-то вещей у ребенка нет! А все чувства и потребности внутренние есть! Так какая разница, в чем причина горя – суп жидок или жемчуг мелок.

Заставить рыдающую девочку одеться на день рождения к подруге не так, как она хочет, а так, как считает лучше мать (часто из самолюбия перед знакомыми) – все равно что эту мать отправить на пляж в вечернем платье или в театр в рабочем комбинезоне, короче, насильно одеть так, что ей будет казаться, что она выглядит нелепо, в нелюбимые и не идущие ей вещи, и все смотрят на нее как на идиотку.

Существует блюдо, от которого вас тошнит? Ешьте до конца, улыбайтесь и благодарите. Причем не в гостях, а в собственном доме. А сблюете – накажут. Вот таково приходится ребенку, которому дают то, чего он не любит.

И травма от этих детских горестей, этой безысходной несправедливости, остается на всю жизнь! И в подсознании осядет, и вам еще так или иначе аукнется, будьте спокойны.

Прежде чем в конфликте настаивать на своем – взвесьте, одинаковое ли значение это имеет для вас и для ребенка. Для него не пойти к друзьям – все равно что всем коллегам дадут медали и пригласят на банкет, а вас обойдут. Недельная депрессия и вечная обида.

При этом – при этом вот какая вещь... Как и взрослые, дети больше любят тех, кто – по справедливости – наказывает. Не спокойно и взвешенно, а в сердцах, пусть сгоряча, но из глубокого, несдержимого равнодушия к ним, к их поступкам. Нельзя вовсе без скандалов, обид, слез и примирений – главное чтоб конец был хороший и справедливый. Любви без эмоций не бывает. Сплошное балование и благодушие всегда воспринимается как некоторый оттенок слабости и равнодушия, а от родителей ожидается совсем не это.

Потребность в лидере, в надежности, защищенности и обязательно силе, даже если порой эта сила направлена на тебя – есть неотъемлемая часть любви к родителям.

Потребность в наказаниях и ограничениях тоже существует – это исконная человеческая потребность в отрицательных эмоциях. Если дети никогда не плачут – это не есть показатель правильных отношений. Есть потребность плакать! – и должен быть найден повод к ней! Так пусть это будет правильный, благой повод.

Молодость

Молодость – это много чувств и мало опыта; из чего все и следует.

С полным созреванием организма жизненная энергия достигает максимума.

К 20 годам жажда переживаний и действий разрывает человека.

Я лично в 20 лет мечтал завербоваться в Иностраннный легион и отправиться воевать куда угодно за что угодно. Но такой возможности в СССР не было, поэтому я шлялся по полуди-ким окраинам империи, хватаясь за экзотические и трудные, порой опасные, занятия вроде профессиональной охоты в Арктике или ковбойства в алтайских горах.

Тезис о счастливости молодости выдвинут людьми пожилыми, и не от большого ума (но это уже будет к разговору о старости). В молодости больше и счастья, и горя.

Известно и понятно, что:

озорство, хулиганство, задиристость, драчливость молодости – проистекают из необходимости приложить куда-то кипящую энергию. Это нормально. Друзья романтического Ромео вспоминают, как задели, вызвали на дуэль и прикололи прохожего просто от нечего делать, для развлечения. Шалопай – это молодой человек, и ему многое простительно. Сорокалетний шалопай – это идиот и мелкий хулиган, он несимпатичен, его поведение неуместно;

юноша ищет свою судьбу, свое место в мире, хочет путешествовать и познать все. Младший сын садится на коня и ищет долю в дали, сражается с тиранами и драконами, женится на принцессе и занимает вакантный трон. Совершает максимум того, на что способен;

надо вовремя перебеситься. Немецкий студент гордился шрамами от дуэлей, нажирался водкой и пивом, дрался со стражниками и соблазнял девиц. В тридцать лет ему полагалось жениться, найти себе достойное занятие и остепениться в качестве полезного и уважаемого члена общества. Энергия сброшена, удовольствия получены, опыт приобретен, пора работать, теперь наступит черед твоих детей.

«Надо повеселиться в молодости, как черт, чтобы в старости работать, как дьявол», – сообщил Вольтер (разница между чертом и дьяволом в этой формуле мне всегда была не совсем ясна). Седой и великий Чарльз Дарвин отвечал журналисту: «В студенческие годы в Кембридже я входил в компанию молодых людей, с которыми мы проводили время в пирушках, карточных играх и развлечениях. Казалось бы, сейчас, на склоне дней, я должен сокрушаться об этом столь драгоценном, совершенно бесполезно потраченном, утерянном для работы, для науки, времени. Но друзья мои были такие милые юноши, нам было так весело вместе, что и поныне я вспоминаю это время с наибольшим удовольствием».

В молодости чувства острее, вот и счастье с горем, – понятно. В молодости делаются главные дела – создание семьи, завоевание своего места для начала пути, – понятно.

Но почему молодость великодушнее, благороднее, щедрее старости? Почему более склонна к идеалам? Почему чаще совершает самоубийство?

«Глупость молодости» придумана глупой старостью. Все великие открытия в теоретических науках делались молодыми людьми; спросите у физиков, они вам расскажут, все гениальные идеи приходят в голову до тридцати, а после – инерция. Старые шахматисты не тянут против молодых. Память лучше, соображение быстрее и богаче, и тесты это отлично иллюстрируют.

///зрелость – это замена идеальных величин реальными///

Потому что молодость в основном, не набравшись опыта, имеет дело не с реальными величинами, а с идеальными.

«Ничто в жизни не бывает ни так хорошо, ни так плохо, как люди обычно себе воображают», – писал Флобер молодому Мопассану.

Рисуя в вожделеющем воображении любовь, карьеру, дальнюю страну – и впервые познав это реально, молодость обычно, кроме прочих чувств, испытывает некоторое разочарование: «Как, и это все?..»

Как только идея обретает реальность, она неизбежно несколько «портится» – в чем-то недотягивает, в чем-то изменяется, в чем-то приобретает неожиданные черты или детали. Или кожа недостаточно гладкая, или аудитория недостаточно просторная и сияющая, или слава оказывается обыденной суетой, трудом и грызней.

///перебеситься – значит избавиться от соблазнов, последовав им///

(человеку свойственно стремиться самому познать, каково то или это. Умозрительная информация, полученная через кого-то, здесь мало что дает. Познать надо ощущения, т. е. пережить самому.)

Все это потому, что у молодости есть больше нервных клеток, и работают они мощнее. Сильнее инстинкт жизни – сильнее стремление к самоутверждению! Благодетельство, щедрость, великодушные – расписка в своем внутреннем превосходстве.

Самой дорогой монетой – отказом от внешних благ ради внутреннего ощущения своей значимости – платит молодость за осознание своего превосходства в какой-то ситуации.

Как справедливо заметил умный Бальзак: «До 30 лет некоторым людям еще можно верить; но после 30 верить нельзя уже никому».

(Крушение старости – это частность. Ничего принципиально нового. Так создан мир. Да многое уже и прожито. Да не так уж все и было идеально.

Крушение молодости – это крушение мира. Крушение Вселенной. Мало того, что рушится вся жизнь – многомного счастливых лет впереди, наполненных познанием, ощущением, всеми теми деталями, которые и есть жизнь; это подобно «принципу домино», рушится не одна костяшка, а весь длинный ряд их – поездки, новые квартиры, покупка вещей и мебели, премии, праздники, рождение и выращивание детей и внуков, походы в театры и кино, – рушится вся длинная линия судьбы. И все это было идеально хорошо. И все это было еще не познано, не прожито, не совершено!!! Вот что такое облом молодости. А вы говорите – счастливый возраст...)

Ощущение и сознание своих сил, возможностей, времени впереди позволяют молодости быть благородной и великодушной – «я еще все успею сделать себе, наверстать, иметь».

И кроме того, молодость более самодостаточна, чем старость. Веселье, беспечность, привлекательность, общительность делают нужными для нее меньше вещей, чем нужно старости. Друзья уважают, девушки любят, о здоровье и не думаешь, сам себе нравишься, возможности впереди и выпить можно – чего еще. От богатства бытия своего молодость щедр.

Кроме того. Человек редко доволен своим положением. И редко полностью доволен собой. Но старец себя уже знает и с собой свыкся, примирился. А юноша нет.

А в воспитании всегда присутствует какой-то идеал. И юноша куда более стремится к этому идеалу, чем старец. Он более переделыватель мира, чем старец. И внутренне он самоутверждается через приближение себя к идеалу, он являет сам себе, что он значителен.

Он обычно ведь думает о людях лучше, чем они на самом деле. И даже не потому, что сам очень хорош. Он часто полагает других лучше себя! Они ведь в его глазах ничем не проявили себя с плохой, недостойной стороны (конкретные люди, пока). (пусть даже просто случая не было – в том и особенность молодости, что мало еще было случаев увидеть людей в разных ситуациях – еще не съеден с другом пуд соли).

Он более соотносится с идеалом поведения – потому что избыток энергии определяет для него большую значимость идеала, чем для человека вялого: он более в состоянии стремиться к чему-то, а идеал – как раз ориентир стремления.

Он более самолюбив, для него больше значит публичное поражение, публичное свидетельство его несостоятельности: самоутверждение!

Почему так силен и всеобщей пресловутый подростково-юношеский **конформизм** – одеваться как все, разговаривать, вести себя, проявлять и культивировать те качества, которые ценятся в его среде, группе, команде? Взрослые кривятся: вы инкубаторские, никакой индивидуальности, и т. п. Глупости!

Во-первых, относительно сверстников оценивает свою значимость молодой – а ценности и условные критерии задает не он.

Во-вторых, самый сильный или богатый и так утверждён. А слабый, некрасивый, бедный? Он утверждается через свою принадлежность к стае, утверждается в силе через то, что лишь часть ее большой силы – и старательнее других блюдет ее законы: моду, словечки, обычай; он рьян и ревностен в этом. «Шестерка», шелупонь, но по всем приметам – такой же крутой, как вожак, имеет право на защиту своих, на страх врагов.

В-третьих, идеалы общества вообще – размыты и весьма абстрактны, да и видишь постоянно, как сами взрослые носители и насаждатели этих идеалов их не соблюдают. А идеалы своей стаи – просты и конкретны! А без идеалов – никак: идеал – это то, что нужно внутренней энергии, чтоб переделывать, это свидетельство того, что нет равновесия, нет неживого покоя между тем, что есть – и тем что должно быть.

В-четвертых, молодежная мода противопоставляет себя взрослой: мы – есть! другие, значительные, заметные, и делаем не то, что уже сделали вы.

У молодости есть еще одна характернейшая особенность. Много, что она видела, испытала, знает, она не понимает. Картины конкретной несправедливости, скажем, не складываются в картину общей несправедливости страны или системы: молодость обычно полагает, что в целом все неплохо, если ее так учили. Молодость может совершить жестокий и несправедливый поступок, не отдавая себе отчета в сути своих действий: высмеять кого-то, сурово решить чью-то судьбу, и вообще рубить сплеча.

Если эгоизм зрелости сознателен, зрелость обычно отдает себе отчет в своих поступках, то эгоизм молодости часто бессознателен: она уверена в своей правоте просто потому, что ей некогда задумываться. Потребно скорей лететь дальше и познавать все.

Жадная до прямых ощущений молодость из нескольких решений обычно принимает то, которое позволяет ей более самоутвердиться непосредственно здесь и сейчас, через само принятие вот такого именно решения. (Отсюда благородство, болезненное самолюбие, обостренная соревновательность.) Не потому, что хочет сделать себе лучше, а кому-то хуже – а потому, что именно вот такое решение позволяет ей сейчас чувствовать себя человеком, значительной по сравнению с другими личностью.

Не-ет, молодость не бездумна, она постоянно занята самоанализом – и ее ощущения настолько сильны и многочисленны, что чуть не полностью занимают ее сознание, и другие люди ей уже менее интересны, и потому менее понятны. И то сказать – созревающий или только что созревший человек познает себя, разбирается в себе, своих реакциях, своих чувствах и сознании, – и только потом все больше начинает разбираться в окружающем мире, в других людях.

Молодость неизбежно субъективнее зрелости или старости. Именно поэтому со своим мощным и свежим интеллектом, созревшим полностью к шестнадцати годам, она может совершать гениальные вещи в точных науках или искусстве в двадцать с небольшим лет, как только наберется какая-то необходимая информация и станет возможной постановка задачи, – но быть девственно глупой в понимании важнейших жизненных проблем. Это называется: «Жизни ты еще не знаешь...»

Споря с тем порядком вещей, который навязан ей старшим поколением, она спорит по частностям, – но в целом картина мира, вложенная в нее при воспитании и образовании в детстве и ранней юности, остается прежней: для самостоятельного пересмотра не было еще времени, нет знаний, а главное – нет еще возможности к анализу окружающей жизни: она занята

анализом своего сугубо внутреннего «я», а надо еще скорее выпить, покурлесить, купить модную тряпку и потанцевать.

Если молодость даже бунтует «против всего», бунт ее все равно базируется на вложенных с детства вещах: счастье, справедливость, удалство – т. е. ей может категорически не нравиться этот мир, но она придерживается одной из трафаретных, заемных, готовых схем его устройства.

Озорство и безоглядность молодости – это примат ощущения над анализом.

Романтика

Романтика – это вариант желания жить не так, как ты живешь. По сути – это аспект сенсорного голода, потребность в новых и более сильных ощущениях, которые всегда сильнее в молодости. Что безусловно полагается достижимым через внешние впечатления и собственные поступки.

Романтика – это не здесь и не так. Обычно это – далеко, непривычно, ново, очень часто – трудно и рискованно, опасно. Это преодоление трудностей и испытание себя в них.

Романтика – это стремление к свободе, осуществление свободного выбора.

Романтика – до крайности показательный случай того, что все дело не в вещах, а в нашем отношении к ним. Для благополучного горожанина в столице жизнь лесоруба в далекой тайге весьма романтична. Да еще если палатка, костер и так далее. Для профессионального лесоруба же, который вынужденно довольствуется палаткой вместо дома и костром вместо газовой плиты, ничего романтического в этом нет, есть только привычные и обыденные неудобства. Работа трудная, комары жрут, развлечений никаких, стирка и готовка – трудоемки. Постоянный груз житейских проблем. А главное – все кругом всю жизнь так живут, нормальной жизнью, и другой не знают. И сказочной романтикой ему представляется жизнь в большом далеком городе, где он никогда не был: огни, бары, метро, чистота и люди со всего мира.

А пальмы, а берег южного океана?.. о!.. Влажная духота, царапины гниют, москиты как шилами тычут. И та же жизнь, как везде, те же проблемы, грязь, труд, деньги, болезни, склоки.

Романтика папуасов и эскимосов – жизнь друг друга.

Там хорошо, где нас нет. А если где есть, то это ненадолго: попервоначалу, пока не обвыклись, пока экзотика в новинку и в охотку, свежие впечатления захватывают и достижение мечты сердце греет.

Уж верх романтики – белый парусный корабль в синей дали. Ну, влазь на борт, ступай в кубрик. Черт... Паруса вообще-то не совсем белые, они серовато-желтоватые, грубая вылинявшая холстина. Смолой и дегтем пахнет. В кубрике темновато и тесно, пахнет несвежим бельем и потным телом. Все отсырело, преет, просушки требует. Краска облуплена, под ватерлинией осклизлые водоросли выросли, тянутся. Теснота, жратва однообразная, народ хамоват, офицеры звери, отношения напряженные, несправедливые, устают все сильно. Тяжелая жизнь, и все как везде.

Романтика – жажда иной, лучшей доли. Там – это как бы антиздесь: все, что здесь не устраивает, там воображается не таким.

Но понимание этого ничего не меняет. Все равно хочется.

Почему?

Романтика – это идеал существования: борьба, свершения, открытия, приключения. А наличие идеала означает, что человек не удовлетворен нынешним существованием, что есть разрыв между тем, что он есть и имеет – и тем, что он хотел бы мочь. Это следствие и свидетельство избытка сил и возможностей. Это энергетический потенциал человека.

Маяк возникает только там, где есть импульс к движению.

Отсутствие романтики в молодости говорит только о незначительности личности. Вялости, неэнергичности, лени, низкой потенции. О малой жажде жизни, о неинтересности. Здоровое благоразумие молодости – это природное убожество.

Если умелый, сильный, предприимчивый человек в юности мечтает только о личном благополучии, делает деньги, покупает машину, строит дом и основывает банк, а мечтатель-романтик остается в результате у разбитого корыта – это не означает преимущества первого. Кто-то первым кидает мысль, намечает направление, глупо прет в неведомую даль, надеется сначала и плачет потом – и мостит собою дорогу к тому, чего раньше не было. Он наивен и нерасчетлив,

но ловит несравненный кайф, ставя на карту свою жизнь в вере на огромный выигрыш! Вот с романтиков и авантюристов любое движение и начинается. Это аристократы духа.

Но чаще отчаянные романтики в свой срок становятся отчаянными прагматиками и, направляя энергию в деловое русло, оставляют позади тех, кто раньше начал.

Зрелость

Возраст с 30 до 45 лет. Уже все знаешь, еще все можешь и всего хочешь.

Если в наше время низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни пятидесятилетнего человека могут назвать «находящимся в расцвете сил» – это смесь комплимента, утешения, лицемерия и глупости.

Врачи и спортсмены знают, что после 30 замедляется нервная реакция, уменьшается скорость сокращения и выносливость мышц, понижаются обменные процессы. Спортивные результаты и медицинские приборы – объективные показатели.

Конечно, Горди Хоу до 50 играл в хоккей, а Бобби Чарльтон – в футбол, и это по классу чемпионов, а Джо Фрэйзер в 37 отыграл титул чемпиона мира по боксу в тяжелом весе, но эти исключения – за счет профессионализма, опыта, техники, режима постоянной тренировки, которыми компенсировалось снижение силы и быстроты.

После 45 начинает уменьшаться рост за счет межпозвоночных хрящей, ослабевают зрение, набирает ход атрофия и перерождение тканей, ослабевают функции органов и т. д. Человеку кажется, что по части мыслить он еще ого-го, но озарений больше нет, и интеллектуальная выносливость уже не та. Шахматисты в этом возрасте знают, что после четырех часов игры пятый час партии в полную силу они уже не тянут, устали.

Вольтер, Гете, Раушенбах и в 80 думали и работали отлично. Но это люди исключительной интеллектуальной потенции, которые тянули за счет огромной пожизненной тренировки и меньшими, короткими дозами, а все вершины взяли до наступления старости.

Шекспир написал все лучшее с 31 до 37 лет – от «Ромео и Джульеты» до «Гамлета». Дюма написал «Трех мушкетеров» в 42. Толстой делал «Войну и мир» с 35 до 40. Шопенгауэр завершил «Мир как воля и представление» в 32. Ницше написал все до 45, Спиноза в 45 умер.

Французскую революцию делали 30-40-летние люди. Наполеон был владыкой Франции и Европы с 30 до 46.

Такие орлы-авантюристы, как Фрэнсис Дрейк или Генри Морган, вскоре после 50 умирали от пневмоний и лихорадок. Все главное было давно сделано. А сопротивляемость организма уменьшается...

Христу было недаром 33, а многим ушедшим гениям – 37. По вершинам...

Почему во многих странах высшие должности разрешено занимать только после 30 или даже 35 лет? А в древнем римском сенате возрастной ценз был определен выше 40? Ну, ясно: опыт, благоразумие, взвешенность.

Что означает: «молодость горяча и опрометчива»? Что до 30 чувственный, витальный элемент преобладает над сугубо рациональным, внешне прагматическим. А когда речь идет о судьбах страны, требуется максимум рассудка при минимуме эмоций – это гарантирует разумность и стабильность.

Состоявший из стариков совет старейшин Спарты обеспечивал неизменную незыблемость державы 700 без малого лет. Думать им было особенно нечего, страна была мала и проста: не поддаваться никаким эмоциям, ничего не менять, строго сохранять имеющееся, как завещал Ликург.

Когда от обычных винтовок перешли к полуавтоматическим и автоматам, понадобилось уменьшить мощность патрона, чтобы отдачей-перезарядкой не разбивало скользящий затвор, а уменьшенной мощности порохового заряда и так хватало для прицельной дальности и убойной силы, это уменьшение с лихвой перекрывалось скорострельностью, если брать эффективность оружия. Хотя результаты одиночной стрельбы из обычной винтовки лучше. Так и возраст...

Соображает зрелость отнюдь не лучше молодости. Знает – больше. Испытала больше. А сила ощущений – меньше, энергетика – ниже. Это позволяет в большем объеме видеть и представлять задачу, предвидеть причины и следствия, и не дергаться по пустякам.

Молодость чаще предпочитает получать ощущения через удовольствия «напрямую» – секс, алкоголь, игры, развлечения, новые впечатления от путешествий. Зрелость, с понижением ощущений, понижением энергетики, как бы «сбрасывает излишек» и скорее предпочитает внешние действия, будь то управление, политика, строительство, создание и обретение материальных благ и т. д. То есть все большая часть ощущений приходит через рациональный аппарат. Радость и горе через сознание своих действий. Потому и полагалась всегда «порой созидания».

Условно говоря, «обструганная» энергия «направляется в полезное русло», и на таком, вполне высоком, уровне работает лет пятнадцать.

Отцы и дети

Не было в истории страны более процветающей, чем Америка в шестидесятых годах XX века. Изобилие: каждой семье дом, пара автомобилей, груды еды и склады одежды, высокие заработки и низкие цены, возможность так или иначе любому получить любое образование и заниматься любым делом, и так далее. Короче, вот он, наступил Золотой Век.

И молодежь, вступая в жизнь, имела перед собой неограниченные возможности.

И что же она – была счастлива и прочувственно благодарила старшее поколение за создание дивной базы для прекрасной жизни? Большая фига!

В шестьдесят восьмом году грянуло во всю силу движение хиппи. Грязные неряшливые юнцы обоих полов не желали учиться, не желали работать, потребляли наркоту, демонстративно совокуплялись на улицах и скверах и заявляли: «Мы в гробу видали ваше общество процветания, ваши лозунги порядочности и добросовестной работы, вашу благополучную семью и ваши вонючие деньги! Подите от нас прочь, мы вас презираем; мы не знаем, может быть, чего мы хотим, но мы не хотим жить так, как вы!» При этом исправно сосали деньги из государства и родителей.

Государство и родители несколько растерялись. «Какая же у вас все-таки позитивная, так сказать, программа?..» – виновато спрашивали они.

– Люди должны быть друг другу братьями, жить надо в любви, производить и потреблять излишние ценности ни к чему, гонка за должностями и престижем бессмысленна, вы делаете людей несчастными, а мы по взаимной склонности совокупляемся с кем хотим, потребляем марихуану и ЛСД для удовольствия, постигаем сущность мира через дзэн-буддизм, братски и бескорыстно помогаем таким же, как мы сами, никому не приносим вреда, никого ничему не заставляем, это и есть правильная и настоящая жизнь, – отвечали великовозрастные дети.

Они рожали коммунальных детей в грязных трущобах и хором их «воспитывали» по своему разумению. Они пытались коммунарами переселиться на сельское лоно и затевали дикие фермы, где могли засеять поле манной крупой, полагая, что из нее вырастет готовая манка на стеблях – такова была наивность.

Психоаналитики пытались найти корни их бунта в сексуальной подавленности в детстве, нормальные люди вздыхали: «И чего им не хватает», а самые простые ругались: «Зажрались! горя не мыкали, не знают, почему хлеб достается».

Американский культ успеха в зарабатывании денег сыграл с Америкой скверную шутку. Брызжащая энергией молодежь не смогла найти достойное, полное применение своим силам. Быть еще одним богачом, директором завода или сенатором, – мало чести и интереса для того, кого удовлетворили бы настоящие трудности, подвиги и открытия. Мир освоен и заселен, все налажено и окультурено, поставлено на поток и приспособлено к зарабатыванию денег: чего интересного-то? Скука и отвращение завладели поколением...

Им надо было что-то делать! Изменять, создавать, задвигать свое собственное! А делать было по большому счету и нечего.

А где ты ничего не можешь утверждать – ты должен отрицать. Где ты ничего не можешь создать – ты должен разрушить. Но ты должен явить себя, свое «я», свою волю и значимость. Вот ребята и выступили. По миру шлялись, кварталы и районы столичных городов оккупировали, испражнялись на газоны и тротуары, затевали драки с полицией и закидывали бутылками с бензином полицейские фургоны и водометы.

Результат? Со временем часть стала обычными гражданами, часть вымерла от наркомании и вообще сгинула, а самая малая часть попыталась сохранить свой образ жизни в тихих уголках мира, живя за счет разнообразных подаяний и мелких приработков. Плодов это искаженное дерево не дало.

Это, пожалуй, самый мощный и массовый образец конфликта поколений в негативном аспекте: «Долой вашу жизнь, долой ваше все, мы будем иначе». Этому поколению перед лицом следующего нечего было в свою очередь отстаивать и передавать, созидательный момент практически отсутствовал.

Но тут, значит, общий уровень богатства общества позволял жить и выпендриваться сотням тысяч бездельников. А уровень образования и информатики позволял хоть как-то теоретически обосновывать свои действия.

А если общество глубоко патриархально и темп материального прогресса столь низок, что на протяжении жизни двух-пяти поколений вообще незаметен, как в Средние века, или у ведущих натуральное хозяйство горских народов? Если уклад неизменен и таковым представляется, дармоеды невозможны, мораль строга, закон прост и жесток?

Тогда протест, отрицание уже имеющегося, носит характер чисто психологический, семейный, родовой. Подросток мыслит свою будущую жизнь в уже имеющихся рамках: он создаст свою семью, будет воспитывать своих детей по обычаю, построит дом, будет пахать свой участок, – а куда денешься, иного ничего нет. Он спорит по мелочам, в которых может и не разбираться, он критически воспринимает старших, их поучения и привычки, он жаждет самостоятельности.

Что мы слышим во все века? Что молодежь хуже, чем раньше. Еще бы. Мы своим умом и трудом плюс наследие предков дошли до того-то и того-то, и по опыту знаем, что лучше и правильнее всего думать и поступать так-то и так-то, это же для нас просто очевидно, а они несогласны! А раз лучше-то по жизни выйти не может, то иначе – значит хуже.

В общем – старшие всегда являют сохраняющее, консервативное начало, а молодые – новаторское, отрицающее и развивающее. И корни этого – не в правильном или неправильном устройстве общества, семьи, государства, не в уме-глупости или добродетели-порочности родителей, а в том, что повышенная энергетика юности требует самореализации, самоутверждения. А во взглядах и действиях это проявляется: я что-то значу, от меня должно что-то зависеть, я что-то должен изменить, благодаря самому моему существованию что-то должно быть не так, как есть, как было бы без меня. Только и всего.

Дай им волю – они тебе наворотят, сто лет не расхлебашь! Пока сами не убедятся, что все в общем было верно, и не начнут делать то же самое.

А не давай – и вырастет со всем согласный тюфяк, который на истины твои не замахнется, пороха не выдумает, и станет благонаравно таскать сучья в пещеру, где вы до сих пор живете всем племенем.

Но это – крайние, так сказать идеальные результаты «чистого опыта». В жизни это повсеместно принимает форму семейных драм разной степени накала и разного калибра летящих слез и искр. А когда непокорный сын, не уступив, грохает дверь и выскакивает в никуда, то остывший, успокоившийся и впавший в элегическую задумчивость об устройстве жизни отец с оттенком мазохистского удовлетворения и уважения произносит: «Характер!.. весь в меня».

Иметь собственную точку зрения и настоять на ней – вот вся суть конфликта. А об чем спич – дело десятое. Не стрижено, а брито! и плевать, кого бреем.

«Конфликт отцов и детей» – обязателен и закономерен, как прорезывание зубов. Дети – продолжение родителей, и детское отрицание – продолжение и развитие родительского утверждения. А поскольку хозяева жизни, родители, в основном занимают позицию утверждения, то детям остается в основном позиция отрицания.

Молодой делает свой шаг вперед. Где перед – черт его знает. Но явно не здесь, не на этом же месте. Шагаем!

Еще одна вещь. Старшие не идеальны, и жизнь их не идеальна. Улучшить!! Молодые судят старших с позиций идеальных возможностей, всех сложностей и трудностей на своей

шкуре они еще не познали: совершенно естественно, что со многим они не согласны и желают сделать иначе.

Своя мода, свой жаргон, свои манеры. И – ниспровержение авторитетов, все истины пробуются на зуб. С замечательно наглой уверенностью молодость замахивается на все.

Так движется история, так развивается человечество. И начинается с того, что ребенок не желает делать то, что ему говорят, упрямый спорщик.

Но это все больше об инициативе детей; так ведь и отцы хороши! Вот делает молодой что-то, что к старшим не относится, сам делает, для себя, по своему разумению. А вот тебе совет, а вот тебе указание. Какое вам дело, оставьте меня в покое! Увы – старшее поколение тоже самоутверждается, ему тоже до всего есть дело, оно тоже хочет, чтоб все делалось по его представлениям. И ломаются копыта дураков по поводу одежды или музыки.

В конкретных отношениях всегда ищется компромисс и взаимопонимание, лад в семье. Но в принципе это ничего не меняет: полное согласие принципиально недостижимо, каждый хлебнет из своей чаши радости и горя. Бывали века родительского диктата, когда супротив пикнуть не смей, ходи по струнке замуж за кого я укажу. В нынешней Америке – противоположность: «автономность» комнаты, максимум свободы, а в восемнадцать – вообще можешь сваливать и жить сам как хочешь. О результате «свободы» говорилось в начале главы, и масса родителей в 68 незабвенном году вздыхала о жестоком зажиме патриархата, видя буквально гибель повзрослевших детей...

Изменение характера с возрастом

Кто ж не знает, что характер с возрастом меняется. А прямее сказать – портится. А почему, собственно?..

По достижении некоего пика зрелости – лет 37—40 – в человеке вдруг начинают нарастать негативные эмоции. Все более он начинает переходить от оптимизма к пессимизму: не то чтобы менялось мировоззрение, но любое событие все больше является поводом для отрицательных эмоций, нежели положительных. То, что в молодости явилось бы поводом для радости и ничего больше – с возрастом может вызывать вздохи и печаль, под разными соусами: поздно произошло, мало платят, недостаточно уважают, и вообще включаются ассоциации на тему: жизнь горька и несправедлива и люди сволочи. Что немало отравляет жизнь себе и окружающим.

Окружающие говорят: да у тебя все хорошо, да ты и сам еще ничего, да чего ты кривишься – ведь произошло хорошее. Да, кисло отвечает убеждаемый, действительно хорошее... но немножко не так, и немножко не тогда, и вообще все это немножко не то. Жизнь может быть той же самой или даже идти на подъем – а вот отношение к жизни меняется, «идет на спад».

Молодости не нужны причины для радости – в том смысле, что радость – ее дежурное состояние, и поводов всегда будет полно. Выспавшийся человек открывает глаза с хорошим настроением. И даже если груз на душе лежит – он еще сначала должен вспомнить, проснувшись, про этот груз, а пока не вспомнит – настроение хорошее.

Старость спит плохо. Она ворочается в постели и припоминает былые несправедливости и обиды. Боже! – вдруг вылезает из памяти то, что казалось давно забытым. Вдруг бешеное раздражение вызывают сущие мелочи давно прошедших лет. А через неделю они сменяются другими древними мелочами. Таки у вас невроз?

Можно сказать про перспективу молодости и близость смерти в старости, силу молодости и слабость старости, про износ нервных клеток, которые не восстанавливаются, – это не ново, но ничего по сути не объясняет.

Правильнее говорить даже не о старости – под старостью обычно представляют седину, немощность, смирение, покой, воспоминания и какой-то уровень стабильности жизни: уже ничего нового не будет, можно на солнышке тихо радоваться бытию. Правильнее говорить о пути с вершины: жизнь вполне продолжается и внешне даже может идти на подъем по «закону эскалатора» в карьере, но силы и личные возможности идут на спад; а это процесс постоянный и непрерывный.

Молодость активна, и активно ее отношение к жизни. Ее желания могут реализовываться в большой мере. Ее жизнь в своей будущей покуда несовершенности и неопределенности огромна и прекрасна. Ее самоутверждение тяготеет к экстенсивности: совершать, изменять, реализовывать. Она рвется вперед и вверх, ища и торя пути, и любое событие склонна рассматривать с точки зрения победы – этапа на пути к главным победам. Поэтому она не мелочна, не злопамятна, не мстительна.

Каждое событие может иметь для нее положительный смысл – даже как приобретение отрицательного опыта, полезного на будущее. Цель высока и далека, жизнь впереди длинная, и смысл событию придает именно разворачивающаяся великость всей системы и структуры настоящих и будущих поступков. Любое событие работает на более общее пространство жизни и усилий.

Старость слабеет. Меньше сил, желаний, возможностей, меньше интереса к жизни. А жить надо! Хочется. Инстинкт, потребность. По-прежнему необходимо самореализовываться и самоутверждаться в максимально возможной степени.

А теперь припомним, что нормальное соотношение потерь наступающих и обороняющихся – три к одному. Обороняющемуся легче, он врывается в укрепленную заранее местность, и тем как бы равен по силе действия (противодействия) трем наступающим.

Отсюда консерватизм старости. Не могу уже открыть новое – но тебе, щенку-новооткрывателю, еще могу свернуть шею. Как бы по индивидуальной силе, по величине отдельно взятого поступка – я еще значительнее тебя. Нет, это, конечно, не рассудочное стремление – это инстинктивное, безусловное стремление индивида делать тот максимум, который он может. Ведь на весах – взять город и отстоять город есть равновеликий поступок с разными знаками.

А силенок-то где взять для действий? Где нервная энергия, где побудительный мотив, где ощущение, которое требует реализации в действии? А активное негативное отношение ко всему, чему можно противодействовать, сидя в своем окопе. Раздражение, неприятие, стремление к противодействию.

Дежурное отношение молодости: все не так, я это переделаю!

Дежурное отношение старости: все не так, но я не могу это переделать (опыт, забота о детях, малость сил, плетью обуха не перешибешь, мир все равно не переделаешь).

Вспомним, что страдание – это кнут к действию. Чем меньше энергии – тем больше сил надо мобилизовать индивиду для действия. Вот страдание – сильное отрицательное ощущение по какому-то поводу – и заводит старика: давление скачет, предынфарктное состояние, а он все кричит, слюной брызжет и добивается какой-то ерунды. Ибо он создан не для того, чтобы беречь здоровье и предельно продлить свое индивидуальное существование, а для того, чтобы ощущать и делать максимум возможного.

Страдание и переживание «ни с чего» вышибает резервы сил, которые могли бы пойти на мирное тихое существование. Но человек не создан для тихого существования, он, понимаешь, «мятежный, ищет бури»! А буря в первую очередь – это буря в душе, сильные ощущения.

Заметьте: любая весомая и реальная причина к страданию мигом вышибает у старости мелкие и надуманные поводы страдать. Смещение доминанты.

А поскольку кнут страдания всемогущ и куда сильнее пряника радости (которая в определенном смысле и есть избавление от страдания, как долдонил Шопенгауэр) – страдание есть способ старости ощущать и делать максимум. Я не могу улучшить твою жизнь – зато я могу ее попортить десятком слов.

Старость утверждается через отрицание – но уже не в силах толком реализовать его через действие: закон... мораль... сил нет. Очаг возбуждения отрицательных эмоций не снимается, мало снимается. А как его снять?..

Старость утверждается через критику. Вот ты что-то делаешь – а я уравниваюсь с тобой и даже встаю выше: тем, что я умнее тебя и сделал бы это лучше, просто возраст не позволяет, тут вины нет, а ты слабак. Твой реальный пик я измеряю по своему прошлому (воображаемому), и мой пик выше.

На спуске с вершины нарастает негативная реакция на раздражители. Что означает: нарастает недовольство существующим положением вещей. Что означает по сути: нарастает несогласие с этим миром. Чтоб было хорошо, надо чтоб было как-то иначе. Нарастает субъективная потребность в том, чтоб мир был не таким, каков есть.

Это подстегивает силы по мере их убывания, это должно побуждать все больше концентрировать силы на переделке мира: за счет, так сказать, мобилизации внутренних резервов. Все старику не так, все ему надо иначе, ну же надоел всем!..

Это можно считать компенсаторной реакцией центральной нервной системы на старение организма. Продолжай ощущать и действовать!

(Вообще мы имеем здесь, конечно, интересный комплекс причин:

– невроз цивилизованного человека. Многие проявления отрицательных эмоций вечно сдерживаются законом, моралью, инстинктом самосохранения, преобладающим желанием

достичь своей цели. С возрастом подавленные желания все меньше и труднее компенсируются рассудком, волей и другими, отвлекающими желаниями и поступками, и масса подавленных в течение многих лет отрицательных эмоций начинает прорываться наверх в сознание – с интенсивностью, никак не соответствующей малости поводов. Недаром есть присказка у пацанов-хулиганов: «Пьяный мужик страшнее танка». В драке и на войне никакой пацан не звереет так, как поживший мужик: да мужик озверел от всей предшествовавшей жизни, вот он теперь зверство и выдает наружу. Раздражитель, нейтральный или даже положительный (!), все более воспринимается «подсознанием» как возможность прицепить к нему и выплеснуть наружу накопившиеся отрицательные эмоции. Ну, типа: треснул собаку, потому что вчера тебе нахамил продавец.

– сравнение реального события (положительного) с тем, каким оно когда-то рисовалось в воображении. Поскольку мечта всегда превосходит действительность, сравнение не в нашу пользу. А ведь в оценке значимых для нас событий мы всегда исходим из сравнения того, что есть, с тем, что должно быть по нашему разумению. Мы часто и постоянно обманываемся в своих ожиданиях – ибо ожидаем черт-те чего, раздутого и раскрашенного рефракцией неопределенной перспективы мечты и воображения. Должное вечно превосходит сущее, идеал – реальность, и осадок разочарования печален, отрицателен.

– недовольство собой: убывают силы, красота, потенция, время жизни с возможностями и действиями. Человек никогда не может достичь всего, чего хочет, – а с возрастом все меньше иллюзий, что «когда-нибудь» он добьется всего, т. е. будет абсолютно счастлив через достижение внешних факторов: возникает комплекс хоть частичного, но «поражения в жизни». Увеличивается роль такой негативной формы самоутверждения, как зависть. И этот отрицательно-эмоциональный комплекс тоже проявляет себя при касании внешних раздражителей в сторону негативной реакции – строго говоря, не «на» раздражитель, а «в связи» с раздражителем.

– и это все входит в базовые потребности в ощущениях, самореализации, самоутверждении, суммируясь в итоге.)

Но действовать трудно и как бы не строго обязательно, а от ощущений никуда не денешься! Грузнеет человек, мышцы не те, эндокринная система не та, полежать чаще тянет. Уже не дашь врагу по морде – изувечит; надо другие способы изыскивать прижучить его, а для этого эмоция должна быть стойкой, сильной, а то плюнешь через полчаса – и будешь жить побежденным и униженным.

«Нет новостей – тоже хорошая новость», – только старость могла придумать подобную поговорку. Вы чувствуете? Отношение к нейтральному, возможному, неизвестному еще раздражителю заранее опасливое. Наполучал щелчков за жизнь, теперь лучше спокойно дома сидеть. Это тебе не молодость, жаждущая новостей и событий.

В потребности ощущений, безопасности и самореализации одновременно старик все более погружается в воспоминания и воображение, все более находит там точек к самоутверждению – и одновременно все более неожиданных гадостей и обид, а! Так это две стороны одной медали – положительные и отрицательные ощущения, под которые и для которых подводится конструкция памяти и воображения.

А в реальности – в общем получается так: уже нет сил переделывать мир – но все равно еще есть силы быть с ним несогласным. И невозможность переделать усугубляет это несогласие, оно нарастает, суммируется, портит жизнь, заставляет страдать – то есть заставляет по возможности хоть как-то стремиться к тому, чтоб было не так.

Рак

Страшное такое слово, приговор, неизлечимость, загадка, глубинная причина неизвестна, и так далее.

Дело же обстоит в принципе довольно просто – не всегда, но в большинстве случаев, поскольку под этим «общим» диагнозом в его расхоже-бытовой формулировке объединены весьма разнообразные формы новообразований.

За исключением случаев решительно непонятных, за исключением рака, развивающегося в молодом возрасте как после травм, так и без всякой видимой внешней причины, рак – это болезнь пожилого возраста.

Суть его в общем в том, что нормальные клетки заменяются клетками дефективными, примитивными, «агрессивными» и «жадными», которые не выполняют никакой функции в организме, активно размножаются, распространяясь из очага возникновения во все стороны, и довольно быстро лишают организм возможности нормально функционировать: внутренние органы, сосуды, нервные пути заменяются грубой «бессмысленной» тканью.

В чем дело?

Организм – штука настолько сложная, что, как на всякой фабрике, на каждом большом и разнообразном производстве, механизм производства новых клеток всегда дает некоторый допустимый процент брака. Организм зашлаковывается остаточными продуктами распада пищи, особенно от «тяжелого» питания типа свинины и животных жиров, – это кроме собственных дефективных клеток. И вот ОТК и служба контроля организма следит: где там «чужие» болтаются? где «вредные» и «бракованные»? Лимфатическая система бросается их уничтожать, печень их фильтрует через себя и перерабатывает, почки их фильтруют и выбрасывают вон, потовыделительная система выбрасывает. Короче, организм их убивает, частично по возможности хакает на пищу себе, в основном же выбрасывает вон. И все в порядке.

Но. Но. Фокус в том, что раковые клетки по сравнению с нормальными очень низко дифференцированы. То есть примитивны. Вот такие уроды, вроде как урод без мозга, пальцев и т. п. по сравнению с нормальным человеком.

Естественно, что построить такую дефективную клетку гораздо проще, чем нормальную, сложную и хитро функционирующую. Это как старику Хоттабычу проще создать телефон из куска цельного черного мрамора, чем настоящий телефон со всей электрической начинкой, катушками и проводами. Цельномраморный телефон красивее, прочнее, тяжелее, страшно примитивен по устройству – нет там устройства, – технологически прост и совершенно нефункционален.

Естественно, на создание раковой клетки требуется гораздо меньше энергии. Меньше труда затрачивается. Чего там особенно-то строить, в «телефоне без механизма».

На ее формирование тратится меньше питания. А питание разносится по организму довольно равномерно, в том смысле, что две соседние клетки – нормальная и примитивная – его получают поровну.

Отлично, говорит примитивная клетка и начинает расти быстрее нормальной, ей это проще – абы массу нарастить, устройство и функция ее не интересуют.

При этом она, сволочь, активно размножается – а что ей еще делать, своих размеров она уже достигла, а питание продолжает получать.

Здоровый организм, энергичный, с «запасом прочности», с хорошим иммунитетом эту дрянь выкидывает быстро, сразу. А усталому, ослабшему, старому, который уже много раз такие клетки выкидывал, много раз себя ремонтировал, уже трудно.

Не только потому трудно, что охранно-уничтожительная система устала и ослабла. Не только потому, что «ремонтный ресурс» подходит к концу.

А еще и потому, что такие клетки строить легче, меньше труда затрачивается. Организм начинает «халтурить» – делает не то, что надо, а то, что легче, что экономичнее.

Почему нормальные клетки начинают замещаться дефективными? Да, те – жадные, агрессивные, растут и плодятся быстро. Верно. А с точки зрения всего организма? А их кормить легче, растить проще, и если «сделать вид», что ты не различаешь нормальные от дефективных – так ты вроде бы отлично делаешь свою работу, а труда меньше затрачиваешь. То есть с количеством образующихся клеток у тебя все просто отлично. Вот, правда, качество дерьмовое, но организм как бы машет рукой: а, черт с ним, устал я, и так сойдет.

Что мы имеем? Мы имеем энтропию организма, падение общего уровня его энергетики.

Все давно согласились, что стресс является одним из пусковых механизмов рака. А что такое стресс? На уровне физиологии – это сбой в функционировании, расстраивание слаженности организма – подобно расстраиванию фортепиано: каждая клавиша дает звук, но мелодии уже не выходит. А на уровне психики к чему он сводится? А в общем жить меньше охота: радости меньше, печали больше, ты чувствуешь себя уже менее в силах переворачивать мир. Падение энергетики, что и наблюдается и на психическом, и на физиологическом уровне. Ага, в здоровом теле здоровый дух.

Операция может помочь – выбросить очаг гадских клеток вон, а в остальных местах все идет пока в пределах допустимого. А может не помочь – очаг ты убрал, а сил у организма все равно мало, пройдет короткое время – и повторится та же история в другом месте.

Медикаментозное, химическое, лучевое воздействие – это лечение болезни как следствия, но без лечения причины. Давить гадские клетки всеми возможными способами. Способы эти сродни артобстрелу по площадям. Организм в целом травмируется страшно, нормально работать он в таких условиях не может. Медицина как бы подменяет своими сторонними, искусственными средствами то, что он должен был бы делать сам, но не может. И как правило это дает только временное излечение, временное улучшение, а через короткое время процесс идет вновь, и не просто идет: всегда уцелевает незначительное количество самых выносливых и живучих раковых клеток – низкодифференцированных даже по сравнению со своими уничтоженными родственницами. И они потом идут в рост. Логично: им требуется еще меньше пищи, еще меньше энергии, они еще примитивнее, и еще живучее – им требуется только существовать и размножаться. И организму еще «легче» замещать ими нормальные ткани, с которыми столько труда и хлопот.

Единственный способ кардинальной борьбы с раком в каждом конкретном случае – это резко поддержать вверх энергетику организма в целом. Ну, условно говоря сделали мы это – что тогда? Тогда помощневшая иммунная система начнет давить и жрать «чужих» и т. д. А у энергичного организма не будет оснований халтурить и кормить и ремонтировать свои клетки «по линии наименьшего сопротивления». Он будет стремиться не «обмануть судьбу» и прибежать к финишу, срезав дистанцию через лесочек – а честно стараться идти первым в группе лидеров, утверждая свои возможности и испытывая от этого удовлетворение: потому что в силах.

Поэтому разнообразные парапсихологи и экстрасенсы (те из них, кто не шарлатаны, а настоящие) действительно могут помогать раковым больным, и очень значительно иногда. Накачать организм энергией! – а дальше он будет работать сам, как здоровый. Потому что здоровье – это и есть достаточно высокий уровень энергетики. Отсюда и старая поговорка «Здоровый человек не заболевает».

Но парапсихология и экстрасенсорика – это дело хитрое и туманное, механизмы воздействия здесь мало ясны. А вот случаи самоизлечения от рака – это демонстрация энергетического принципа ну ужасно же явная и убедительная.

Почему ряд авторитетов-онкологов утверждает, что «самоизлечения» не может быть, «потому что этого не может быть никогда»? И заявляет, что, значит, имела место ошибка в

диагнозе, и это был не рак. Просто потому, что это «дискретно» мыслящие люди, которые не в состоянии понять характер, принцип, тенденцию процесса: они принадлежат к тому большинству врачей, которые имеют дело с болезнью конкретно, а не с больным человеком и всем его организмом. В то время как все хорошие врачи (которых меньшинство, как меньшинство хороших специалистов в любой области, особенно чем она сложнее) всегда знали, что лечить надо больного, а не болезнь.

Сэру Френсису Чичестеру поставили диагноз «неоперабельный рак легкого» вполне приличные врачи, он был не нищий и жил не в Монголии. И было ему тогда хорошо за семьдесят: пакуй чемоданы, приятель. И он купил яхту, и лично ее переоборудовал, работая на верфи дни и ночи, и пошел в первую в мире одиночную кругосветку.

А плевать ему было на все, и смерти он не только не боялся, но даже вдохновляла его такая возможность: умереть – так мужчиной в борьбе с океаном один на один, а не тушкой на больничной койке. И он прошел вокруг света, через ураганы, через пролив Горн у мыса Бурь, и сделал то, что до него считалось невозможным. И вернулся домой здоровым, к изумлению врачей. В этой удивительной истории, строго говоря, ничего удивительного: морская вода, морской воздух – и чудовищные физические и психологические нагрузки. Он шел на победу, любой ценой – и психический настрой вкупе с физическим так поддержали энергетику организма (а иначе действовать ему было невозможно, коли впрягся в это дело), что она, помощнев (и как бы помолодев), «взялась за ум» и, вытягивая экстремальные условия, «заодно» задавила болезнь, схавала и выкинула из организма дрянь.

Так выздоровел в бегах от соответствующих органов бывший зек и неслабый писатель Чабуа Амирэджиби – тоже приговоренный, к раку горла. Так выздоровел Солженицын, человек фантастически высокого самомнения и фаталистской веры в свою судьбу и предназначение: он был настолько твердо убежден в том, что ему еще надо сделать великое дело, в том, что фортуна ему не изменит – что этот настрой поднял его энергетику до уровня, нужного для задавливания рака. И еще сотни людей с именами менее громкими.

Здоровый образ жизни и экстремальная ситуация, в которой необходимо победить – вот что может уничтожить рак, не «чудом», нет тут никаких чудес, а исключительно через подъем энергетики.

Но это уже вариация на тему: «Человек может все, что хочет, если умеет сильно хотеть».

Смерть

Жизнь и смерть можно представить в виде бескрайнего поля мрака, по которому скользит пятнышко света, вроде как от луча фонарика. И когда новая зона попадает в область света, под лучом начинается шевеление жизни, рождение, развитие, процесс, пробуждение бесчисленных существ и вся их деятельность. С передней кромки движущегося светового пятна жизни все живое постепенно оказывается все ближе к середине пятна, затем – к его задней, уходящей кромке; и вот пятно света уходит дальше, пробуждая к жизни все новые пространства – а то живое, что было в нем, постепенно оказывается вне света, в бесконечном мраке послежизненного времени: замирает с моментом перехода из света во тьму, застывает, перестает быть различимым, перестает быть. А луч ползет все дальше, и новые оживающие существа проходят свой жизненный цикл в малом и кратковременном пятне света, пока оно проходит через участок тьмы, где эти существа были ничем и в ничто в преддверии его – и вновь уходят в ничто, когда свет минует их, идя дальше.

1. Вся сложность смерти – в том, что познающее сознание может познать что угодно, кроме одного – своего же собственного отсутствия. «Когда ты есть – нет смерти, когда придет смерть – уже не будет тебя!» – воодушевляют командиры бойцов. Как же, черт возьми, познавать то, чего нет – или познавать то, что есть, но нет уже самого познавателя.

2. Вся простота смерти – в том, что она удастся любому, и даже без всяких усилий с его стороны. Этому не надо учиться, и напрягаться не надо: все само устроится.

3. Весь страх смерти держится именно на непредставимости для сознания этого состояния отсутствия себя. «Оттуда еще никто не возвращался, чтоб рассказать».

И случаи тех, кто вернулся из состояния клинической смерти, тут ничего не меняют. Ну, сохранила память некоторых картину света в конце туннеля и вид своего тела со стороны – и что это меняет? Вариант загробной жизни.

4. Все варианты загробной жизни, присущие человеку на всех этапах его истории, есть умозрительные постройки, причин у которых две. Первое: не в силах познать состояние отсутствия себя самого, сознание рисует себе состояние смерти как состояние некоей особой жизни, продолжающей жизнь эту, земную, знакомую, – основываясь так или иначе на законах и представлениях этой жизни. Второе: инстинкт жизни, избыточный у человека по сравнению с другими существами, не просто противится смерти, но и пытается через разум найти какой-то приемлемый выход. А если нельзя победить смерть конкретно, в реальной жизни, физически, – так можно создать такой ее образ, с которым легче примириться. Воображаемая загробная жизнь – это следствие нежелания умирать.

Загробная жизнь – это интравертное решение конфликта, не разрешимого экставертно.

5. Познавая и осознавая жизнь, ребенок – кто в семь лет, кто в десять, темп развития во многом индивидуален – «пробивается» страхом смерти: невозможностью познать это вечное и неизбежное в будущем состояние отсутствия собственного бытия, состояния, категорически противоречащего жажде жить. Это состояние безысходного ужаса постепенно скрывается под кирпичами и постройками новых впечатлений, ощущений и мыслей, – но никуда не девается и в той или иной мере помнится всегда.

Вот тут примитивные формы религиозных представлений о «жизни на небе» могут оказать ребенку бесценную услугу, смягчить травму и примирить с действительностью. Правда, это не имеет отношения к познанию истины.

6. Смерть как индивидуальный акт имеет две стороны: одна – последнее и важнейшее действие в этом мире, другая – вступление в «тот мир».

Тем миром занимаются вера и религия (см. «Вера и религия»), и подготовка себя к «той жизни» и обустройство «того мира» – есть желание жить, ищущее выход и как бы продляющееся в интеллектуальных постройках воображаемо-желаемой «жизни после смерти».

А вот смертью как последним действием в этом мире занимается вся «философия жизни», которая в каких-то формах есть у каждого, даже если он вообще не слышал слова «философия».

«Смерть есть последний подвиг в доблестной жизни самурая», – кратко говорит бусидо. Да неважно, что будет потом – важно то, что есть и останется здесь.

7. О человеке важно знать три вещи: как он родился, как он женился, и как он умер, – справедливо судит древняя народная мудрость.

Примечательно, что в наше время небывалая публичная откровенность во всем, что касается секса – тема, обычно жестко табуированная в историческом обществе – сочетается со старательным умолчанием деталей и подробностей смерти. Мол, как бы это неэтично, нехорошо, нездоровое любопытство. Телевидение кормит зрителя горами трупов – но правила хорошего тона предписывают стыдливо уклоняться «мелочей» типа точного диагноза и сопутствующих обстоятельств. Хотя изустно передаются «неофициальные» подробности.

Человеческое острое любопытство ко всему, связанному со смертью, абсолютно естественно. Какое же событие в жизни человека может быть значительнее? Какое же событие может дать ощущения более сильные? Ощущения жаждут информации, а информация, в свою очередь, служит к возбуждению дополнительных ощущений.»

Отношение белой цивилизации XX века к смерти можно назвать ханжеским. По возможности делать вид, что этого нет. Свести место смерти в культуре к минимуму. Не думать, не говорить, стараться не обращать внимания.

Культура смерти очень многое говорит о цивилизации. Отношение к смерти есть очень важная часть отношения к жизни вообще, а отношение к жизни непосредственно связано со всеми действиями.

8. Сегодняшняя белая цивилизация не любит говорить о смерти. (Репортажные сенсации с целью получения прибылей масс-медиа здесь ничего не меняют – это зарабатывание денег, бизнес на виде крови, не имеющий отношения к духовным движениям, к осмыслению смерти и отношению к ней конкретного человека.)

С одной стороны, это свидетельствует о высочайшей степени экстравертности белой цивилизации: действовать, энергопреобразовывать, производить и потреблять, – и пусть вся энергия, все мысли и чувства будут направлены на это, незачем отвлекаться на смерть, коли сам еще жив. Смерть воспринимается как досадное гадство, очень нехорошая помеха, – а слова, мысли и действия должны быть о продлении жизни (незачем омрачаться неизбежным).

С другой стороны, это свидетельствует о духовной истощенности белой цивилизации – или, иными словами, об отсутствии энергетического потенциала (внутричеловеческого, понятно, а не технического) для дальнейшего роста и развития. Нет больше ничего, за что стоило бы отдавать жизнь. Вся энергия идет на то, чтоб продолжать катить машину цивилизации – что для каждого индивидуума обозначает полностью погрузиться в повседневщину, работу-карьеру-быт.

Это уже не те доблестные ребята минувших времен, которые почитали достойную смерть венцом достойной жизни, а угасание в постели – несчастьем, недостойным мужчины. В бою! За победу! За утверждение себя, своего народа, своего дела, своего идеала!

Сегодняшняя белая модель индивидуальной жизни не включает в себя наличие и требование идеала, к которому следует стремиться ценой жизни. А что это значит? А это значит, что должное не очень-то отстоит от сущего; что нет того запаса энергии, который требует ставить цели, достижение которых забирает все силы и саму жизнь. Ослабление человеческого напряжения. Рассеивание энергии, выдох.

9. Бытие по сравнению с небытием различается настолько, что у врат смерти человек должен ощущать: да решительно же неважно, как жить, но жить бы; даже увечный и бездомный нищий – дышит, видит, ощущает, думает, ест, и так мала разница между нищим и царем по сравнению с разницей между царем живым и мертвым.

Тем не менее лишь отдельные исключения делают своей профессией продление собственной жизни любой ценой. Человек гробит здоровье и сокращает жизнь часто вполне сознательно. Он боится смерти, он хочет жить – и все-таки действовать оказывается важнее, чем жить.

10. Смерть сразу «приобщает к большинству», как выражаются со своим холодным юмором англичане. Сразу возникает дистанция между мертвым и живым. Сразу человек превращается в образ, уже не соотносимый и не сравнимый с ним реальным: все, рядом не встанешь, словом не перекинешься. Сразу личность и деяния ее встают в единомасштабную систему всех прошлых деяний человечества.

Неопределенность назавершенной жизни исчезает. Ждать больше от него нечего: можно лишь оценивать то, что уже сделал. Линейка дошла до второго конца.

И «вдруг» оказывается, что кто-то был великим. Реже – кто-то «великий» оказывается ничтожеством.

Смерть проводит через Пантеон каждого, просто мало кто в нем задерживается.

Смерть словно чертой подчеркивает все деяния ушедшего; все личные мелочи снижают значение; внимание к деяниям увеличивается, а область оценки переходит из сравнений с ныне живущими, которых много, которые слитны и связаны друг с другом массами связей, деяния которых спорны и еще подвержены изменениям, – область оценки переходит к сравнению с мертвыми, а вот там уже остались только деяния значительные, мелочи канули. И если деяния ушедшего выдерживают это сравнение – вот он, «оказывается» (ах, мы ж и не думали!), великий, который жил среди нас.

Смерть как увеличительное стекло деяний. Смерть как сито деяний. Смерть как право на равенство с великими прошлых времен.

11. Конечно, Наполеон или товарищ Сталин и при жизни были куда как велики – но здесь было и влияние бешеной пропаганды и чеканки мозгов. Мы имеем в виду «естественное», «самотечное» положение вещей с по возможности максимальной мерой самостоятельной оценки каждым.

12. Если человек способен отдать жизнь за какое-то дело – значит, его действие было индивидуально максимальным, его субъективный созидательный акт был максимальным. Ты можешь не разбираться в его делах – но смерть однозначно дает тебе понять, что тут как минимум есть что предъявить к самой серьезной оценке. Если что-то имело для ушедшего такое значение, что он жизнь отдал, – очень возможно, что в этом действительно «что-то есть». Уже сама крупность поступка – умереть – внушает уважение и серьезность; и вот это уважение и серьезность начинают простираться на отношение к деяниям и всей личности покойного.

Смерть прибавляет значительности. Хотя бы на время.

13. Судьба тоже есть по-своему произведение искусства, воздействующее на окружающих. А конец – он делу венец. «Концовочку!» – вопит тренер боксеру.

Поэтому так важно умереть правильно и вовремя. Потомки автоматически подстегивают твою смерть ко всей личности и делам, воспринимая все в комплексе.

А если умер рано – «ушел безвременно», – то воображение оставшихся дорисовывает все, что ты мог бы еще сделать за годы, оставшиеся до какого-то солидного, среднестатистического возраста, и все несделанное автоматически пишется в твои возможности, которые были.

Представьте Пушкина, который дожил бы до восьмидесяти, пища все хуже и меньше – и вот Лермонтов (тоже долгожитель!), Достоевский, Толстой, Некрасов оттеснили, задвинули, превзошли. Не та была бы слава, ребята, не то место, и даже не та оценка.

14. Притворяться можно во всем, кроме умирания. Это все-таки вещь серьезная, а также однократная и необратимая. Да, тут и видно, кто чего стоит.

И становится неприятно за художников, умиравших трусливо, малодушно, жалко. И уважаешь жестокого и храброго Миниха, распорядившегося на плахе собственной казнью. Надо уметь умирать, куда денешься; все равно придется. Римляне это хорошо понимали.

* * *

Замечание на полях:

Есть один феномен, необъясненный виктимологией – наукой о жертвах. На огромном материале она свидетельствует, что непосредственно перед уже неизбежной насильственной смертью жертва вдруг испытывает пронзительную любовь к убийце. Ничего себе? В чем дело...

Какие чувства владеют человеком под ножом убийцы? Ужас смерти и отчаянное желание избежать ее во что бы то ни стало. Дикое желание жить. Сильнейшее, предельно отрицательное ощущение.

Типичная картина такая:

Фаза первая. Опасность! Пульс учащается, адреналин выбрасывается, кровь отливает от покровов, пустой звон в голове, легкая слабость в коленях: страх – который может перейти в отчаянное убегание, перелетание через стены, или бешеное беспорядочное трепыхание в сопротивлении. Либо – страх парализует, функции разлаживаются от чрезмерно сильного и «хаотично» отрицательного ощущения.

Фаза вторая. Борьба и надежда. Убегание, трепыхание, сопротивление. Уговоры, мольбы, готовность на все ради спасения, невозможность поверить в сиюминутную смерть, невозможность смириться.

Фаза третья. Смирение. Опустошенность, бессилие, обезволенность, послушность. Надежды нет, возможности сопротивляться нет, смерть очевидна и ты психически к ней уже подошел.

Все три состояния аффективны, рациональное мышление искажено страхом, эмоции базируются на рефлексах и доминируют: речь именно о жертве, а не о бойце, противнике, вступающем в схватку. Хотя и побежденный боец может быть психологически сломлен, и его также можно привести в состояние третьей фазы, чтобы он ощутил себя бессильным, а противника – уже не противником, а всемогущим убийцей.

И тут – происходит смена психологической доминанты! Ты должен бы испытывать к убийце предельные отрицательные эмоции: страх и ненависть, злобу и омерзение. А вместо этого – любовь...?!

Это сложная трансформация, но составляющие ее просты.

Первое. Субъективный уход от нежелательной ситуации. Типа: если ты не можешь делать то, что тебе нравится – пусть тебе нравится то, что ты делаешь. Ты не можешь изменить ситуацию – но она настолько тебе нежелательна, что ты меняешь отношение к ней, тем самым субъективно ее смягчая. Еще один аспект того, что во всех действиях человек руководствуется прежде всего ощущениями, и прежде всего живет в мире ощущений, ему свойственных и потребных. Как будто человек мгновенно и подсознательно уверяет себя, что все не так плохо и не так страшно. (Так что не смейтесь над страусом, решающим уход от опасности методом сования головы в песок.)

Второе. Это последняя трансформация надежды, последняя форма борьбы за жизнь. Он видит, как я принимаю свою долю, он видит, как я его люблю, он видит, что я заодно с ним во всем, до конца, я же с ним, за него, – он должен понять и оценить мою любовь и мое благородство, понять, что я ему не враг, а друг и брат, самый близкий, лучший и верный, и в последний миг он не станет меня убивать – он хороший, благородный, добрый, он имеет право

убить меня, но может вот сейчас прекратить, не станет делать этого, потому что он хороший, я люблю его. Примерно так можно изложить на рациональном уровне это чувство.

Третье. Будучи уже никем, не имея сил воли и рассудка хоть как-то явить свою значительность – хоть ругательством, плевком, гордой позой, будучи парализован безнадежным отчаянием и страхом, психологически жертва являет свою значительность себе тем, что поднимает себя к уровню победителя-убийцы: через любовь к убийце она как бы уравнивает себя с ним на одной доске, являет себя себе самой значительной и достойной равных отношений с победителем, ибо сейчас принимать его и любить его – это единственный способ, ничем не грозящий, от которого не может быть хуже, но может быть лучше, чтобы даже в предельной слабости, зависимости и незначительности все-таки явить себе и ему свое достоинство и значительность.

Четвертое. Подключаясь с внутренней готовностью и любовью к действиям убийцы, жертва – субъективно! – делает максимум того, что она еще может делать: она соучаствует в собственном убийстве! (Вот, вот что такое инстинктивное стремление к максимальным действиям, гражданин читатель.)

Пятое. Последнее максимальное ощущение перед смертью – это перегнуть предельное отрицательное ощущение в предельное положительное. Животный ужас в любовь. Это последнее проявление инстинкта жизни на уровне ощущений, это максимум субъективной жизни, которую жертва еще проживает в последние миги.

Шестое. Любовь означает: я все могу сделать для этого человека. Мои силы и возможности не только для меня лично – обращая их на другого, я в большей степени переделываю мир, распространяю на внешний мир свои действия, чем если все делаю только для себя. Любовь к убийце – это последний порыв индивида к максимальным действиям в этом мире.

Это последнее проявление жажды жизни в безнадежном положении. Любовь как перво-попозыв и предоснова максимальных действий.

Седьмое. Любовь и смерть вообще вечно ставятся рядом. Максимальное положительное и максимальное отрицательное. «Я так люблю тебя, что хотел бы за тебя умереть». (См. «Любовь».) Предельное страдание как диалектическая противоположность и единство пары наслаждению. Ну, так это может возникнуть с «другого конца» – ассоциацию на любовь прибавляет со стороны страдания.

И все это вместе может быть сформулировано: сильнейшее ощущение, превосходя меру и переходя свой предел, переходит в свою противоположность.

Вера и религия

§ 1. Понятно, что это не одно и то же.

Под верой понимается внутреннее состояние, внутренняя убежденность – в некоем Высшем Существо, Высших Силах. Понять и объяснить человек чего-то не может, через рациональное знание и понимание «это» ему не дается, не достижимо – а все-таки он полагает что «это» – так. Верит.

Под религией понимается весь внешний атрибутивный комплекс проявлений веры: обрядовость, храм, догматы, институт священнослужения. При этом религия включает в себя веру: вера – тот внутренний духовный фундамент, на котором зиждется грандиозное здание религии.

Религия и вера находятся в соотношении обратном тому, в каком находится раковина с моллюском к заключенной внутри жемчужине. То есть не раковина с моллюском здесь основа и причина жемчужины, но лишь наличие жемчужины обуславливает обстройку ее моллюском и раковиной.

§2. Верующий человек может быть нерелигиозным, или очень мало религиозным. Он может не придерживаться ни одной из существующих конфессий: они его чем-то не устраивают, он полагает их ограниченными или скомпрометированными, ему может быть не нужна их условность. В отношениях между собой и Высшими Силами он обходится без посредничества, напрямую. Его вера очень мало нуждается во внешней атрибутике, в каких-то сторонних подкреплениях.

В свою очередь, религиозный человек может быть очень мало верующим. Он может рьяно соблюдать всю внешнюю религиозную атрибутику – и полагать, что этого в общем достаточно. В его поведении может отсутствовать внутренний импульс веры – и заменяться внешним предписанием религии: то есть поступать не по внутреннему велению, а по внешнему указу, заповеди, закону и т. п.

§ 3. У религии и науки есть то общее, что обе они оперируют условными величинами, произвольными допущениями.

В плане теоретическом – это прежде всего в постижении и объяснении мира. Что такое «постоянная Планка» физики не знают – никто ее не видел и не щупал, это некая условная величина, выражающая постоянную зависимость между другими, реальными величинами. Но без нее ничего не получается, не сходится, не понятно. А прими и учти постоянную Планка – и все сходится, получается.

Аналогично человек может мучиться вечной проблемой – отчего же в мире существует Зло, если все понимают, что оно плохое и его не надобно – а вот все равно поступают во вред себе и человечеству: ну не получается логическое решение, не сходятся концы. И тогда вводятся условные величины – допустим, Бог и Дьявол. От одного все хорошее, от другого все плохое, они борются между собой с переменным успехом – о, все делается ясно и логично: человек творит нехорошие и самогубительные вещи, потому что это Дьявол его наущает и подталкивает; Дьявол хочет погубить людей, завладеть их душами и править миром по своим дьявольским, антибожьим, нехорошим законам. Порядок: ничего больше не надо объяснять в человеческих поступках: все сводится к борьбе божьей праведности с дьявольскими кознями.

Прелесть в том, что это сильно успокаивает. Недостаток в том, что это лишает необходимости думать и понимать самому. Познанию мира перекрываются пути – «по религии» ты можешь познавать, как же устроена жизнь в плане психологии человеческой и связи ее со всем мирозданием, только в одном направлении: распознавать во всем козни Дьявола или промысел Бога. Вот как бы все сводится в конечном итоге к этим двум началам. Хорошему и плохому. А профессионалы-священники, на основе прецедентов и «спецлитературы», выносят вердикты:

то-то происходит так-то и так-то, потому что расклад сил божественных и дьявольских таков-то и таков-то. Аминь.

То, что наука не может объяснить дальше, вглубь, то есть разложить на более мелкие составные части и вскрыть внутренний механизм – сегодняшний предел познания вглубь – она объявляет Законом Природы. Природа так устроила, говорит ученый. Природа-то природой, но все это Бог устроил, возражает священник. Строго говоря, никакой принципиальной разницы. Два названия одной и той же стенки.

Разница в другом. С помощью условных допущений наука продолжает познавать реальный мир. Религия же старается познавать мир идеальный, условный, собою же и созданный.

В плане же практическом и наука, и религия действуют способом предписания как бы через «черный ящик». Пояснение. Надо сделать то-то и то-то, скажем, так-то построить баллисту, взять канаты из такого-то материала, заложить в ложку камень такого-то веса, натянуть канаты с таким-то усилием, и камень полетит туда-то и туда-то: результат – проломит стенку. Силы упругости, законы механики, конечно, но последнее «а почему?» всегда упирается в «черный ящик»: «а потому». «Закон Природы». Религия предписывает: надо делать то-то и то-то, так-то и так-то, и тогда будет хорошо: праведно, благо, душа спасется и т. п. Почему? Конечный ответ, после цепочки промежуточных объяснений насчет любви к ближнему, праведности, спасения души и т. д. – всегда один: «А потому что Богу угодно вот так». И финиш.

§4. Поэтому в основном так наивна и поверхностна «русская философская мысль серебряного века». Здесь непонятно только, почему она называется «философской», а не «теософской». В принципе она ничем не отличается от религиозно-иудейской философской мысли, которая, принимая Священное Писание за Абсолют, сосредоточена на все более глубоком и полном познании всеобъемлющего промысла Божия, явившего себя через Пятикнижие. Продолжай ковырять и дополнять понимание Книги, только там Истина, причем вся: это и есть мудрость, постижение мира, главное в жизни. В Книге все есть, все содержится, все предсказано: надо только постигать, как Он все устроил и что на все случаи жизни повелел, и тогда все будет правильно и хорошо.

«Русская философская мысль» аналогичным образом берет за Абсолют Евангелия, и все на свете норовит соотнести с христианством, если не так, то эдак, если не в прямом приближении, то в косвенном. Но если тебе заранее известно, где Истина, то об чем тут философствовать?.. Можно ли добросовестно постигать мир, танцуя от общей и старой расхожей догмы? Можно ли строить собственное здание на чужом фундаменте? Можно ли с самого начала, от истока, на уровне исходных предпосылок, не подвергнуть все сомнению и добросовестному самостоятельному анализу? И вообще: с чего бы это православному изводу христианства иметь большее право на истину, чем христианству римскому, или исламу, или буддизму, или любой другой солидной религии, имеющей многочисленных и вполне разумных приверженцев?

В конце концов, верить можно во что угодно, что человечество на протяжении всей своей истории и делало.

Но истина не может базироваться на вере – потому что сама вера есть предмет постижения и анализа.

§ 5. **Что такое вера? Почему она есть? Откуда она берется?** Если понять это, со всем остальным разобраться уже проще.

Люди верили всегда. Даже сто тысяч лет назад, у неандертальцев, которые, бедолаги, оказались тупиковой ветвью человечества, были верования, отраженные как минимум – что известно с абсолютной достоверностью – в обрядах захоронения. Не просто зарывали своих мертвых, а как-то снаряжали их в загробный мир.

Если самого неверующего человека сильно прищучит – он начинает, хотя бы про себя, как-то молиться. На грани смерти, под угрозой трагической потери, в безвыходных обстоятельствах, когда человек уже ничего не может поделать, уже ничего от него не зависит, – человек

обращается неизвестно к кому и неизвестно к чему, и даже он вроде и сам не верит своим словам и мыслям насчет того, чтоб все было как-то получше, – а вот все-таки есть что-то внутри него, какая-то искорка надежды вопреки очевидности даже, и цепляется он за эту искорку, раздувает ее, убегает в нее, сосредотачивается на ней.

Кто там чего знает о загробном мире или бессмертии?.. А вот всегда люди об этом думали.

«Пока живу – надеюсь». «Надежда умирает последней». Вера и надежда ставятся рядом часто, это соседство обычное.

Что такое надежда? Это человек хочет, чтоб что-то было не так, как есть сейчас, а лучше, желанным ему образом. Причем такой исход не абсолютно вероятен, сколько-то сомнителен, подвержен случайности, не полностью в его власти. Или даже очень сомнителен, маловероятен. Или представляется вообще почти невероятным – почти, но все-таки не абсолютно, есть хоть один шанс из тысячи. А кто его знает, этот один шанс из тысячи, все ведь может случиться – и миллион в лотерею выигрывают, и с самолета падают и в живых остаются, в заснеженный овраг попал.

Надежда означает: я не властен над какими-то факторами, но хочу, чтоб они сложились в мою пользу, и признаю это возможным. А крайняя степень: я вовсе не властен над неблагоприятными факторами, желанный исход почти-почти совсем-совсем невозможен, но все-таки какие-то случайности, которые я могу вообразить себе, сыграют в мою пользу, мне может фантастически повезти, и итог будет желанен для меня. Я приговорен к смерти, в темнице, хана, – но вдруг революция, или землетрясение, или друзья похитят самого президента и обменяют меня, или конвоир вдруг так сжалится, что отпустит – о, я умолю палача, зацелую его сапоги... Господи, помоги мне, сделай что-нибудь, ты ведь все можешь!..

Вглядимся же внимательно в знаменательную грань перехода.

Надежда переходит в веру – там, где для надежды уже вовсе не остается места, но зато веру – ничто не может поколебать, умалить, уничтожить. Я знаю, что надежды нет – но я верю, что все может быть хорошо, и все тут.

Я знаю, что умру. Я знаю, что загробного мира нет. Но я не хочу умирать. Не хочу – и поэтому не согласен с этим. И я верю в загробный мир – там все будет хорошо, там будет вечная любовь, и вечное счастье, и не будет разлук. Я в него не верю. А все-таки одновременно и верю. Очень хочется. Вопреки всему. Плевать я хотел на очевидность. Кто его знает, в конце концов, что там может быть.

Вера – это несмиримость человека с существующим положением. Это воплощение желания – вопреки знанию, очевидности, всему.

Отношение к смерти – вопрос ключевой. Собственная смерть занимала размышления человека всегда. И то сказать – самый серьезный, как-никак, шаг в жизни. И никто еще его не избегал. Сознание, которое субъективно есть весь мир, тщится постичь, как же это так, что его не будет – вообще, никогда, ничего. И вот это – та пограничная последняя и главная – ситуация, где обнажаются ответы на многие вопросы.

Состарившееся животное умирает спокойно. Не дергается. Инстинкт жизни затухает, слабеет, гаснет. А до того – инстинкт повелевает всячески избегать смерти, но никак не отравляет жизнь сознанием ее в будущем. Рефлексирующего сознания у животного нет, оно себя картинками будущей смерти не растравливает и в деталях ее не воображает. В этом смысле ему легче.

И только человек – уж и старенький, и на ладан дышит, и сам, вроде, говорил, что зажился на свете – но хочет пожить еще бы хоть до завтра.

Так вот. Мы энергичнее, чем требуется для простого выживания. Наша центральная нервная система активнее, мощнее, чем требуется для простого выживания. Мы не вписываемся равновесно в окружающий мир, не находимся в гомеостазе с природой – нам всего мало,

все не так, все надо изменять и переделывать. Мы никогда, в принципе, не смиряемся с существующим положением вещей. Мы – переделыватели, энергопреобразователи.

Наше сознание – острое нашей энергоизбыточности, оформление ее, орудие, которым мы не соглашаемся с положением вещей и изменяем его. Само-то оно потребляет очень-очень мало энергии – а главное всего остального, весь организм только и нужен по большому счету, чтоб оно работало – а он выполнял его приказы. Собственно, сознание и есть человек как таковой. Организм уже ни к черту, на капельницах, на аппаратах, в параличе – а сознание еще работает, и человек как таковой еще есть, живет, личность.

И откуда сознание есть – есть этот человеческий избыток энергии, который никогда не соглашается с тем, что есть. А есть уже только одно – помираю, братцы. И человек, один из всех живых существ на Земле – не смиряется. Не хочет. Не устраивает его это вполне естественное положение вещей.

Что он может сделать? Ничего он уже не может сделать, рукой не шевельнуть. Но он может еще – повернуть ситуацию, изменить, переломить, сделать так, как не было! Может сделать: я буду жить за гробом, я не умру никогда, все будет хорошо, я встречу с теми, кого люблю.

Последнее, что он может сделать – это гигантское действие: в воображении построить целый мир, остаться жить в этом мире, и победить саму смерть.

Вот что такое вера, ребята. Все прочие ее аспекты – это мелочи и следствия, проистекающие из главного.

Вера – это избыток желания. Избыток нервной энергии. Избыток сверх необходимого для жизни. Этот избыток желания направлен, как всегда направлен избыток энергии, на изменение системы «я – мир», на передел соотношения «я – мир». И там, где человек уже не может никак переделывать окружающий, внешний, объективный мир – ну так он переделывает мир внутренний, субъективный, воображаемый. Главная суть – он переделал его по своему желанию.

Вера – это аспект внутренней, принципиальной, имманентной непримиренности человека со всем положением вещей в этом мире.

§ 6. Вот это и есть вера как противоположность знанию. Сферы знания и веры – различные. Это и есть противопоставление рационального познания мира – и его над-рационального, над-чувственного постижения.

Хочу – могу – делаю снаружи себя.

Хочу – не могу – но могу внутри – делаю внутри себя.

Тот самый избыток энергии, который позволяет и велит человеку переделывать окружающий мир – велит и позволяет ему переделывать мир внутри себя: так, чтоб внутренний мир не был просто точным, зеркальным, адекватным отображением мира внешнего, реального – но трансформировался внутри человека, был переделан там настолько возможно (а внутри-то можно насколько угодно!), был другим, измененным, не таким, как внешний, но таким, каким ему хочется.

В конце концов, что бы мы ни переделывали, мы переделываем свое представление о мире. Вера – это переделывание представления о мире: переделаем представление – и тем самым переделаем мир.

Вера – это субъективное преобразование мира внутри себя по своему желанию. Не умозрительному, рациональному желанию, уточним сверх необходимого, для туповатых, – а по желанию чувственному, по психической потребности. Не игра калейдоскопа – хочу так переделал, хочу – иначе, – а как если перестроить изображение в зеркале, чтоб оно, в первоначальной основе адекватно отображающее реальность, из тех же в общем элементов составило новую картину, отличающуюся от реальности и уже независимую от нее.

Вот наше «рефлексирующее» сознание – это двойное зеркало: оно одновременно отражает и реальный мир – и одновременно содержит в себе перестроенную картину этого мира, наш внутренний мир, идеальный, воображаемый, в дополнение и противовес реальному, построенный из тех же отраженных элементов – но уже на базе чувственных потребностей и образов.

И как порядочный пулеметчик имеет на огневой точке несколько площадок, соединенных ходом, что позволяет ему уходить от ответного огня – так верующий (верящий) человек всегда может перейти в свой личный, внутренний, собственный, воображаемый мир, который для него по-своему так же реален, как этот наш реальный, просто как бы находится в другом месте, в другом измерении, – и быть удивительно стоек, силен, непоколебим в этом мире – потому что в том, своем, он неуязвим и бессмертен, вечен и всемогущ, – так фиг ли ему какие-то гадости в этом мире, временном, неглавном.

§ 7. Вот так у него появляются ценности большие, чем жизнь. Вот так, через создание того мира, он делается сильнее в этом, – сильнее и значительнее вообще.

Верующий претерпит муку. Взойдет на костер. Примет смерть – во утверждение своей веры, истины, правоты. Утвердит свою значительность перед палачами, и вообще перед всеми враждебными силами мира.

Вера – аспект самоутверждения человека. Я верую – и тем силен: могу делать то, что хочу (полагаю нужным для себя) – даже если это стоит мне ужасных лишений и самой жизни; могу презреть саму смерть.

Вера – аспект стремления человека к самореализации в чувствах, самоутверждению в поступках, к совершению максимальных действий. (Не бойся сделать то-то и то-то – ты можешь, ты не умрешь, в раю тебе будет очень хорошо.)

Вера укрепляет и подпирает человеческий дух, придает решимости, – и тем самым увеличивает реальные возможности человека.

Верующий сильнее и значительнее неверующего. У него есть дополнительный стимул к действиям – во имя веры. У него есть дополнительное мужество – обусловленное «Высшей страховкой». У него всегда наготове «индивидуальное убежище» – тот идеальный мир, куда нет входа земному врагу.

§ 8. Итак:

Вера – это одна из форм неудовлетворенности человека этим миром. Одна из форм изменения этого мира. (Изменение достигается путем дополнения его другим миром в своем сознании.)

Вера – это одна из форм энергоизбыточности человека, стремления его к самореализации, самоутверждению, к испытанию сильных ощущений и свершению значительных поступков.

Вера всегда существует именно потому, что человек энергоизбыточен и в принципе не удовлетворен существующим положением вещей, не удовлетворен реально имеющимися возможностями, каковы бы они ни были.

В каждом отдельном человеке вера возникает и строится именно из его индивидуальной энергоизбыточности, т. е. из «излишней» силы психики.

На уровне инстинкта жизни – вера есть оформление избыточной силы этого инстинкта: стремления выжить, не умереть, победить – всегда, в любых условиях, даже вопреки очевидности.

Кроме того – на уровне космогоническом – вера есть форма познания и объяснения устройства мира; а потребность в познании есть первый, исходный и необходимый, этап переделки мира.

§ 9. А далее, грубо говоря, люди обмениваются соображениями насчет разных разностей жизни. Спорят, самоутверждаются через свои умственные способности, размышляют над

услышанным. Более умные и ловкоговорящие как-то внедряют свои взгляды в головы окружающих. Происходит определенная универсализация взглядов и представлений. Оформляется комплекс верований для рода, племени, народа.

И вера приобретает «наведенные» формы: ребенок еще мал и не шибко соображает, а в него уже вкладываются догматы веры. И энергоизбыточность человека вполне удовлетворена тем, что может «прицепиться» к уже кинутым в сознание «точкам привязки». В сущности, какая разница, во что именно верить и как именно, главное – чтоб «избыточные» чувства были как-то оформлены, чтоб на основные вопросы жизни было как-то отвечено.

И возникает общий для группы людей «тот мир», и люди вступают с ним в какие-то отношения: разговаривают, задабривают, приносят жертвы и посвящают высшим существам свои подвиги. Оформляется свод этих взаимоотношений, религия принимает подробные формы, и выделяется слой профессионалов, посредников-переводчиков-ходатаев перед высшими силами – от шамана до Ватикана.

И эти профессионалы сосредоточивают свои силы на постижении замысла Высшего Существа, их энергия тоже требует каких-то действий и свершений, и они придумывают все новые обряды и святыни, и внешняя сторона, внешние проявления веры все увеличиваются, усложняются, все дальше отходят от первоначальной сути веры, всегда нехитрой, несложной. И вот уже всем, в общем, плевать, как ты веришь – ты, главное, соблюдай все обряды, это означает, что ты веришь правильно, раз правильно совершаешь все сопутствующие вере действия, а какие действия – это ученым «святым отцам» виднее, они только этим вопросом и занимаются.

И в конце концов Церковь – это получается одно, а религия – немного другое, а вера – немного третье. Изошренные церковные схоласты найдут высший и истинный смысл в любой мелочи любого обряда – но это ведь дело несложное (сродни концептуальному искусству), любой человек с развитым ассоциативным мышлением может быстро и без труда, такое занятие даже развлечет, придумать целый обрядовый комплекс для служения какому-нибудь Высшему Существу: скажем, сплевывание будет означать извержение из себя скверны вон, почесывание гениталий – напоминание о первородном грехе совокупления, кукиш – единство пастыря (большого пальца) с паствой (остальными четырьмя пальцами), а битье головой о камень – Его твердость и незыблемую силу. Пуркуа па?

§ 10. Поэтому самые энергичные, значительные люди из лона Церкви – еретики, реформаторы, раскольники. Фанатики, люди повышенной энергии, они ударялись в религию со всей страстью – и неизбежно приходили к несогласию с чем-то в ней. Им надо изменять и переделывать! Обряды формальны, священники – карьеристы, суть веры отплыла далеко от мишурной суеты религии, – давай реформацию!

В конце концов, гораздо более заслуги создать новую религию, нежели послушно следовать тому, что уже придумали до тебя.

Да и откуда вообще взялись все религии? А очень просто: кто-то первый взял и заявил, что дело обстоит не так, как полагали раньше, а иначе – вот так и так. Ему это сообщил Бог, или ангел, или ему это приснилось, или он пришел к этому по долгому размышлению. Его сожгли (удавили, закопали, распяли), но народ призадумался: что-то в его словах есть, тем более если он за них принял смерть.

§11. В принципе любая церковь и любая религия существуют для стада, толпы, не способной к самостоятельному мышлению и самостоятельной вере. Потребность в вере есть, а оформить самостоятельно ее трудно, осознать самостоятельно что к чему – мозгов не хватает. А вот тебе, милоч, и готовые объяснения и предписания на все случаи жизни. Да? Отлично! Дух подкреплён, ответы на вопросы о мироустройстве получены, потребность в несогласии со многими моментами этого мира удовлетворена, и за всем этим вдобавок стоят авторитетные люди и вековые святыни. Ведите меня к крещению, причастию, молитве, обрезанию, будем

читать Тору, Евангелие, Упанишады, Лао Цзы – короче, приспособьте меня в какую-нибудь ладью, а то я болтаюсь под ветрами мира, как цветок в проруби, и как-то мне ненадежно, одиноко и беспокойно. Мир тебе, брат во миру.

§12. Кроме того, люди всегда объединялись в большие группы, чтоб творить сообща великие дела и обламывать рога другим группам. Религия и церковь работали тут объединяющим фактором. Мы вместе, потому что нам ведома истина, она правильная и хорошая, а у других неправильная и нехорошая. Мы – орлы, эй ухнем, Бог с нами, а этих собак сейчас перережем, у них бог неправильный.

Зараза, а если у них тот же самый Бог?.. Тогда мы отыщем в их действии нехороший поступок, которым они сделали пред лицом Бога то, что ему неуютно; по глупости и дьявольскому наущению сами они не ведают, чего натворили, но уж мы-то порядок наведем и грешников на голову укоротим. Что, с той стороны такие же проповеди?! Мер-рзавцы... Они неправы, они упорствуют в своем заблуждении, – рубай их, хлопцы! Отче, благослови оружие на святое дело!.. Отче благословляет, а как же, в каждом полку свой собственный представитель Бога, причем с обеих воюющих сторон.

Практически всегда религия как объединяющий фактор работала на совершение людьми больших действий.

То есть существование религии обусловлено не только ее произрастанием из веры, не только адаптацией веры для толпы, – т. е. потребностью в духовном массокульте, – но и просто потребностью людей в объединении для усиления себя. Чего повторять, что общность религии скрепляет своих и противопоставляет чужим, это ведь ясно. Необходимо отметить:

Потребность в религии как потребность в крупных действиях. Как стремление усилить себя через усиление своего сообщества.

§ 13. В конце XX века в России разумному человеку быть религиозным – пожалуй что несколько стыдно, несерьезно, смешно. Стыдно – потому что придерживаться православия сейчас стало модно, стало конформизмом и общим местом. Когда матерые коммунисты вдруг встали в храме со свечками, а жуликоватые священники, в прошлом информаторы КГБ, т. е. доносчики и предатели, делают в их сторону жест пальцами и дают целовать кусок металла крестообразной формы, а в это время телекомментатор ведет репортаж со служения с интонациями и оборотами спортивного репортажа, – порядочному человеку подобает объявить себя атеистом.

Несерьезно – потому что обрядопоклончество и идолопоклончество, составляющее внешнюю, атрибутивную сторону религии, слишком уж условно; и никакого прямого отношения к сущности веры не имеет. Это театр для толпы – толпа таким образом реализует свою потребность в ощущениях «чего-то высшего и святого», а актеры зарабатывают себе на хлеб с маслом.

Только тот, кто не может обрести веры внутри себя, нуждается в приобщении к ней снаружи, через стояние в толпе, соучастие в условных действиях обряда.

Смешно же то, что человек может полагать в другом человеке посредника и ходатая меж собой и Богом. Он что, знает что-то, чего по жизни не знаешь ты? Или Бог лично ему что-то сказал и уполномочил на представление своих интересов на земле? Если взглянуть в деловитые лица священников, прислушаться к деловитым интонациям их молитв, – послушайте, да у них же работа такая! Акт отправления веры не может быть работой – служение Ему есть акт откровения, душевный порыв, подъем духа, откровение, экстаз, раскрытие сокровенного. Заниматься этим по расписанию изо дня в день?.. Не знаю, не знаю...

А выговариваться духовнику – примерно то же самое, что выговариваться психоаналитику, врачу, другу. Избывание комплекса вины.

§ 14. Надо отметить психогигиеническую функцию религии. Избавление от камня в душе. Приведение в норму своего внутреннего соотношения между сущим и должным.

Что это значит? Человека насколько-то не устраивает он сам и его действия. Он хочет изменить положение: изменить свои ощущения. Либо чувствует, что хочет сделать «не то» – и идет к духовнику за поддержкой, пусть тот его отговорит, иначе по натуре своей тещу отравит или конкурента-обидчика пристрелит, очень сильное желание подмывает.

Религия как средство изменения соотношения «я – мир».

§ 15. И последнее. Религия всю дорогу брала на себя право и функцию определять мораль. Через устройство «высшего мира» объясняла и предписывала, почему так, а не иначе, надо поступать в этом мире.

Вера и мораль – вещи частично взаимонакладывающиеся, совпадающие. Мораль во многом иррациональна, с точки зрения целесообразности в реальном мире кое-что и многое в ней представляется необъяснимым.

Когда религия (церковь?) повелевала истреблять инаковерующих вместе с семьями – насчет морали можно и призадуматься. Но когда религия (вера?) велит соблюдать Десять заповедей – это тот самый моральный кодекс.

Люди никак не могли сообразить, почему же надо (сами же себе постановили это «надо»!) поступать в любом случае не так, как целесообразно и выгодно в этом реальном мире, а как-то иначе. И ввели условное допущение: «Потому что Бог поведал, что это хорошо и похвально, а иначе Он накажет». В сущности, это объяснение морального императива ничем не хуже любого другого.

Но возможен другой взгляд на категорию морали, который представляется, наконец, верным.

На прощание

О тех, кто понимал

Шопенгауэр.

В блистательной философии Шопенгауэра есть, пожалуй, только два слабых места. Зато принципиальных. Одна из слабостей отчасти проистекает из уровня научных представлений эпохи, и в этом повинен не может быть никто. Другая же коренится в особенностях его личности.

Шопенгауэр полагал, что мир этот в общем неизменен и никуда не движется. Мировая Воля не имеет замысла и цели, все сущее – хаотическая игра ее проявлений.

Примечательно, что задолго до опубликования и тем более до признания теории эволюции Дарвина Шопенгауэр принимал и учитывал эволюционную теорию Ламарка – но, учитывая ее как бы от нуля до современного человека, не сделал никаких попыток экстраполяции и связи человека в будущем со Вселенной вообще и с ее механизмом. Человек Шопенгауэра наличествует в мире как порождение и слепое орудие Мировой Воли, посредством какого орудия Мировая Воля не только являет себя – как и во всем сущем, – но и познает себя; и только. По Шопенгауэру (и в этом он следовал общей точке зрения) человек в мире, в сущности, «низачем не нужен»: что он есть, что его нет, э, ничто не меняется по большому счету.

Я полагаю, что показал достаточно ясно: у человека во Вселенной есть своя роль, имеющая принципиальное значение для существования Вселенной и не могущая быть выполнена никем-ничем другим.

Вторая принципиальная слабость философии великого и мощного Шопенгауэра – во врожденном преобладании в его центральной нервной системе рационального начала над витальным, чувственным. Поистине жить для него значило мыслить. Постоянно держа в мироотношении брэнность жизни человеческой и постоянство страданий, он не мог, бездумно и плюя на это, наслаждаться и радоваться любовью, природой, едой и питьем, мышечной радостью тела и красивой одеждой. Все знают, что смертны – это не мешает любить и жениться, души не чаять в детях и радоваться всем обычным малостям жизни. В мозгу Шопенгауэра был своего рода дефектик, благодаря которому примат мышления не позволял ему рефлексивно принимать радость бытия – в отличие, скажем, от здоровых ребят Платона и Аристотеля. Правда, этот самый дефектик и позволил ему создать свою философию.

Вернадский.

Сила и значение Вернадского в том, что он впервые встроил человека в систему энергетики Земли и в связи с ближним Космосом. В сущности вся теория Вернадского сводится к доказательству одного простого тезиса: по мере развития жизни на Земле уровень миграции атомов в биосфере повышается, с появлением же человека разумного это повышение уровня выходит на качественно большую высоту: разум является геологическим фактором, с новой и небывалой скоростью преобразующим верхний слой планеты.

Слабости и недостатки Вернадского, как только всегда и бывает, являются обратными сторонами его достоинств.

Как истый ученый-естественник, крайне добросовестный и обстоятельный, он пляшет от родной геологии и минералогии, рассматривая эволюцию материи верхнего слоя Земли сугубо

на естественнонаучном уровне. Он анализирует достоверные факты и выводит из них бесспорные заключения.

Философия и психология не входят в сферу его рассмотрения, «ибо их, строго говоря, нельзя отнести к наукам», и в этом он скорее прав, нежели неправ. Но из столь же логичного, сколь и полного пренебрежения человеком не только как геологической силой, но и личностью с ее психологией и всеми комплексами, проистекает кардинальная ошибочность (правильнее сказать – наивная поверхностность) учения Вернадского о ноосфере.

Осознав свои возможности, человек должен проникнуться ответственностью, полагал Вернадский, и, координируя усилия человечества, творить дальше историю планеты «по уму», в желательном себе «правильном и благом» направлении, избегая катастроф и разумно применяя планету к своим нуждам.

Первое. Вернадский даже не пытался встроить человека в общую энергоэволюцию Вселенной (он и понятием таким не оперировал, и проблемами другими занимался, и вообще здесь слишком мало фактов для создания теории, которая по принятым в науке критериям может считаться подлинно научной теорией). Как подлинный ученый – он прав. Но если ты не знаешь, куда плывешь – тебе не понять суть механизма плавания, цель и средства связаны уж больно неразрывно.

Пожалуй что впервые мы встроили человека в общую материалистическую картину Вселенной.

Второе. Сам разум человеческий со всеми его законами и реакциями, вся психика человека с ее структурой – есть порождения и орудия Вселенной, созданные и функционирующие в полном соответствии с закономерностями ее энергоэволюции. То есть: разум делает не то, что полагает разумным, а лишь обслуживает то, чего психика хочет, ее же хотения коррекции практически не поддаются (так, в мелких частностях и не надолго только). И посредством своего разума человек всегда будет делать не то, что он думает, будто хочет, а то, что всегда делал: обслуживать и реализовывать свои страсти и хотения, которые сводятся к максимальным ощущениям и максимальным действиям, имеющим следствиями максимальное энергопреобразование мира.

Мы и заехали-то к картине мироздания не от геологии или астрономии, а от психологии, – выводы же естественных наук только подтвердили правильность нашего понимания психологии и соответствие ее всем прочим вещам и процессам Вселенной (это ли не лучшее подтверждение правильности понимания).

Отсутствие у Вернадского сколько-то серьезного отношения к психологии, что он полагал излишним и чуждым его задачам, и придает его учению о ноосфере и взглядам на будущее человечества вид благого пожелания из пятого сна Веры Павловны.

(Трудно удержаться от замечания: если бы удалось решить две старые проблемы – преодоление времени в обратном направлении и получение детей от гомосексуальных браков – то метис от Шопенгауэра и Вернадского мог бы дать миру совершенно уже потрясающую по гениальности теорию. Правда, тогда быть может мне, не имеющему чести кровного родства с двумя вышеупомянутыми, не пришлось бы писать именно эту самую книгу.)

Фрейд.

В создании психоанализа Фрейд применил блистательную и остроумную дифференциацию: он выделил в психической структуре личности «инстинкт любви (жизни)» и «инстинкт смерти (разрушения)» – это как бы, условно говоря, по горизонтали, а по вертикали – «Сверх-Я», «Я» и «Оно». И при практическом применении в лечении психических больных это стало давать отличные результаты.

И все это было бы хорошо, если бы психоанализ – учение прикладное, рабочая теория психиатрии, – вдруг не превратился прямо-таки в философское учение. Каковым он отнюдь не задумывался и не создавался. Фрейда мало интересовало мироздание «вообще». Его интересовало, как же это скомпонованы и взаимодействуют эмоции и мысли в человеке, и как же надо действовать, чтоб больных психов сделать здоровыми.

Традиционный фрейдизм сегодня – это вчерашний день психоаналитиков, но основы структуры личности «по Фрейду» и сегодня многими, причем многими профессионалами, принимаются за чистую монету.

А теперь представьте себе автомобиль. Он может ехать вперед, назад, прямо, налево и направо. И представьте себе инструктора, который для простоты и доходчивости объясняет, что в основе движения автомобиля лежат два противоположных стремления движения двигателя – передний ход и задний ход. В нормальном состоянии автомобиль движется передним ходом, но задний всегда наготове, он как бы подавлен передним, но он есть, есть! И в некоторых ситуациях, когда вперед ехать неудобно или невозможно, задний ход берет верх над передним и тащит автомобиль казалось бы в противоестественном положении, задом наперед, назад и видно плохо, и сидеть задом наперед неудобно, и в колдобину можно заехать, зато можно и выбраться на дорогу, если передок засел или в стену уперся.

А также автомобиль в нормальном состоянии едет прямо, но если нужно сменить направление – передумал ехать прямо, или в кафе перекусить, или бензина залить, – автомобиль подключает ориентацию левого поворота, каковая ориентация всегда дремлет наготове. А также есть всегда «за гранью прямолинейного движения» стремление и способность к правому повороту.

А поскольку движение правостороннее, то левый и правый поворот имеют каждый свои особенности и свое назначение. И поскольку вообще по шоссе все ездят передом, то езда задним ходом имеет свои особенности и опасности, хотя логичность и известная полезность ее несомненны.

И при возникновении аварийной ситуации мы определяем, в каком из упомянутых режимов движения функционировал автомобиль, какие действия предпринимал к этому водитель, помогаем ему сменить передачу и выкрутить руль из опасного направления в безопасное – и отпускаем дальше, взяв гонорар и сделав доклад о победе в деле безаварийности движения.

Вот что такое психоанализ и «рабочая теория» структуры личности.

На деле понятно, что у автомобиля одна энергия – энергия сгорающего в цилиндрах бензина. (Гравитацию и инерцию сейчас не учитываем, чтоб не утяжелять сравнение.) А еще – коробка передач, распредвал, кардан и руль с тягами на переднюю ось; тормоза еще и колеса. И какие бы эволюции автомобиль ни выделял – движет его одна и та же энергия движка внутреннего сгорания, а все остальное – зависит лишь от того, куда и как эта энергия пущена. Система распределения энергии и управления энергией.

Точно так же в человеке есть только одна энергия – энергия жизни. И только один инстинкт – инстинкт жизни. А вот созидать или разрушать, начинать или умирать – зависит от того, куда эта энергия направляется. Ибо любое изменение действительности есть акт жизни.

Жизнь есть: ощущение – мысль – действие: изменение системы «я – мир». Действие может носить созидательный и разрушительный характер, это уже вторично, главное – что оно есть изменение, произведенное жизненной энергией особи. Энергия может быть направлена в любовь, в убийство, в творчество, в строительство дома – это суть одна и та же энергия.

Это не вредно помнить и не принимать психоанализ за чистую монету философии.

Резюме

Эволюция Вселенной. По мере нарастания энтропии во Вселенной энергия «консервируется» во все более сложных материальных структурах. От однородного раскаленного газобразного облака элементарных частиц, вся энергия которого «налицо» и воплощена в тепле пространства и скорости частиц, – до планет с биосферой, где энергия «содержится» в сложных структурах. Чем сложнее структура, тем она более энергоемка.

При определенных условиях сложная структура способна к распаду на элементарные частицы, что сопровождается выделением всей «законсервированной» в ней энергии, которая доколе расходовалась и воплощалась в самом существовании сложной структуры.

Любое материальное существо может рассматриваться как энергетическая система.

По мере существования нашей Вселенной, с расширением ее пространства и уменьшением энергии на единицу объема, – все больше энергии «консервируется» во все большем количестве все более сложных структур. Эта часть энергии «избегает» энтропии – по мере времени все большая часть энергии Вселенной может быть «вновь выделена», тем самым сохраняя способность к дальнейшим изменениям Вселенной.

(Часть энергии Вселенной, идущая на структурирование материи, может рассматриваться условно как КПД эволюционного процесса, где большая часть энергии энтропируется.)

Жизнь. Понятно, что по сути своей биологическая жизнь антиэнтропийна. Принципиальное отличие живых структур от неживых – в степени энергоемкости и уровне энергопреобразования среды.

Во-первых, живые структуры «консервируют» энергию космических излучений, которая без них подвергалась бы «бесплодной» энтропии, необратимому равномерному растворению в окружающем пространстве. Живые структуры «утягивают» часть этой энергии на существование и функционирование себя самих. Эта часть энергии избегает энтропии, которой не могла бы избежать никаким иным образом. А степень сложности живой структуры требует для создания и существования живого вещества гораздо больше энергии, чем вещества неживого. В живом куда больше и сложнее всего наворочено, живое дальше отстоит от хаоса.

Во-вторых, живые структуры самопроизвольно размножаются. Неотъемлемый аспект их существования – консервация все большего количества энергии, причем со скоростью качественно, на порядки, более высокой, чем консервация энергии неживыми структурами.

В-третьих, неотъемлемым аспектом существования живых структур является то, что они вовлекают в процесс своей жизни, т. е. энергопреобразования, все большее количество неживого окружающего вещества. Неживое вещество планеты, которое без связей с живым веществом может миллионы и миллиарды лет пребывать в неизменном состоянии – и, что главное, неспособно «вновь выделить» энергию, «законсервированную» в нем, – под воздействием живого вещества способно с высокой скоростью выделять эту энергию.

Жизнь «оплодотворяет» неживое вещество, взаимодействуя с ним. Энергия неживого вещества делается способной преобразовываться и выделяться.

Этот процесс идет по нарастающей – и, насколько его возможно наблюдать, фиксировать, осознавать, анализировать, – носит *необратимый характер*, являясь сутью эволюции Вселенной.

Человек. Человек отличается от всех прочих живых существ тем, что поднимает процесс энергопреобразования окружающей среды на качественно еще более высокий уровень. Энергию, содержащуюся в окружающем неживом веществе, человек преобразует, выделяет, «консервирует» в новые созданные им структуры с небывалой до него и невозможной без него скоростью.

Принципиальное отличие человека от прочих живых существ в том, что он преобразует и выделяет энергии окружающего вещества гораздо больше, на порядки больше, чем необходимо для его физического существования и размножения, – гораздо больше, чем вытекает из его физического существования и является следствием и неотъемлемым аспектом его физического существования.

Растение и животное преобразует, чтобы жить – ни больше и ни меньше; процесс преобразования окружающей среды «уравновешен» с потребностями его существования и есть само это существование. Человек преобразует окружающую среду все больше и больше – в «бессмысленных» с точки зрения и индивида, и рода, масштабах, причем сплошь и рядом во вред своему физическому существованию – как индивидуальному, так и родовому.

Но «с точки зрения эволюции Вселенной» человек – «идеальный» на сегодняшний день энергопреобразователь, способный выделять энергию из неживой материи – каковая энергия без его участия оставалась бы «бесполезной», не в силах преобразоваться и выделиться.

Часть энергии Вселенной, «законсервированной» в ее материи, способна преобразовываться и выделяться только посредством человека.

Наличие и функционирование человека увеличивает эволюционные возможности Вселенной.

Нет противопоказаний к тому, чтобы допустить и счесть, что:

во-первых, именно такова функция человека во Вселенной – что в конечном счете приведет к выделению человеком энергии, достаточной, чтобы уничтожить нашу «состарившуюся» Вселенную и одновременно тем самым создать в «перво-взрыве» Новую Вселенную: именно это есть идеальное завершение необратимого процесса все большего преобразования человеком окружающей энергии;

во-вторых, именно с такой точки зрения делаются понятными и объяснимыми абсолютно все без исключения черты и особенности человеческой деятельности и человеческой личности – в совокупности психической структуры человека и всех действий человеческой истории.

При внимательном рассмотрении все говорит в пользу именно такой точки зрения, и более того, она представляется единственно верной и возможной.

Разум-1. С точки зрения физических процессов Вселенной разум есть «фактор икс», посредством которого наиболее сложная материальная микроструктура, затрачивая (потребляя и преобразуя для собственного физического существования и собственной физической деятельности) минимум энергии, изыскивает способы и средства для выделения максимума энергии из окружающего вещества. Малые затраты собственной энергии и огромные выделения энергии окружающего вещества несопоставимы по величине (и, пожалуй, на сегодня не знают аналогов во Вселенной).

Разум можно считать «запалом» энергии, «законсервированной» в материальных структурах Вселенной.

Разум-2. Но во всех своих действиях индивидуальный человек лично и сознательно никак не руководствуется «нуждами Вселенной», но лишь собственными желаниями и ощущениями. Если ему ничего не хочется, он ничего не будет делать. А если он ни от чего не будет получать положительных и отрицательных ощущений, он ничего не будет хотеть.

Мотив любого действия – желание, будь оно прямое или косвенное, хочет ли человек прямого результата желания или косвенного следствия этого желания. Человек стремится к действиям, которые дадут ему обретение желательных ощущений и избавление от нежелательных ощущений.

Но почти все человеческие желания являются избыточными, излишними сверх физически необходимого, условными, социальными: без ущерба для комфортного чисто физического существования от них можно было бы отказаться.

И здесь разум выполняет функцию связующего звена, трансформатора и трансмиссии, декодера, между ощущениями и действиями. Человек может ощущать счастье или горе от получения или неполучения награды, выигрыша или потери больших денег и т. п., то есть от условных, надуманных явлений, которые для его чисто физического благополучия необязательны или даже вредны, сокращают срок жизни и доставляют лишние отрицательные эмоции.

Осознавая окружающий мир, разум – дополнительно к прямым физическим (рефлекторным) ощущениям, которые получает человек – преобразует внешние явления в мысли о них, каковые мысли служат для человека источником положительных или отрицательных ощущений. Для животного эти явления – деньги, награды, должности, – не имели бы никакого значения и не могут служить поводом к ощущениям и действиям. Человек же, преобразуя в мысленное восприятие разные условные величины, эмоционально переживает то, что является лишь мысленными образами разных аспектов мира.

Ему доставляет ощущения то, о чем он думает. И жизнь его человеческая есть то, что он о ней думает. Чего не знает – о том не думает, того не переживает, к тому не стремится.

Разум есть «устройство» для получения положительных и отрицательных ощущений из чего угодно: вплоть до несправедливости жизни и неизбежности смерти. Эти осознания доставляют ощущения, а ощущения подвигают к действиям – скажем, бороться за справедливость, развивать медицину для продления жизни и создавать мощные церковные структуры для преодоления смерти через учение о загробной жизни.

Разум, осознавая всевозможные явления, передает их в сферу ощущений как поводы и причины для ощущений, – и тем самым создает чувственное отношение ко всему на свете и чувственную мотивацию к совершению любых действий.

Разум-3. Сытое здоровое животное в тепле и сухе – отдыхает: спит, играет, созерцает, и не предпринимает ни малейших действий к изменению своей жизни и окружающей среды. Ему и так хорошо, оно удовлетворено, все в порядке.

Сытый здоровый человек в тепле и сухе так или иначе задумывается о разных разностях. Хоть один из ста, хоть раз в десять лет. Он разумнее животного: любопытнее, изобретательнее, он наделен большей способностью понимать – т. е. делать из явления вывод, улавливать причинно-следственную связь и пытаться как-то применить ее на практике.

В разных с животным комфортных условиях человек, благодаря своему думанью и пониманию, делает больше, чем животное, хотя это может не быть вызвано никакой конкретной физической необходимостью.

В человеке энергии больше, чем потребно для простого физического выживания. И эта энергия проявляет себя через разум. Разум есть оформление избыточной энергии центральной нервной системы. Вот все хорошо, вот можно ничего не делать, – так нет, этот волосатый человек о чем-то думает, потом в нем рождается какое-то желание – и вместо того, чтоб играя кататься по траве с соседом, как делают животные, он смотрит на мышь, плывущую на ветке, оседлывает плавающее бревно, и так получается плот, скажем.

Понимание есть первый и необходимый шаг к совершению осознанных, очеловеченных, избыточных сверх необходимого физически, действий.

Разум есть аспект, воплощение, оформление, избыточной энергии центральной нервной системы человека.

А если ребенок-маугли будет воспитан волками – вместо разума этот излишек энергии пойдет на приспособление и выживание в нечеловечески трудных, буквально физически невозможных для обычного человека условиях: сырое мясо зубами рвать и переваривать, собственным теплом ночью на земле согреваться, на четвереньках быстро скакать, а разума уже не будет: закончилось первичное созревание особи, завершился период психического формирования нервной энергии, поезд ушел.

Стремление к счастью и стремление к страданию. Все сколько-то неглупые люди давно знают, что и счастье, и страдание заключены не в каких-то внешних благах и потерях, а коренятся внутри человека, это его состояния.

И однако никакого практического вывода люди из этого не делают. Отдельные мудрецы-отшельники, монахи и философы-голодранцы – лишь вечные исключения, подтверждающие общее правило.

Суть в том, что и счастье, и страдание являются стимулами к действию. А сумма действий и есть объективно жизнь человека.

Стремясь к счастью, человек сознательно ставит себя в такое положение, когда он должен совершать действия, чтобы удовлетворить свое желание и получить желательные ощущения.

Но от стремления к счастью можно устать, можно от него отказаться, эта гонка может надоест, в воле человека сказать «зелен виноград» и все к черту бросить, отдыхать в изнеможении и ловить кайф от безделья.

А действовать надо, так и на то Вселенная тебя устроила!

И поэтому одновременно с сознательным стремлением к счастью человек бессознательно стремится к несчастью. Несчастье – это такое состояние, когда человек вынужден действовать, чтобы избавиться от отрицательных ощущений и выйти из этого нежелательного состояния.

Ты можешь плюнуть на недостигнутый пряник, но плюнуть на боль от кнута гораздо труднее.

Поэтому страдание всегда и обязательно присутствует в человеческой жизни как неизбежный отрицательный стимул к действиям.

А если со стороны кажется, что данному человеку не из-за чего страдать – он всегда найдет и измыслит себе причину для страдания.

Стремление к ощущениям. Субъективно жизнь человека есть сумма ощущений. Субъективно инстинкт жизни – проявление Бытия – заставляет человека именно стремиться к ощущениям, причем как положительным, так и отрицательным. Прямо и субъективно человек стремится именно к ощущениям. Ибо если ощущение от наркотика мозг не может отличить от ощущения от подвига, скажем, то какая мозгу разница.

Но объективно человек стремится к действиям. По общему счету стремление к ощущениям выступает как стремление к чувственной мотивации действий.

Три стремления. Да вот, пожалуй, и все. Вот таким образом связаны эволюция Вселенной со стремлением человека к счастью и уходом человека от страдания, к которому бессознательно он тоже и сам же стремится.

Любовь и верность, доблесть и честь, справедливость и предательство, славолюбие и поиски смысла жизни – все эти вечные человеческие проблемы объясняются и проистекают из еще раз изложенного на этих нескольких страницах.

Инстинкт бытия существует и проявляется в человеке на трех уровнях: ощущения, разум, действия. Все в человеке проистекает и объясняется из как бы раскладываемого на три уровня стремления жить-быть в этом мире: стремления к максимальным оптимальным ощущениям, стремления осознать все и придавать максимальное значение всему осознаваемому, и стремления к максимальным действиям.